

Брушко - Брюс Ульсон

Оглавление

Домой в джунгли

Кто мой Бог?

Миссионер

Своевременная помощь

Коммунисты

Едва не убит

Взятка

Ужасный прием

В цивилизацию и из нее

Нетерпеливое ожидание

Упадок духа

Заключение братского союза

Приняли за людоеда

Знахарка

Иисус — мотилон

Ночь тигра

Ежедневные чудеса

Как Давид и Ионафан

Глория

Почти уничтожены

Водоворот

За горизонт

Эпилог

Домой в джунгли

Мы с Бобби разыскали Айабокину, вождя индейцев племени мотилонов, одного на просеке у вершины обрывистого холма в джунглях. Ростки банана и юкки уже пробились из земли. Для выпаса скота было отделено значительное пространство - луг размером больше двухсот квадратных километров. Пока мы с Айабокиной обсуждали успехи индейцев, внизу на реке послышался шум моторной лодки. Она подошла слишком близко к берегу, чтобы мы могли ее увидеть, но было слышно, как лодка остановилась. Добраться до просеки - дело нескольких минут, но смуглолицый мужчина появился раньше, чем мы ожидали.

- Добрый день, - сказал он грубо по-испански. Смуглолицый запыхался и нетерпеливо ждал, пока мы с Айабокиной продолжали разговор. Краем глаза я увидел, что это был Умберто Абрел, один из преступников, осевших в этих краях. Я знал, что у него был скверный характер и что он угрожал мотилонам. Сейчас он явно был зол.

Когда наша беседа с Айабокиной закончилась, я сказал:

- Добрый день, Умберто.

Он сильно вспотел, с лица со впалыми щеками стекали крупные капли пота. Его так перекосило, что мне стало не по себе.

- Я пришел сказать вам, чтобы вы убирались с этой земли, - заговорил он. - Это моя земля. Я - колумбийский колонист. Я имею право претендовать на землю для колонизации и я предъявляю претензию на эту землю. Можете проваливать...

Абрел обращался ко мне, но прервал его Бобби:

- Я кое-что хочу тебе сказать. - Бобби говорил медленно, негромко, но очень убедительно. - Это наша земля. Она всегда была нашей землей и она всегда будет нашей. Мы уступили тебе достаточно. Шесть месяцев назад ты требовал, и тебе дали земли, но что ты сделал? Ты продал ее и теперь хочешь еще. Больше мы не дадим. И будем защищать свое.

Аргументация была короткой. Умберто начало трясти. Жилы на его шее вздулись стальными канатами, лицо побагровело. Он схватил Бобби за плечи и заорал:

- Это мои земли. Они мои. Прочие могут убираться. Потом он отпустил Бобби, но трястись не перестал. Страх холодом пополз по моей спине. Но Бобби был уверен в себе.

- Ты ошибаешься. Эти земли тебе не принадлежат. И не будут принадлежать, - отчетливо сказал он.

- Заткнись, - завопил Умберто. - Замолчи, ты, грязный индеец, замолчи!

Из углов рта у него вылетали слюни, оседая крапинками на багровой физиономии. Потом он положил указательный палец на большой палец правой руки так, что они образовали крест, и протянул к нам. Глаза Умберто выкатились из орбит, рука так тряслась, что он едва мог ее держать. Абрел поцеловал крест из пальцев.

- Клянусь Богом! - сказал он, снова целуя пальцы, и плюнул на землю. - Клянусь всеми святыми!

Умберто снова плюнул, его голова задержалась так неестественно, что это больше походило на приступ, чем на сознательные действия.

- Клянусь Девой Марией! - Плюнул третий раз... - И клянусь этим крестом!

Он снова плюнул, затем, сурово взглянув на нас, поднес пальцы ко рту и поцеловал крест из пальцев. Его голос перешел в гортанный.

- Я убью вас!

Потом он пронзительно закричал:

- Ради этого креста, я убью вас! По-прежнему багровый, с канатами мускулов, вздувшимися венами, Абрел повернулся на каблуках и стал спускаться к берегу. Мы молчали, пока не услышали, как лодка сорвалась с места, исчезнув вдаль, как бы вырезанной из джунглей. Тяжело, глухо ударившись, приземлились, включились тормоза и удержали большой самолет на небольшой посадочной полосе.

Пока самолет выруливал у конца дорожки, я искал глазами Бобби среди встречающих. Но не видел его. Только спускаясь по трапу, я заметил его невысокую, но крепкую фигурку, которая выглядела ловкой и сильной, даже под просторной рубахой и темными штанами. Его лицо было смуглее, чем у других ожидающих. И даже с трапа я мог любоваться сиянием его белых зубов. Его улыбка говорила: "Как это здорово, что ты снова вернулся, Брушко." Он никогда не называл меня по-американски Брюсом.

Я бросился к Бобби, подбежав, сгреб в охапку - устроил ему настоящее мотилонское приветствие. Должно быть, мы представляли собой умильную картину: невысокий смуглый индеец обнимается с длинным блондином-американцем. Нам это было безразлично.

- Брат, - сказал я, - брат мой Бобаришора. - Я называл его мотилонским именем, я всегда так делал в торжественных случаях.

Я отодвинул его на вытянутую руку и сказал:

- Ты отлично выглядишь. Как жена, сынишка, они в порядке?

- С женой все хорошо, - ответил Бобби. - Она здорова и счастлива. Ей очень нравится быть мамой прекрасного здорового сына.

- Значит, с ним все хорошо?

- О, да. Он очень упитанный. Посмотрел бы ты на него! Уже прыгает по всему дому, как маленькая обезьянка.

- Пойдем, - добавил он, - не стоять же нам здесь весь день. Пойдем получим твой багаж.

Когда мы вернулись к самолету и получили весь багаж, Бобби спросил:

- А как шли твои дела в Америке?

Я вспомнил потоки лиц, бесконечные номера отелей, неотличимые друг от друга, и покачал головой.

- Я не знаю, Бобби. Думаю, я сделал то, что нужно было сделать. Но я ужасно рад вернуться.

Бобби весело болтал о своей семье. Он был таким же счастливым, каким он запомнился мне. Темные глаза сияли. После смерти его дочери я переживал за Бобби; несколько недель он был угрюмый и неразговорчивый. А теперь казалось, что он не может перестать улыбаться.

Получив багаж, мы решили поехать и пошли в город, который начинался сразу за взлетной полосой. На его мощеных гравием узких улицах теснились новые дома, некрашенные стены которых еще пахли свежим деревом, а жестяные крыши все еще блестели среди старых, покрытых пальмовыми листьями домов. Но все эти постройки выглядели такими тонкими и непрочными, что, казалось, они не могут долго продержаться.

В самолете я ничего не ел, и Бобби веселился глядя, как я объедаюсь колумбийскими деликатесами.

- Теперь, Брушко, у тебя будет полный живот, - сказал он.

Я знал, что он имеет в виду. Для мотилона "иметь полный живот" имеет большее значение, чем просто не хотеть больше есть. Это означает довольство, удовлетворение жизнью, счастье. Бобби хорошо выразил мои ощущения.

- Как дела с планом по разведению скота? - спросил я.

- Все идет очень хорошо. На прошлой неделе я был немного обеспокоен, потому что некоторые коровы в горах заболели. Фактически, одна даже умерла. Я думал, мне самому придется делать все и нянчиться с ними, чтобы вылечить. Но все устроилось. Вожди взяли это на себя, коров лечили правильно, они выздоровели. Сейчас прекрасно себя чувствуют, дают много молока.

Он взглянул на меня загадочно и продолжал:

- Вообще-то, Брушко, в Иквиакагоре были излишки молока и оно начало прокисать. Так мы сделали сыр.

- Что? Вы сделали сыр? Как вы его сделали? Бобби изобразил удивление.

- Сделали, как все делают.

И он принялся хохотать. Наверное, у меня был очень ошеломленный вид.

- Ты оставил нам таблетки. Мы прочитали инструкции и выяснили, как все делать. Очень хорошо получилось. Когда придем в Иквиакагору попробуешь, если что-то еще осталось.

Я присел от удивления. Еще десять лет назад Бобби был дружелюбным ребенком с чудесной улыбкой. Теперь он вождь своего народа. Возможно, сделать сыр само по себе не очень важно, но это свидетельствовало о том, что мотилоны стали самостоятельными.

- Бобби, - сказал я, - теперь ты вождь своего народа. Это большая ответственность.

Он пожал плечами.

- Это не я на самом деле. Теперь многие могут занять мое место. Кроме того, Брушко, Иисус Христос ходит нашими тропами. Он знает нашу жизнь, и Он знает, в чем мы нуждаемся. До тех пор, пока мы не будем пытаться снова обмануть Его, Он будет нам настоящим вождем.

Я кивнул.

- Брушко, - сказал Бобби, - ты бы увидел наши школы! Они переполнены. Большинство учащихся уже прочитали те книги, которые мы перевели, и хотят еще. Особенно из Нового Завета. Они обсуждают прочитанное, как раньше обсуждали только охоту. И старые люди тоже. Мы должны взяться за работу и побольше перевести для них, иначе они не дадут нам покоя.

Я рассмеялся.

- Хорошо, мы займемся этим, как можно скорее. Теперь дело должно идти быстрее, когда мы перевели большинство трудных слов.

Перспектива заняться переводом очень меня обрадовала. К тому же, я сам многому научился из Библии, когда переводил. Я думал о слове "вера" по-мотилонски, слово, которое означает "привязаться" к Богу, точно так, как мотилон привязывает свой гамак к высокому стропицу в своей хижине. "Связанные" с Иисусом, мы можем отдыхать, петь и спать высоко над землей, не боясь упасть.

- Я так рад вернуться к тебе, Бобби, - сказал я, - я скучал по всем вас все время. Наверное, я "связан" с мотилонами.

- А мы с тобой, Брушко.

Официант принес нам кофе, густой и такой горячий, что от него шел пар. В то время, как Бобби помешивал кофе, его улыбка исчезла и он нахмурился.

- У нас снова были проблемы с поселенцами. Они прислали несколько писем с угрозами.

Кто мой Бог?

- Кто мой Бог? - спрашивал я. Мне тогда было четырнадцать лет. - Кто Он?

Некому было мне ответить. На школьном дворе слышны глухие удары мяча, свистки - шла футбольная тренировка. В тысячный раз мне захотелось быть спортивным, чтобы меня позвали играть.

Но было еще кое-что, занимающее мои мысли, что беспокоило меня уже долгое время.

- Кто мой Бог, - спросил я снова себя. - Есть Бог лютеран, о котором мы говорим в церкви. Есть Бог всех христианских церквей, о котором проходим в школе. Еще есть Бог, о котором я читаю в Библии. Но который из них мой?

Морозное небо Миннесоты не отвечало. Я отправился домой.

Мне казалось, что никто не знает ответа. В прошлое воскресенье я набрался смелости и обратился к учителю в воскресной школе. Он широко улыбнулся.

- Разве ты не давал обетов при конфирмации?

Я все знал о конфирмации. Когда я готовился к ней, я занимался теологией. Но мне хотелось познать Бога.

Мой отец предпочел бы, чтобы я не думал об этом. Я не обращался к нему с такими вопросами, заранее зная, что он ответит. Холодными голубыми глазами посмотрит на меня сверху вниз и скажет, что я напрасно трачу его и свое время.

Может быть и так. Казалось невероятным, что существует какой-то другой Бог, не похожий на сурового лютеранского, о котором я боялся даже подумать.

- Этот ледяной ветер, который бьет мне в лицо - Его ветер, - подумал я и пнул клочок коричневой сухой травы у края дорожки. Этим утром ее присыпало снегом. В сточных канавках еще сохранились не оттаявшие клочки земли.

Зачем я родился? Такой долговязый... близорукий... неловкий. Даже в футбол не умею играть. Мне дали пас, мяч ушиб меня, и они сделали из меня посмешище.

Я видел веснушчатое лицо Кента Лэнга, окруженное темными кудряшками, рот растянулся в широкой ухмылке. А он был мой лучший друг. Я ощутил холодную тяжесть в животе, как будто очень быстро съел мороженое.

Почему я так остро все это переживаю? Ведь это была просто игра.

- Когда приду домой, - подумал я, - займусь книгами. И все огорчения забудутся.

Я любил разложить книги на разных языках по своей кровати, чтобы они окружали меня. Два последних вечера я упражнялся в греческом языке, читая Библию. У меня была большая кожаная, роскошно изданная и оформленная Библия, и мне очень нравилось листать ее страницы. Многие годы я читал Библию, в основном Ветхий Завет. Теперь, изучая греческий, с интересом углубился в Новый Завет.

Но еще долгое время очарованный, заинтригованный историями и битвами Ветхого Завета, я больше любил его. Иногда, по воскресеньям после обеда, я прочитывал за один присест многие главы.

С пророками было по-другому. Часто они так пугали меня, что я захлопывал Библию и боялся открывать, пока не уговаривал себя, что это не настоящие пророчества, а просто "книга фантазий". Было несложно представить себе суд Божий: земля разверзается, и люди оказываются в пучине геенны огненной, Иисус приходит со Своей армией сияющих беспощадных ангелов с мечами, чтобы поразить все сущее за греховность.

Мне было страшно думать о Боге. Иногда, выходя из себя, я сознавал, что творю, и внутренне съеживался, стягивая живот. Но и остановиться я не мог, все так же продолжал плохо вести себя, каждый раз чувствуя себя ужасно. Потом я думал:

- О, Боже, я буду осужден!

Я раскаивался, внутренне сознавая, что снова так поступаю.

Новый Завет казался совсем другим. Два вечера я читал Евангелие от Иоанна. И был смущен им. Иисус оказался совсем не таким, как мне Его описывали, или я перепутал Иисуса с Богом, которого боялся. Везде, где Иисус проходил, Он изменял людей - и всегда к лучшему.

Я подумал о занятиях в воскресной школе. Я знал в ней каждого из ребят. Всю жизнь я ходил с ними в церковь. Они совсем не изменились. Никто из нас не изменился.

О, было много разговоров об изменении. Священник говорил нам:

- Вы должны измениться, потому что Бог будет судить землю и ее грешников. Вы должны быть святы, как свят Бог. Вот чего Он требует от вас. Если не достигнете Его совершенства, то не достигнете жизни вечной!

Это проклятие пугало меня. Иногда по субботам Кент приходил ко мне домой, и мы болтали о страшных историях, о фильмах ужасов, которые смотрели. Мы старались напугать друг друга, и, хихикая, прятали головы под подушки. Нам нравилось пугаться. Но рано или поздно мы начинали говорить о суде Божием, о геенне огненной, о небе, свернутом в свиток. Мы притихали, потому что знали - это не плод фантазии режиссера или писателя. Суд Божий - реальность, и он будет.

Когда я пришел домой, мама готовила обед на кухне. Я замерз от сухого, пронзительно-холодного ветра. Сняв пальто и повесив его, я пошел в кухню, потирая руки.

Мама откинула назад один из своих светлых локонов и посмотрела на меня.

- Как было в школе, Брюс?

- Хорошо, - сказал я. - где Дэйв? Она потупилась.

- Твой брат с отцом поссорились. Он наверху в своей комнате.

Я ощутил вдруг страшную усталость. В нашем доме всегда кто-то ссорился. Казалось, что было бы лучше, если бы мы не разговаривали друг с другом.

Я отправился в свою комнату вверх по лестнице, по пути отмечая, что каждая ступенька была отполирована в темно-красных тонах - цвета спелой вишни. Это мне нравилось. Все должно быть в порядке. Все должно быть чисто и аккуратно. Почему наша семья не может быть такой? Если на нас посмотреть, можно было подумать, что все прекрасно. Мама - красавица-шведка, совершенная, как статуя. Ни у одного из моих друзей не было матери, которая бы так выглядела. Отец тоже был красив: шатен с тяжеловатой челюстью и хорошо ухоженными густыми волосами. Но очень редко мы были в мире друг с другом.

Я поднялся в комнату, убрал учебники и, достав другие книги, разложил их на постели. Здесь была английская Библия, Новый Завет на греческом и кое-какие справочники по греческому языку. Я вытянулся на кровати во весь мой длинный рост. Ноги вылезли за край кровати. Вокруг маленьким кружком лежали книги. Это было лучшее, что у меня было дома, самое близкое. Здесь мне было хорошо.

Я читал до вечера, пока мама не позвала меня обедать. Я спустился вниз, в наш притихший семейный круг, все еще размышляя о прочитанном.

Отец заметил, что я молчу, и спросил:

- Почему ты не участвуешь в нашем семейном разговоре? - Он произносил отчетливо каждое слово.

- Я думал о другом, сэр, - ответил я.

- О чем же это?

Я беспомощно посмотрел на маму; мне совсем не хотелось разговаривать.

- Брюс, - не отставал отец, - не смотри на мать, это я с тобой разговариваю.

Итак, меня вынуждали попытаться что-то объяснить. Я сказал ему, что читал Новый Завет и не очень хорошо понял его.

- Конечно, - заявил отец, - Новый Завет был написан две тысячи лет назад и, надо думать, сегодня не имеет особого значения.

Кусок застрял у меня в горле. Я устал слушать, как отец ниспровергает что-то одной фразой. Что он знает об этом? Я опустил глаза в тарелку. Будет проще, если мы совсем не будем разговаривать.

При первой же возможности я вернулся в свою комнату. Как все несправедливо. Открыл Библию - слова расплывались по странице. Лицо мое горело. Я снял очки и бросился на кровать.

- Противные штуки, - сказал я, глядя на толстые линзы, которые носил сколько себя помнил. Я ненавидел их. Очки закрывали мне дорогу к спорту, из-за них меня всегда дразнили четырехглазым и слепышом.

Я опустил голову. Что толку сходить с ума из-за очков?

Безусловно где-то был Некто, который мог бы мне помочь. Апостол Иоанн встретил Иисуса, и уже никогда не был прежним. Все Евангелия рассказывали о людях, которых изменил Иисус. Я тоже жаждал перемены, но полагал, что мой Бог не настолько заботится обо мне, чтобы что-то сделать для меня.

- Кто все же мой Бог? Где Он? - спрашивал я себя.

Может быть, если я буду продолжать чтение, то найду ответ, думал я, хотя на самом деле не надеялся найти что-нибудь полезное. В конце концов Библия была написана до того, как появились лютеране. А потом я прочитал стих, который так потряс меня, как будто электрический ток прошел через мое тело.

Я сел и прочитал его снова: "Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее." Я знал о правосудии Божиим, что Он будет судить меня за мои грехи - но этот стих говорил о том, что Иисус пришел, чтобы спасти погибшее. Я отлично знал, о ком говорил этот стих. Обо мне. Но как Иисус собирался спасти меня? И от чего? Может, Он должен сотворить какое-то чудо?

Стих, который я читал в Послании к Римлянам, начал теперь приобретать смысл: "Если будешь сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься." И спасение было противопоставлено гибели.

- И это все? - подумал я. - Только верить? Не обязательно совершать великие дела, жить идеальной жизнью? Все эти представления я приобрел в церкви.

Я подумал обо всем, что мне в себе не нравилось. Мой характер. Дурные мысли, которые иногда приходили на ум. Неужели Иисус может изменить все это?

Может быть, две тысячи лет назад Он мог превратить воду в вино, но какое отношение это имеет к Брюсу Ульсону? Я думал обо всех людях, о которых говорилось в Евангелиях: их изменил Иисус. Но какое отношение они имеют ко мне?

Проходили часы. Казалось, нет разрешения моим вопросам. Я устал. Часы на моей тумбочке показывали два часа утра.

Затем я очень отчетливо и очень сильно ощутил, что мне не нужно отвечать на эти вопросы.

Я почувствовал побуждение попробовать говорить со Христом. Конечно, я молился и раньше, в церкви, но "по правилам", читая молитвенник. Теперь было другое. Я лег на кровать лицом вниз и заговорил с Иисусом. Это был простой разговор, но это был мой первый действительный разговор с Ним.

- О Иисус, - сказал я, - я читал, как все вокруг Тебя были изменены. Сейчас я хочу измениться. Я хочу мира и наполнения, как Павел, или Иоанн, и Иаков, и другие ученики. Я хочу избавиться от моих страхов и...

В этот момент я почувствовал в комнате Его присутствие, как покой. Я чувствовал себя маленьким и ничтожным, и в то же время огромным и вознесенным надо всем.

Пришел пастор Петерсон, и я повернулся к нему. Вот кто должен понять. Он сможет объяснить все это лучше.

- Что такое, мальчики? - спросил он. - Что происходит?

Он обернулся ко мне.

- Что случилось, Брюс?

Пастор был высокий мужчина, с тонким красным лицом. Когда он разговаривал, его огромный кадык перекатывался вверх и вниз.

Я объяснил, о чем только что рассказывал. Пока я говорил, он добродушно слушал, кивая головой. Я почувствовал облегчение.

- Хорошо, это чудесно, это прекрасно, Брюс. Я счастлив слышать, что ты приобрел такого рода опыт. Но не забывай, что ты прошел конфирмацию в лютеранской церкви, в этом самом здании, и в момент конфирмации ты уже отдал себя Христу. Однако, твоя христианская жизнь началась еще раньше, когда ты был крещен, и тебе дали имя.

- Но, когда я принял причастие, и прошел конфирмацию, это ничего не изменило, - возразил я, - я остался прежним.

Я вспомнил, как я шел домой, в своем белом костюме для конфирмации, пытаюсь ощутить что-то необычное и говоря себе:

- И это все, что в этом есть? Я надеялся на что-то большее.

Выражение лица пастора Петерсона, которое было теплым и доброжелательным, похолодело, как и у ребят.

- Ульсон, - сказал он, - я молился за каждого из вас, мальчиков, когда вы проходили обряд конфирмации. Ты хочешь сказать, что мои молитвы ничего не значили? Ты должен верить, что твои обеты при конфирмации были истинны и имели смысл.

Его лицо стало еще краснее. Я уже пожалел, что вообще поднял эту тему.

Но я был вынужден продолжать.

- Да, теперь я в них верю, - ответил я, - теперь Иисус для меня реальность. Я изменился. Я начал чувствовать людей, как никогда раньше.

Слова лились из меня, хотелось остановить их, но не получалось.

- Теперь Иисус в моей жизни. Если Он и раньше был, я не знал этого.

Позднее пастор Петерсон отдельно разговаривал со мной. Он был непреклонен.

- Послушай, Ульсон, ты где-то подхватил кое-какие расхожие идеи. Но не посвящай свою жизнь фанатизму, сними маску. Ты не отличаешься от других.

Я сидел смущенный, пытаюсь объяснить себе, как может нечто такое хорошее, в основе своей простое, так выводить из себя людей?

Он подался вперед на сиденье.

- Брюс, раз уж до этого дошло, христианство - это нравственный долг, который обязывает нас поступать правильно, любить ближних. И в этом смысл всего.

После этого я действительно вслушивался в его проповеди. Он проповедовал о преобразовании, о христианской этике, но никогда не говорил о силе, необходимой для всего этого. Проповедуя об изменении, он давал чудесный образец, какими мы должны быть, но не говорил, с чего нам надо начать, чтобы достичь идеала.

Я тоже не мог достичь идеала. Я знал это. Во всяком случае тогда. Но моя жизнь переменилась и изменялась все больше. Я имел мир с Богом. Он был истинный, и я знал Его. Мой характер всегда был ужасной проблемой, но после того, как я узнал Иисуса, она, кажется, исчезла. Даже мои друзья из молодежной группы со всеми своими насмешками не могли меня вывести из себя. Мне было обидно и больно, но все, чего я желал им - тоже лично встретиться с Иисусом.

Изменилось и мое отношение к школе. Мне стало интересно то, чем я занимался, потому что я мог видеть, как это связано с Иисусом. Мама, глядя на мои улучшившиеся оценки, полюбила ходить в АРУ (Ассоциацию Родителей и Учителей).

Я всегда любил языки и изучал латынь, греческий и древнееврейский. Теперь у меня было веское основание изучать их. На греческом и древнееврейском языке я мог читать Библию в оригинале, на латыни - писания первых христиан.

Но в то время, как школа стала значить больше для меня, церковь причиняла все больше боли. Я обливался холодным потом во время служения, желая крикнуть пастору Петерсону, что он не понимает Иисуса. Я перестал принимать причастие, так как меня учили, что для того, чтобы принимать его, нужно быть одним целым с другими верующими и с Богом. Но я не чувствовал единства ни с пастором, ни с приходом.

Я не говорил Кенту Лэнгу о пережитом мною, фактически я и не очень-то часто видел его с того времени, как он сменил школу. Однако, через две недели после моей встречи с Иисусом, в субботу вечером Кент пришел ко мне. Он вбежал в дом и так запыхался, что почти не мог говорить.

- Брюс, самое невероятное случилось со мной, - выдохнул он наконец. - Прошлым вечером в церкви я просил Иисуса прийти в мое сердце, как нас всегда учат делать, и, Брюс, Он пришел! Я перестал замечать, что происходит на служении. Брюс, Он был там, в церкви, и в моем сердце, и я это знал.

Я закрыл глаза, и волна облегчения и радости накрыла меня.

- О, Кент, это замечательно, - сказал я, потом рассказал ему о том, что случилось со мной. Мы стояли, говоря одновременно. Затем, Кент прыгнул на меня, и мы стали кататься по полу, борясь и толкаясь и сравнивая свои переживания.

- Кент, я едва могу поверить в это. Мы оба... Я стоял, глядя на него.

- Но, Кент, что ты имел в виду - что в твоей церкви тебя всегда призывали принять Иисуса в свое сердце? В моей церкви этого не делают. Никто даже не слышал об этом.

Кент рассказал мне о своей церкви. Она, несомненно, сильно отличалась от сухой лютеранской церкви, которую я посещал всю свою жизнь. Кент сказал, что там почти все признают Иисуса своим Господом и Спасителем.

На следующий день было воскресенье, и Кент пригласил меня пойти в церковь вместе с ним. Снаружи она выглядела как любая другая церковь. Но я волновался. Кроме лютеранской, я никогда не был ни в какой другой церкви.

Внутри все было иначе. Там не было церковных скамей, искусно украшенного алтаря. Это больше походило на школьную аудиторию. Там собралось уже много народу, но они не сидели на своих местах. Они разговаривали. Это напоминало жужжащий улей с огромными пчелами. В лютеранской церкви каждый приходил молча и сразу же занимал свое место и начинал молиться.

Мы сели сзади на откидные стулья. Когда началась служба, отец Кента, который был пастором, вышел вперед.

- Мы собрались сегодня вместе, чтобы славить Бога за все, что Он сделал для нас через Своего Сына Иисуса Христа, - сказал он. - Давайте все вместе споем гимн номер 38.

Каждый склонился и открыл свой сборник гимнов. Это был гимн, которого я раньше никогда не слышал. Кент нашел место, заиграло пианино, зазвучал орган и все запели. Кто-то позади нас стал хлопать в ладоши. Остальные присоединились. Я был шокирован. Что происходит? Где благоговение, почтение?

После пения, пастор Лэнг снова вышел вперед.

- Мы хлопаем, восхваляя Господа, - сказал он. - Это замечательная песня, полная истины о том, что сотворил Господь. И мы сегодня в доме Господа, и если вы верите, что Господь жив, скажите "Аминь".

И все сказали, наполняя зал громким гулом: "А-минь!" Но пастор Лэнг приложил руку к уху и спросил:

- Никто из вас здесь не сказал "Аминь"? Я не слышал. И они повторили снова, громче, чем первый раз. Я съезжился. Мне казалось, что все, должно быть, смотрят на меня, единственного не сказавшего "Аминь". Я вспомнил, как однажды в лютеранской церкви в середине службы уронил молитвенник. Мама придержала меня и сказала шепотом:

- Тшшш... Сейчас не поднимай. Стой. А здесь люди вслух говорили "Аминь". Небольшой оркестр, который был там в тот воскресный вечер, начал играть. Вскоре все вокруг меня притопывали ногами в такт.

Пастор Лэнг спросил, есть ли у кого-нибудь свидетельство.

- Сегодня вечером Господь с нами, - сказал он. - Мы знаем это, потому что мы вместе читаем Его слово и поем Ему хвалу. Но нам нужны свидетельства. Кто встанет и расскажет нам, что Господь сделал для него?

Я не ожидал, что кто-нибудь захочет сделать это. Но прежде, чем я осознал это, поднялся мужчина и стал рассказывать о проблемах, которые были в его семье.

- Но, я благодарю Господа за эти испытания, - сказал он, - потому что Он помог нам справиться с ними. Мы молились всей семьей, и Господь действительно помог нам в любви ежедневно преодолевать разногласия, и как семья мы стали ближе друг другу.

Он попросил всю свою семью встать. Там было четыре мальчика, почти моего возраста. Мужчина вывел и обнял каждого из них. Затем они обнимали его и друг друга, даже некоторых сидящих рядом. И все захлопали.

Это было странно. Но, как я желал этого! Как хотел молиться со своей семьей. Хотел, чтобы меня обнял и принял отец!

Потом началась проповедь. Вскоре сидящий рядом со мной откинулся назад и сказал: "Аминь!" Я едва не скатился со стула от удивления, это было так близко и неожиданно.

Но хотя все и было странно, это привлекало меня. Казалось, что это церковь, в которой люди познали истинного Христа.

Я пришел в церковь также в среду на вечернее служение. Затем пришел в четверг на вечернее молитвенное собрание и вечернее служение в пятницу. Потом весь день в воскресенье. Мне было недостаточно. Я многому научился из Писания. Конечно, я читал Библию, но слова пастора Лэнга открыли мне глаза на многое, о чем я никогда не думал и не мечтал.

Я знал, что будут проблемы с родителями. И ждать долго не пришлось. Они очень возмутились, когда я впервые рассказал им о том, что значит Христос в моей жизни. Этим особенно был озабочен отец. Если это

нельзя было объяснить понятиями лютеранской церкви, то это было непонятно и неприемлемо. Отец прошел конфирмацию в лютеранской церкви, и для него быть лютеранином значило быть уважаемым. Когда я начинал говорить о Христе, отец думал, что я стараюсь быть лучше его.

Он пытался уговорить меня, чтобы я не ходил в межденоминационную церковь. Когда я приходил домой, он смотрел на меня из-за газеты и говорил:

- А вот и наш святой вернулся прямо из царствия Божия. Какая весть от Бога будет для нас, несчастных грешников, сегодня?

Он говорил это каждый вечер, каждый раз, когда я приходил домой из церкви. В конце концов я не выдержал. Я пробежал мимо него в свою комнату и спрятал голову под подушку, пытаясь заглушить звон его голоса в моей голове.

Иногда он хлопал в ладоши, передразнивая (так как я пытался описать им первое собрание) и пел: "О, да, Иисус, мы спасены. О, Иисус, сойди сегодня к нам."

До межденоминационной церкви было около восьми километров, и я мог добраться туда только пешком. Чтобы успокоить маму, в воскресенье утром я посещал лютеранскую церковь, а потом уходил в другую. Была зима, ветер дул по ногам, проникал в рукава пальто. От ледяной дороги через подошвы холод полз по ногам. Бывали дни, когда каждое мгновение пути было мучительным.

Потом приду в церковь. Там тепло. Дружелюбные лица обернутся, чтобы приветствовать меня. Мы откроем Библию, я сяду и расслаблюсь, как кошка, которая готовится уснуть. Но душа будет бодрствовать! В чтении Его Слова я нашел постоянный источник счастья.

После собрания я оставался в церкви как можно дольше. Я всегда отказывался, когда кто-то предлагал мне подвезти меня домой. Я был слишком гордый - или слишком застенчивый.

Мой отец сделал все, кроме того, чтобы прямо запретить ходить в церковь. Однажды вечером я поздно возвращался домой. Шел по пути через мост Озерной улицы. Ветер, которому не было преград, нес через дорогу мне в лицо волны снежной крупы, свистел внизу у замерзшей воды. Я хотел отдохнуть, но боялся остановиться. Я помнил истории об охотниках, замерзших насмерть, потому что остановились отдохнуть и не смогли больше встать.

Через мост я мог видеть огни домов, красивых домов, похожих на белые ракушки в снегу.

- О, Иисус, - прошептал я, - помоги мне.

И я продолжал идти. Каким-то образом поднялся по склону и прошел мимо других домов к своему. Было темно. Придя домой, я почувствовал облегчение. Добрался до дверной ручки и с трудом ухватился за нее. Заледеневшие варежки соскальзывали с холодной латуни.

Я пережил длительный процесс снятия варежки. В конце концов пришлось снимать ее зубами, так как пальцы ооченели. Снова взялся за ручку, потянул.

Дверь была закрыта.

Чтобы убедиться, я попробовал снова. Нет сомнений! Родители забыли, что меня не было дома.

Я не хотел их будить, но нужно было войти, и я позвонил. Я смотрел на окно спальни родителей, ожидая, что в нем появится свет. Оно не осветилось. Я позвонил снова. Без ответа.

Мама могла спать, несмотря на этот шум, но у отца был чуткий сон. Я знал, что он проснулся. Я звал его.

- Отец, это я, Брюс. Пожалуйста, спустись, открой мне дверь. Я замерзаю.

Ответа не было. Вопреки желанию, я заплакал, слезы замерзали на лице.

- Отец, пожалуйста. Это Брюс. Позволь войти.

Я глубоко вздохнул и задержал дыхание, немного успокоившись. Я снова посмотрел на темное окно. Казалось, оно смотрело на меня, как темный прикрытый глаз. В конце концов я подумал о Лэнгах. Я знал, что они примут меня. До их дома путем, которым я только что шел, было больше трех километров.

- Пожалуйста, отец, - позвал я и ждал. Ответа не было. Я повернулся и побежал. Я бежал так быстро, как только мог, до тех пор, пока не выбился из сил. Когда остановился, я был уже на другой стороне моста. Я запыхался и с каждым вздохом в легкие врвался холодный воздух.

Я пришел к Лэнгам измученный и дрожащий от холода. Они встали и приготовили мне теплую постель.

Этот случай был самым ужасным. Но он был не последним. Я никогда не знал, найду ли я дверь открытой или закрытой, когда вернусь домой.

Мама оказалась между двух огней. Она боялась отца и поэтому не могла сдерживать его. Я помню, как однажды после полудня, вернувшись домой, нашел маму на кухне, склонившейся над плитой. По прекрасному, безупречному лицу стекали слезы, падая в язычки пламени.

Это испугало меня.

- Мам, что случилось? - спросил я.

Ее голос дрожал. Она дважды пыталась, но не могла говорить. Наконец выговорила:

- Брюс, что может объединить нашу семью?

Я полагал, что знаю ответ. Уже давно пытался дать его. Но сейчас, когда меня спросили, казалось, сложно выразить это словами.

- Мам, нам нужно быть настоящими христианами. Если Иисус будет в нашей жизни, то есть надежда, - сказал я.

Я не думал, что рассержу ее. Но, когда она взглянула на меня, я увидел, что она разгневана и обижена одновременно - не только на меня, но и на жизнь.

- О, Брюс, - сказала она. - Как ты можешь так говорить, когда это твой Иисус причина половины наших бед? Наконец, до Него мы терпели друг друга. Но Он - виновник всего.

Это было правдой. Но я тогда не знал, что Христос сказал, что принес разделение между людьми, так же как и единство.

Я открывал, что крест Христа значил больше, чем радость и мир. Он также означал страдание, которое необходимо, чтобы потом появилась надежда.

У меня будет много возможностей усвоить этот урок.

Миссионер

Когда мне было шестнадцать, межденоминационная церковь, которую я теперь регулярно посещал, проводила миссионерскую конференцию. Для меня это было что-то новое и я заинтересовался. Миссионеры со всего мира собрались, чтобы рассказать о тех местах, где они работают. Впервые я услышал термин "великое поручение", и чем-то мистическим повеяло от него.

Один из миссионеров, мистер Рейберн, "служил" в Новой Гвинее. Это был невысокий коренастый человек с выражением постоянного удивления на лице. Вечером, когда он говорил, на нем была ярко-зеленая рубашка в горошек, черные штаны и грязные теннисные туфли. Я был удивлен, что кто-либо может быть так неряшливо одет, выступая в церкви, но вскоре я обнаружил, что у него было потрясающее сообщение.

Церковь была заполнена. Я раньше читал о Новой Гвинее, и с нетерпением ожидал услышать о ней от очевидца.

Мистер Рейберн показал кинофильм, который он снял. В одном из кадров человек ел крысу. Можно было увидеть даже крысиный хвост, свисающий из его рта, потом, п-ф-ф, он исчез.

- Тот парень, который ел крысу - он не христианин, - сказал мистер Рейберн.

- Бедный человек, - подумал я, вспоминая, как сам я был жалок до того, как стал христианином.

Были и другие кадры: крайняя бедность в центре современных городов, коренные жители в странных одеяниях, их дома и обычаи во время еды. Потом мистер Рейберн стал говорить:

- Эти люди умирают от голода, от болезней, живут в невежестве, питаются крысами. Но самое большое, в чем они нуждаются - это в знаниях об Иисусе Христе. Они умирают погибшими, не зная, что Христос может спасти их от грехов. Можете вы, осознавая это, удобно сидеть в своих креслах? Заботитесь ли вы об этих мужчинах и женщинах, живущих в грязи и нищете? Они умирают, обреченные на вечное осуждение. А что делаете вы? Может быть, если вы действительно добродетельны, вы воскресным утром кладете немного денег на тарелку для пожертвований. Может быть, вы кладете доллар подаяния этим людям, жаждущим Слова Божьего.

- Но Иисус хочет от вас большего. Он хочет больше, чем просто разговоров о великом предназначении миссий. На вас лежит ответственность донести Евангелие Христа до этих людей. Иначе за их кровь будет спрошено с вас.

В эту ночь меня мучили кошмары. Мне снилось, что человек, евший крысу, вытаскивает крысиный хвост изо рта. Хвост становится хлыстом, и человек бьет меня, крича:

- За мою кровь взыщут с тебя. За мою кровь взыщут с тебя.

Я проснулся в холодном поту.

- Это не может быть правдой, - думал я. - Господь не такой. Он Бог любви. Он любит меня.

- Но любишь ли ты Его? - возник вопрос.

- Да, я люблю Его. Конечно, я люблю Его. Как можно не любить Его?

- Почему тогда ты не хочешь Ему служить?

- Служить Ему? Я служу Ему. Я изучаю Слово. Я рассказал всем моим друзьям, что Он значит для меня. Разве это не служение Ему?

На следующий вечер я разговаривал с мистером Рейберном.

- Вы впустую тратите здесь время, - сказал он. - Весь мир осужден, и на вас лежит ответственность донести до них истину.

После конференции я неделями спорил с Богом.

- Ну, почему Ты настаиваешь на том, чтобы я стал миссионером? - спрашивал я. - Почему я не могу служить Тебе здесь, в Миннеаполисе?

Моей целью было стать профессором-лингвистом, получить степень доктора наук филологии. Но что-то говорило во мне: "Это не то, чего хочет от тебя Бог."

- Послушай, Господи, эти миссионеры смешны, - спорил я. - Они носят теннисные туфли и стоят в них за кафедрой. Они даже не могут написать молитвенные письма на приличном английском языке. А их теология? Они постоянно говорят об аде и осуждении. Где их любовь к людям, среди которых они живут? Они неудачники, Господи. Не справляются с обычной жизнью и сбегают от нее, чтобы стать миссионерами.

- Но я здесь преуспею, Отец! Каждый согласится с этим. Почему я должен работать с голыми, голодающими людьми?

Бог никогда не говорил мне, почему. Но Он изменял мое сердце. Мало-помалу мое приятное разумное желание стать профессором лингвистики заменялось нелепой идеей - идти в другие страны и рассказывать дикарям о Боге. Я знал, что родители бы этого не поняли, да я и сам этого не понимал. Но проходили месяцы, я ходил в школу, предавался мечтам в классе и читал Библию, и Он дал мне то, чего я никогда не ожидал: сострадание.

Я не мог сопротивляться этому. Господь не требовал. Он не заставлял меня. Но я обнаружил, что уже непреодолимо интересуюсь другими странами, иными культурами. По мере того, как я продолжал читать, Южная Америка все больше и больше захватывала мое воображение, и я начал отождествлять себя с людьми, которые там живут. Вскоре я обнаружил, что мечтаю об этой очаровывающей земле и ее людях. Я сдался.

Я сказал Кенту Лэнгу, что призван стать миссионером в Южной Америке.

- Ты, ты - миссионер? - Лицо Кента расплылось в скептической улыбке. - Брюс, это невозможно. Разве ты не помнишь, когда мы были скаутами, какой из тебя был искатель приключений?

Я тоже усмехнулся. Мои родители оставляли меня у двери методистской церкви, где собирался отряд мальчиков-скаутов. Я проходил через церковь и выходил из нее с другой стороны, затем заходил в магазин "Кинге Фармасы", где покупал какую-нибудь книжку и читал ее, пока не приходило время идти домой. Жизнь на открытом воздухе меня никогда не интересовала.

Другие знакомые также отговаривали меня. Они напоминали мне о моих физических недостатках: когда я был младше, то болел бронхитом и теперь я не отличался крепким здоровьем.

- Брюс, - говорили они мне, - у тебя впереди замечательная карьера лингвиста. Нельзя разбрасываться своими способностями.

Это был убедительный аргумент. Однако я изменил свое мнение о миссионерах. Когда я просматривал требования к миссионерам, то обнаружил, к своему удивлению, что для того, чтобы вас приняли, необходимо окончить библейский институт (или соответствующий колледж). Мне пришлось отложить свое решение и в конце 1959 года уехать в Пени Стейт. Хочу ли я стать профессором лингвистики или миссионером - сначала нужно получить высшее образование.

Но я не смог избавиться от моего влечения к людям Южной Америки. Что-то заставляло меня читать книги по их истории и культуре; особенно я заинтересовался двумя странами - Колумбией и Венесуэлой.

Мне нравилось учиться в Пени Стейт и учился я хорошо. Но был одинок. У меня было мало друзей. И где-то глубоко в душе меня сверлила мысль, что в ближайшем будущем мне предстоит поездка либо в Колумбию, либо в Венесуэлу.

На следующий год я перевелся в Университет Миннесоты. Я надеялся, что, когда снова появлюсь дома, ситуация в семье улучшится. Но все оставалось по-прежнему. Я молился, чтобы Господь изменил отношение моих родителей ко мне и мое отношение к ним. Я знал, что помощи от меня им было немного. Но в особенности мой отец оставался непреклонным, и мне было слишком трудно переносить это. Наши отношения были то холодным игнорированием друг друга, то открытыми ссорами. Так или иначе, я никогда не был для них достаточно взрослым.

Несмотря на все это, мое сострадание к людям Южной Америки продолжало расти. То, что сначала было вялым желанием, превратилось в настоятельное побуждение. В конце концов, однажды вечером я решил, что не могу ждать окончания учебы. Мне надо ехать в Южную Америку сейчас же. Может быть, когда приеду туда, в моем сердце воцарится мир.

Заявил о моем желании в известную миссию в Венесуэле. Это был утомительный, медленный процесс, и я чувствовал, что школа начала раздражать меня. Так как я принял решение покинуть Штаты, то и не было смысла продолжать учиться. Мысль об отъезде в Венесуэлу все больше приводила меня в восторг.

У меня в душе воцарился мир. Я знал, что поступаю правильно, как бы неразумно это не казалось. Я подчинился Богу.

Потом я получил долгожданный ответ из миссии. С большим волнением открыл я конверт. Там был лишь один листок:

"Уважаемый мистер Ульсон. Мы с сожалением сообщаем, что в данное время не можем принять вас на службу миссионером. Вы понимаете, я надеюсь, что..."

Читать дальше я не стал. Я просто не мог. Слова, казалось, потеряли весь свой смысл, как будто бы это были иероглифы. Я уставился на письмо. В комнату вошла мама и заметила, что что-то случилось.

- В чем дело, Брюс? - спросила она, положив руку мне на лоб, чтобы проверить, не заболел ли я.

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул.

- Ничего, мам, - сказал я. - Просто плохие новости. Она вопросительно посмотрела на меня, но я был не способен объяснить ей. Во всяком случае не тогда. Я повернулся и вышел из комнаты.

Позднее, когда первое потрясение прошло, я почувствовал себя лучше.

- Ладно, по крайней мере с этим все, - подумал я. - Мне не надо беспокоиться о том, что Бог ждет меня в Южной Америке, по крайней мере сейчас.

На несколько дней я почувствовал облегчение. Я записался на новые курсы в университете Миннесоты и с большой охотой продолжал учиться. Мной вновь овладела мечта стать профессором лингвистики. Я начал с того, на чем остановился и забыл Южную Америку как кошмар, который забывается, когда проснешься.

Но много раз, сидя в библиотеке, я чувствовал, как Господь призывает меня:

- Брюс, ты нужен мне в Южной Америке.

- Но, Господи, я пытался. Разве Ты не помнишь? Меня отвергли.

- Отверг кто?

- Ну, конечно, руководство миссии.

Было похоже, что Господь улыбается, Ему забавно, Он терпелив.

- Брюс, Я не отверг тебя. Ты нужен Мне в Южной Америке. Следуй за Мной.

- Господь, но это смешно. Как я могу туда ехать без участия миссионерской организации? Ты хочешь, чтобы я поехал и обходился без чьей-либо помощи? Я имею в виду - без протокола и всего такого?

- Брюс, Я есть и в Южной Америке.

И только после этого, медленно и неохотно, я начал постигать то, что Бог хочет сказать мне. Он призвал меня не затем, чтобы я был миссионером, как мистер Рейберн. Он призвал меня для себя Самого, чтобы я был подобен Его Сыну, Иисусу Христу и Он хотел, чтобы я следовал за Ним в Южную Америку. Сейчас.

Я знал, что мои родители никогда не смогут это принять. Их расстраивала мысль даже о том, что я поеду в хорошо организованную миссию. Ехать же на свой страх и риск... Они скажут, что это совершенно невыносимо.

И я поездом поехал в Чикаго получить визу и паспорт, ничего не говоря своим родителям. Денег у меня хватало только на билет в оба конца: на еду и проживание их не было. Всю дорогу я молился, чтобы Господь позаботился о моих нуждах.

Когда я приехал в Чикаго, я был голоден. В кармане у меня было центов тридцать. Я прошел через огромный шумный вокзал и вышел на улицу, остановился на мгновение, чтобы оглядеться. Было жарко и ветрено. Взглянув под ноги, краем глаза я заметил что-то зеленое, похожее на деньги.

Я поднял это и развернул. Это была десятидолларовая бумажка!

- О, благодарю Тебя, Господи, - прошептал я и огляделся, ожидая, что кто-нибудь заявит на нее свои права. Но поблизости никого не было. Выяснить, кто ее потерял, было невозможно. Я мог взять бумажку себе.

Позже друг дал мне адрес какого-то миссионера в Венесуэле. Я написал ему и попросил встретить меня в аэропорту. Я рассказал, что я студент и интересуюсь миссионерской работой. Он ответил, с энтузиазмом сообщая, что непременно будет в аэропорту, покажет мне Каракас и поможет найти, где остановиться. Это немного рассеяло мамины опасения.

Я показал родителям виды Каракаса и объяснил, что там высокий уровень жизни и высокоцивилизованная западная культура. Но ничего не могло убедить их. Они были уверены, что в любом месте, кроме США и Европы, царит варварство, и я трачу свою жизнь впустую.

Но ехать они мне разрешили. Я получил достаточно денег, чтобы приобрести билет на самолет до Каракаса и семьдесят долларов на расходы. Я надеялся, что этого хватит.

Я чуть не опоздал на самолет. Я нечаянно уронил билет.

Однако священник спешил. Он перевел мой вопрос человеку за билетной стойкой, - но тот ничего не знал ни о Брюсе Ульсоне, ни о мистере Сандерсе. Прежде, чем я успел спросить еще что-нибудь, священник удалился.

Что мне делать? Что я могу сделать, кроме того, как ждать? Он должен прийти.

Но он не пришел. В час ночи, когда я был единственным, кто остался в зале ожидания, ко мне подошел служащий авиакомпании "Пан Ам". Он объяснил мне по-английски, что я должен уйти. До утра не ожидается никаких полетов, и я не могу оставаться в аэропорту всю ночь.

Мой путь завершился в роскошном отеле неподалеку, но я отлично представлял себе, как это дорого мне обойдется. Мои семьдесят долларов уйдут в неделю!

На следующий день я проснулся рано и вышел пройтись вокруг отеля, пытаюсь решить, что мне делать. Солнце взошло, и уже было жарко. Чтобы сберечь деньги, я не ел ни завтрака ни обеда. Но когда настало пять часов, я был слишком голоден, чтобы сопротивляться.

У меня не было другого способа связаться с мистером Сандерсом, кроме почты, и к тому времени, когда я получу от него письмо, я полностью потрачу все деньги. Я не мог обратиться за советом, потому что не знал испанского.

Затем произошло что-то странное. На следующее утро меня остановил какой-то юноша и спросил, не американец ли я. Это был веселый парень с живыми черными глазами. На очень плохом английском он сказал, что его зовут Джулио, он студент в университете Каракаса.

- Что вы делаете в Венесуэле? - спросил Джулио.

- Я хочу работать с индейцами, - сказал я. - Меня должен был встретить один из миссионеров, который работает на Ориноко, но что-то случилось. Он не появился.

Джулио нахмурился.

- Ты случайно не здесь остановился? - Он указал на отель.

Я пожал плечами.

- А где еще? Я не знаю Каракас.

- Ну, ты его и не узнаешь, живя в таком месте. Он только для... для...

Я засмеялся.

- Он для американцев, ты хочешь сказать? Ну, я и есть американец.

- Ладно, - сказал он и улыбнулся. - Ты американец. Тем хуже для тебя. Но не следует оставаться здесь. Почему бы тебе не жить у меня дома? Мы тебя устроим. Моя семья будет рада принять тебя.

Мое сердце подпрыгнуло. Мы тотчас же погрузили мои чемоданы в автобус, который привез нас по прекрасным горам в Каракас, который Джулио назвал самым современным городом в Южной Америке. Но я был поражен, увидев тысячи лачуг бедняков, сделанных из картонных коробок и фанерных ящиков.

Когда мы добрались до дома Джулио, он представил меня своей матери, полной милой женщине. Она не говорила по-английски, но жестами дала мне понять, что будет рада принять меня. За ней стояла целая куча братьев и сестер Джулио.

Мне отвели маленькую комнату на втором этаже, с наглухо закрытым окном и лампочкой без абажура. Но я был рад любому углу, и вскоре стал центром их внимания. Я спрашивал у Джулио, его братьев и сестер испанские названия различных предметов, и начал учить язык. Меня также познакомили с колумбийской кухней, и я полюбил ее.

Но, через несколько дней я почувствовал беспокойство. Мне было нелегко общаться с кем-либо, когда Джулио уходил, и нечем было занять свое время. Я хотел помочь его семье как-нибудь, но не знал, как. Часто я просто бродил по улицам Каракаса, желая разговаривать с людьми. Я чувствовал себя неудобно, живя в этой семье и питаясь, так как они явно не были готовы финансово содержать еще одного члена семьи. Я начал чувствовать себя лишним.

Однажды, придя домой, Джулио спросил:

- Ты действительно хочешь жить с индейцами? Мы уже говорили об этом раньше. Для него индейцы были только диковинными людьми, которые мастерят грубые поделки на сувениры.

- Да, хочу, - сказал я.

- Тогда тут есть человек, с которым тебе надо познакомиться. Он врач и живет около реки Ориноко. Его наняла на работу правительственная комиссия по делам индейцев. Кстати, он американец. Его жена - знакомая друга нашей семьи.

Мы пошли с ним вниз по улице и зашли в какое-то маленькое кафе. Там Джулио представил меня доктору Христиану. Это был высокий, стройный человек, примерно сорока лет. Вытянув ноги, он сидел на маленьком камышовом стульчике, держа стакан и куря сигарету.

- Итак, тебя интересуют индейцы, - сказал он. - Почему?

На секунду я задумался, пытаюсь правильно сформулировать свой ответ.

- Я просто хочу иметь возможность познакомиться с ними, увидеть их образ жизни. Может быть, позже я смогу им чем-нибудь помочь.

Он улыбнулся и слегка наклонился вперед.

- Что заставляет тебя думать, что ты сможешь им помочь? У тебя есть навыки, которые им нужны?

Пока я думал, что ответить, он взял свой стакан и посмотрел на него.

- Индейцы тебе даже не понравятся, - сказал он. - Они грязны и невежественны. В них нет ничего замечательного, кроме того, что они сами заботятся о своих близких, хотя они и просят кого-либо о помощи.

- А почему тогда вы с ними работаете? - отпаривал я.

Он рассмеялся.

- Хороший вопрос. - Он пожал плечами. - Это работа. Я должен использовать свои познания в медицине. Это так же интересно, как и все остальное - и я получил возможность путешествовать.

Наступило короткое молчание. Джулио ушел.

- С какими индейцами вы работаете? - спросил я.

- О, с несколькими племенами на реке Ориноко.

Он начал рассказывать мне о них, и постепенно его настроение изменилось. Вокруг уголков его рта появились маленькие смешливые морщинки. Он действительно любил индейцев и его рассказы о них очаровывали.

Потом он замолчал и посмотрел на меня изучающим взглядом.

- Ладно, - сказал он. - Если ты серьезно хочешь этого можешь поехать со мной. Я отправляюсь на следующей неделе и буду там полтора месяца.

Я сохранял невозмутимое выражение лица, но сердце мое заколотилось. Мы обменялись рукопожатием и поговорили о подготовке. Потом я ушел. Только отойдя от кафе на квартал, я позволил себе радостный возглас: и побежал по улице, увертываясь от людей, идущих по тротуару!

Через неделю мы были уже в Пуэрто Аякучо загружая припасы и медикаменты в машину, которая отвезет их - и нас - до транспортных каноэ на Верхне-Ориноко - шестьдесят километров по единственной дороге из города. Огромный, неуклюжий самолет доставил нас в этот маленький городок этим утром.

Что-то крича, люди набились в грузовик. Когда мы закончили привязывать груз, люди облепили грузовик со всех сторон. Вместе с ними мы забрались в кузов. Нам передали огромный кувшин с вином. Я дал его человеку сидящему около меня. Все разговаривали. Грузовик завелся и громыхая выполз на тонкую ленту грязной дороги. Мы въехали под кроны деревьев и сразу же город скрылся из виду. Перед нами расстилалась саванна перемежающаяся с островками джунглей.

Когда приехали в Самариapo, мы очень устали и все тело ломило. Непрерывная тряска в машине измотала нас. Это был конец дороги. От Самариapo нам придется добираться на лодке до Верхней Ориноко.

Мы сняли груз и снесли его к берегу желтой, мутной Ориноко, где стояли два огромных выдолбленных из бревна каноэ доктора Христиана, связанных вместе. Мы заполнили каноэ припасами на целый месяц и, взяв двух проводников, которые должны были управлять лодками днем и ночью, отправились вверх по реке.

До первого индейского поселения мы добирались больше недели. Километр за километром река оставалась позади. Вскоре я потерял счет поворотам реки и опасным мертвым бревнам, которые высывались из воды.

Буйная растительность по обоим берегам не прерывалась. Иногда на небольшой прогалине нам встречалась хижина поселенца. Обычно он, или кто-нибудь из его семьи, отрывался от работы и выбегал на берег, чтобы посмотреть на нас. Но большей частью мы не видели никаких признаков того, что выше на этой реке когда-либо были люди.

- Большинство поселенцев живут дальше, в бухтах Ориноко, где земли меньше подвержены наводнениям, - объяснил доктор Христиан. Я был взволнован и задавал множество вопросов об индейцах и миссионерской работе здесь. Я надеялся встретить некоторых миссионеров, включая Сандерса, так как это был район, в котором он работал. Я был уверен, что мистер Сандерс дружелюбен и извинится за то, что забыл встретить меня в аэропорту.

Однако доктор Христиан предостерег меня:

- Ты никогда не приспособишься к этим миссионерам, - сказал он. - Они безнадежны.

- Что вы имеете в виду? Он махнул рукой:

- Увидишь.

Наконец, мы добрались до первой индейской деревни на верхней Ориноко. С берега реки можно было увидеть несколько круглых хижин. Индейцев не было видно. Я был полон дурных предчувствий, но доктор Христиан спокойно привязал каноэ к дереву на берегу, и мы вылезли.

Мы поднимались к деревне, и вокруг нас царил отвратительный запах человеческих испражнений. Я видел мух, жужжащих над кучами отбросов всего лишь в нескольких метрах от хижин.

Доктор Христиан вовсе не был возмущен. Несколько коренных жителей приветствовали нас, и он заговорил с ними, так как во время предыдущего посещения выучил некоторые слова их языка.

Однако большинство индейцев испугались, когда услышали наши каноэ, и спрятались в джунглях.

Друг за другом они стали появляться из укрытий, и доктор Христиан обследовал тех, кто был болен, раздавая им таблетки, делая уколы и пытаясь внушить им, как важно соблюдать чистоту. Их глаза засверкали, когда он заговорил на их языке, и доктор Христиан тоже явно наслаждался их обществом. Он терпеливо обследовал каждого, пытаясь объяснить что-либо так подробно, насколько это было возможно.

Мы пробыли там только один день и поплыли дальше вверх по Ориноко к месту, где река Мавака впадает в Ориноко.

- Нужно пожить с индейцами, прежде чем начнешь понимать, что у них за жизнь, - сказал доктор Христиан.

При мысли об этом у меня по спине пробежал холодок, но я решил, что могу остаться на три недели вблизи Маваки, пока доктор Христиан будет продолжать плавание по другим притокам. Он может забрать меня на обратном пути. Я особенно был заинтересован в пребывании именно на этом месте, потому что мистер Сандерс работал где-то неподалеку. Однако моя встреча с ним была глубоким разочарованием.

- С чего ты взял, что можешь приехать в Южную Америку без помощи миссии? - спросил он сразу после того, как мы познакомились. - Ты просто хочешь навязаться нам. Ты думаешь, что мы должны о тебе заботиться? Но ты ошибаешься. Ты должен справляться сам, парень. - Он повернулся и пошел прочь.

Я был на миссионерской станции очень недолго. Все миссионеры отнеслись ко мне очень настороженно. Они говорили, что достигли определенных успехов в обращении индейцев в веру Христову, но сейчас существуют некоторые преследования христиан со стороны других индейцев. Они были отрезаны от остального племени.

Так как миссионеры не предложили мне остаться у них, доктор Христиан оставил меня в северной части Маваки с группой индейцев, о которых миссионеры сказали, что они не христиане. Они разговаривали на ломаном испанском. К этому времени я уже мог немного говорить на нем, и мы худо-бедно общались - все же это было лучше, чем моя первая попытка в международном аэропорту Венесуэлы.

Я не мог поверить, что это те самые индейцы, которых описывали миссионеры. И они кого-то преследуют? Немыслимо. Они были такими простодушными. Индейцы позволили мне идти с ними, когда пошли на охоту, и если я отставал, кто-нибудь из них шел со мной. Когда я спотыкался о корни и ветки, они помогали мне вставать. Индейцы делились всем, что у них было. Я ел их пищу, спал в их гамаках. Как могут эти индейцы быть "преследователями"?

Настало воскресенье, и я предложил одному из них пойти всем вместе в церковь, которая была недалеко от их лагеря, и послушать рассказы о Боге. Он посмотрел на меня и нахмурился.

- Нет, мы не пойдем.

- Почему?

- Эти христиане - они странные.

Он не сказал мне больше ничего, но отвел к вождю деревни, большому крепкому человеку, который посмеялся, когда ему рассказали, о чем я хочу узнать.

- Послушай, - сказал он. - Эти христиане больше не интересуются нами. Почему мы должны интересоваться ими?

- Откуда вы знаете, что они не интересуются вами? Они ведь из вашего племени.

- Ну, они отвергают все наше, - сказал вождь. - Они теперь не хотят петь наши песни. Они поют эти странные завывающие песни, которые звучат нелепо и не имеют смысла. А эта постройка, которую они называют церковью! Ты видел их церковь? Она квадратная! Как Бог может жить в квадратном здании? Круг - совершенен. Он указал на стену хижины, в которой мы сидели.

- Он не имеет конца, как Бог. Но христиане - их Бог весь в углах, Он оцетинился на нас. А как одеваются эти христиане? Такая нелепая одежда...

Я подумал об индейцах-христианах, которых видел в миссии. Их учили, как одеваться в одежду с пуговицами, как носить туфли, как петь западные песни.

- Этому ли учит Иисус? - спрашивал я себя. - Вот это называется христианством? Какое отношение имеет весть об Иисусе Христе к североамериканской культуре? В библейские времена не было североамериканской культуры. Не делают ли миссионеры ошибку, проповедуя это? Возможно, это их радует - видеть, что индейцы одеваются как американцы и поют "Благодатная скала". Но разве это единственный путь служения Иисусу? И нет ли у них некоторой доли удовлетворения в том, что индейцев-христиан преследует остальная часть племени? Интересно мне знать.

Я решил попробовать рассказать индейцам, о чем в действительности говорит Евангелие, но это было трудной задачей. Не только из-за моего плохого знания испанского, но также из-за того, что я должен был преодолеть их подозрительность и недоверие к "миссионерам-чужеземцам". Индейцы вежливо

выслушивали мои объяснения, потом показывали в ту сторону, где живут индейцы-христиане, и качали головами.

- Мы не хотим стать такими, как они, - выразительно говорили они. - Наш путь правильный.

Своевременная помощь

Через три недели возвратился доктор Христиан, и мы вернулись в Пуэрто Аякучо, где у него были комнаты в гостинице. Он пригласил меня остаться там, пока он съездит в Каракас.

Снова я остался один. Деньги кончились. Комнаты, заставленные вазами и фарфоровыми статуэтками, которые коллекционировала миссис Христиан, казались маленькими. Снова я чувствовал себя не в своей тарелке, оставаясь в чужом доме, и хотел вновь оказаться в джунглях Ориноко.

Однако Пуэрто Аякучо был милым городком на границе, и я каждый день рано утром прогуливался по нему. Улицы, затененные миндальными деревьями, которые росли на тротуарах, никогда не были переполнены, так что у меня была возможность молиться и размышлять.

Миссия, к которой принадлежал мистер Сандерс, владела в городе большим домом. Как-то я встретил Боба, одного из детей миссионеров. Это был восемнадцатилетний парень с волосами песочного цвета и широкой детской улыбкой. Так как он был моложе меня всего на год, мы быстро подружились. После общения на ломаном испанском в течение месяцев, говорить по-английски было удовольствием. Мы обменивались впечатлениями и рассказывали друг другу забавные истории. Немного позже в этот же день к нам присоединился еще один парень из миссии, Том. Он был немного старше, но обладал хорошим чувством юмора и смешил нас.

Когда подошло время, Том сказал:

- Мы с Бобом должны вовремя вернуться к обеду. Он мог заметить, что мне грустно, что они уходят.

- Послушай, - добавил он, - я хотел бы пригласить тебя на обед, но мой отец, ну... он не хочет.

- О, - сказал я.

То же самое говорили мне другие миссионеры. Если бы они проявили ко мне радушие, по их мнению, это означало бы, что им придется обо мне заботиться.

Я вернулся в темные и пустые комнаты, сел на диван и положил руку за голову. При этом я сбил с полки керамическую вазу. Она с грохотом разбилась. Дрожа, я собрал осколки и выбросил их.

Как бы мне хотелось уйти из этих комнат, быть с друзьями. Но куда я пойду?

Я лег на свою кровать.

- О, Господи, - молился я, - у меня нет ничего. Нет денег... нет друзей. Христиане здесь меня не принимают. У меня нет своей миссии, которая бы послала меня, и никто мне не помогает, ни оттуда, ни здесь. Пожалуйста, поддержи меня. Пожалуйста, не дай мне сойти с ума.

На следующий день на улице не было ни Тома, ни Боба. Я решил позвать их и пошел в миссию. Когда я постучал в дверь, она слегка приоткрылась.

- Чего тебе нужно? - раздался голос.

- Я бы хотел увидеть Тома, если возможно, - ответил я.

Том подошел к двери, явно смущенный.

- Прости, мне запретили с тобой встречаться, - сказал он.

- Но почему?

- Мой отец сказал, что ты нежелателен в обществе миссионеров. Это значит, что никто из миссионеров не должен разговаривать с тобой.

- Нежелателен? Почему?

Я знал, что говорю слишком громко, но не мог остановиться.

Том пожал плечами.

- Ты не хочешь им подчиниться. Они сказали, что тебе нужно вернуться в Штаты, вступить в миссионерское общество, потом приехать сюда и работать.

- Как я вернусь? Билет они мне купят? И с какой стати я должен подчиняться их приказам? - разгорячился я.

Том растерялся, чувствуя себя неловко.

- Не думаю, что мне следует дальше говорить с тобой об этом, - сказал он. - До свидания! - И он закрыл дверь.

Я дошел до городской площади, чувствуя себя еще более одиноко, чем обычно. Я хотел бежать. Но куда?

Я присел на скамейку, желая остаться здесь под солнцем навсегда.

Примерно через час ко мне подошел священник и завязал со мной разговор. Он сказал, что он итальянец и обучает английскому студентов, но мечтает работать с индейцами. Ему никогда не представлялась возможность проплыть по реке и увидеть поселения индейцев. Когда я рассказал ему о своей поездке с

доктором Христианом, он был очарован. Несмотря на мое предубеждение к католикам, в особенности к духовенству, я вскоре оказался втянутым в беседу и забыл свои беды. А когда он встал и пошел к своим ученикам, я остался сидеть под солнцем, чувствуя себя уже несколько лучше.

Немного погодя ко мне подошли, застенчиво улыбаясь, несколько мальчишек. Они окружили меня и, по очереди трясая мою руку, говорили:

- Хелло, - выговаривая преувеличенно тщательно, так что это звучало как "Хей-лоу". После этой церемонии один выступил вперед, задрал голову вверх и продекламировал заученную наизусть фразу:

- Мы хотим пригласить вас в наш класс, поговорить по-английски.

Стараясь не рассмеяться, я торжественно поблагодарил его и последовал за ними в школу, где, что неудивительно, учителем оказался тот самый священник. Я провел там по меньшей мере час, рассказывая об Америке.

После школы мальчишки окружили меня. Один из них убежал и вернулся со своим старшим братом, студентом университета, который приехал домой на рождественские каникулы. Меня представили ему. Он был коренастым и мускулистым, с тяжелыми темными бровями и бронзовой кожей. Взгляд у него был суровый, но манера держаться мягкая. Его звали Рафаэль. Он пригласил меня жить в их семье и я согласился. Позднее я обнаружил, что для любой уважающей себя латиноамериканской семьи было немыслимым оставить такого молодого человека, как я, одного. Я также обнаружил, что они верят, что если ты делаешь добро другим людям, то кто-то позаботится и о твоих детях, когда они покинут свой дом. Но в то время я не доискивался причин. Я просто был рад, что меня наконец-то приняли.

Дом Рафаэля, в самом бедном районе города, состоял из одной комнаты. В ней был земляной пол, темные стены и тростниковая крыша. Повсюду были тараканы. Я спал в гамаке, как и вся семья. Но это не волновало меня нисколько.

На следующее утро Рафаэль разбудил меня, когда было еще темно.

- Быстрее, - сказал он. - Это первый день Рождества. Мы присоединились к толпам народа на улицах. Было весело. Мы бегали туда и обратно, взрывая хлопушки и шутихи в прохладном воздухе раннего утра, сталкиваясь с другими счастливыми людьми, болтая и крича что-то друг другу. Это было похоже на праздник Четвертого Июля в Миннесоте.

В пять часов все люди повернули к церкви.

- Пойдем, а то не успеем на мессу, - сказал Рафаэль. Я покачал головой.

- Я не могу. Я протестант. Он потянул меня за руку.

- Это не имеет значения. Пойдем.

Я посмотрел на него. Он был теперь моим другом. Как я могу отказаться пойти на мессу с моим другом? Это было большое событие для него и его семьи. И я пошел.

Это были бурные дни. Каждое утро мы вставали рано, поджигали хлопушки, потом шли на мессу, и я наслаждался всем этим.

Но когда миссионеры узнали, что я хожу на мессу, они полностью порвали со мной. Но так как мне уже сказали, что я нежелателен в обществе миссионеров, то это не имело большого значения, хотя их осуждение задевало меня.

- Все равно, им ничего не будет по душе, - решил я, - кроме моего отъезда, а я еще не собираюсь уезжать, не сейчас.

Наконец, я начал понимать кое-что из того, чему Бог пытается научить меня. Что из того, что миссионеры отвергли меня? Что из того, что люди, на которых я надеялся, не делают того, что, как я думал, им следует делать? Иисус не отверг меня. Он привел меня к жителям Венесуэлы. Я следую Его плану, и Он обращает мой опыт мне на пользу.

После Рождества Рафаэль должен был вернуться в университет Каракаса. Я не хотел оставаться у него в доме, когда он уедет, и собирался уйти вместе с ним.

- Но куда ты пойдешь? - спросил он.

Я рассказал ему, что тоже поеду в Каракас, что доктор Христиан участвует в американо-венесуэльской программе культурного обмена, и я должен быть готов подключиться к ней.

- Но где ты будешь жить? - спросил Рафаэль. - Ты не можешь просто приехать в Каракас и бродить по улицам. В городе неспокойно, и сильны антиамериканские настроения.

Он дал мне адрес частного пансионата, в котором жил, и письмо-рекомендацию владельцам.

- Это лучшее место во всем Каракасе, - сказал он. -

Коммунисты

За день до моего прибытия в Каракас в городе было объявлено чрезвычайное положение из-за антиправительственных демонстраций. Было очень трудно найти такси, и я заметил множество солдат, патрулирующих улицы.

Пансионат, в который меня направил мой друг, был старым кирпичным домом около "Плаза де Симон бульвар". В целях изоляции стены были толщиной в метр, хотя температура никогда не поднималась выше 30 градусов С. Мне отвели небольшую комнату с окном на улицу.

В пансионате жили почти исключительно студенты, и я сразу же почувствовал себя как дома. Узкие коридоры, свет в которые проникал через застекленную крышу, были окрашены в яркие цвета. "Столовая" была продолжением одного из таких коридоров, только пошире, в котором установили длинный ряд столов. В этот вечер за ужином, когда столы были заставлены едой и везде на старых деревянных стульях с прямыми спинками сидели и дискутировали студенты, это напомнило мне карнавал.

На следующий день на улицах были беспорядки - большая часть из них почти прямо перед дверью нашего пансионата. Одеваясь, я услышал несколько отдаленных хлопков. Мне и в голову не пришло, что это могут быть выстрелы. Но когда я ступил за порог пансионата, то услышал звуки, которые не проникали за толстые стены: ритмичное скандирование толпы и свист пуль. Я застыл на месте. Потом из-за угла выбежали солдаты, гоня перед собой людей. Внезапно они остановились. Я услышал тарахтение их автоматов и увидел, как пули вспарывают мощную улицу, разбрызгивая ошметки грязи.

Все это действие разворачивалось прямо передо мной, и что-то внутри меня говорило: "Уходи отсюда, ради Бога!" - Но я стоял неподвижно, мои ноги как будто вросли в камень, как корни. Один молодой человек, пробегающий мимо, внезапно содрогнулся как воздушный шарик, из которого выпустили воздух, и упал лицом на тротуар. Снова застрочили автоматы, и я увидел, что еще двое упало, и по их телам струилась кровь.

Большая часть толпы к этому времени уже успела покинуть улицу, но несколько человек, казалось, застыли в нерешительности около угла. Один из них, смуглолицый юноша с красным платком на шее, повернулся, поднял камень и побежал к солдатам. Он поднял руку, чтобы бросить свой снаряд. Но как только он сделал это, автоматы, на некоторое время затихшие, снова завели свою песню, и он, казалось, взорвался: рука, покрываясь красными брызгами, отлетела и покатилась в уличную грязь.

Потом мое тело пришло в движение, хотя я не осознавал этого, словно мой мозг сказал моим членам: "Двигайтесь", через минуту после того, как они начали двигаться самостоятельно. Я захлопнул двойную дверь, запер ее на замки и засовы, потом добежал до своей комнаты. Я закрыл окно, чтобы не слышать ни единого звука, и бросился на кровать. Меня бил озноб. Я пролежал так целый день, прислушиваясь к хлопкам выстрелов.

На следующий день у меня была температура, и я остался в кровати. Когда мои друзья пришли с занятий, я был уже основательно болен - температура поднялась до 39 градусов. Они привели врача. Доктор прописал мне какое-то лекарство. Я не спросил, где мне его взять, потому что все равно не смог бы за него заплатить. Позже я узнал, что парень, которого звали Люсио Мондрагон, студент, заплатил за него. Он заходил справиться о моем здоровье каждый день, рассказывал пару веселых историй и уходил.

Лекарство помогло. Я был в состоянии двигаться, хотя окончательно выздоровел только спустя некоторое время.

Выздоровливая, я подружился с местным бродягой и каждый день по часу разговаривал с ним на испанском. В моей комнате жил еще один студент, но через два месяца он переехал. Это означало, что я должен буду платить за комнату один, что было вдвое дороже.

Люсио, вероятно догадываясь, что у меня не очень много денег, или может быть нет их совсем, пригласил меня переселиться к нему, на этаж выше. Он также помог мне. Это был симпатичный худой парень, с черными волосами, постоянно падающими ему на лоб, и с быстрыми нервными движениями. Он открыл дверь своей комнаты, и первым моим впечатлением было то, что все в ней было красным. Потом я понял, что это были красные серпы и молоты - целая стена с серпами и молотами!

Люсио вошел и поставил коробку с моими вещами.

- Это твоя кровать, - сказал он, указывая на нее. - Все остальное в твоём распоряжении. Радио можешь слушать, когда захочешь.

Он подошел к приемнику и включил его. Он был настроен на волну кубинского Радио Гаваны. Люсио посмотрел на меня, на его лице появилось слабое подобие улыбки.

- Лучше не пытаться настраивать его на другие станции. Он с норовом. Потом будет трудно снова поймать нужную станцию.

Я быстро понял, что Люсио - один из студенческих лидеров социалистической партии в университете. Антиамериканские настроения были сильны, и Люсио постоянно пытался поддеть меня этим - наполовину в шутку, наполовину со сдержанной злобой.

Парень, с которым я регулярно общался, был оригиналом и учил меня не самому прекрасному испанскому. Мои друзья-студенты смеялись над некоторыми фразами, которые я выучил.

- Твой стиль не из самых лучших, Уильсон. Почему бы тебе не ходить в университет, где действительно можно выучить язык? - спросил один из них.

Хотя посещение университета было несбыточной мечтой, я решил попытаться. Студентов-иностранцев там почти не было, и высокий светловолосый американец вроде меня выделялся как белая ворона. Вскоре меня знали почти все студенты.

Однако, лучше всех ко мне относились Люсио и его друзья-экстремисты. Я видел, что их идеалы важны для них, что они действительно хотят помочь бедным в своей стране. Я разделял их сострадание, но иногда мы яростно спорили.

Например, для Люсио я всегда был ответственен за то, что делает американское правительство.

- Ты, капиталистическая свинья, - сказал он однажды, когда мы сидели в кафе с другими студентами. - Мы стремимся развить нашу страну, сделать ее прекрасной для бедных так же, как и богатых, а что делаете вы, американцы? Вы приходите сюда и эксплуатируете наш народ, выжимаете все наши ресурсы и ничего не оставляете. Вы управляете нашим правительством, давая им взятки.

- Подожди, - сказал я. - Всего этого я не делаю.

- О, так ты не поддерживаешь свое правительство? Может быть, ты революционер?

- Нет, я бы не сказал.

- А тогда почему ты здесь, если не по капиталистическим делам? Ты шпионишь, пытаешься узнать, как мы работаем, чтобы использовать это против нас, так же как ваше правительство использовало это против Вьетнама и Кубы. Разве это не так?

- Нет, - сказал я. - Я здесь, чтобы помочь индейцам, если я смогу это сделать.

Студенты, собравшиеся вокруг нас, засмеялись. Для них индейцы не стоили того, чтобы сражаться за них. Я посмотрел на них с презрением.

- А кто вы, вы, хорошенькие коммунисты, что можете установить равенство, разрушив все структуры, а затем построить свое собственное общество, в котором нет места индейцам - коренным венесуэльцам, которые действительно нуждаются? Разве они не ваш народ? Или вы такие же избранные, как и те богатые, кто правит сейчас - если говорить вашими словами?

Люсио всегда нападал на меня с самых неожиданных сторон. Это стало невыносимым; я никогда не знал, шутит ли он или говорит серьезно. Мы были друзьями, хотя в нем было много ненависти, и часть ее, случалось, была направлена на меня.

Однажды я пошел с ним поплавать на Кариа дель Мар, один из прекраснейших пляжей на побережье Венесуэлы. Мы поспорили, и он начал обзывать меня. Когда мы заплыли поглубже, мы начали весело плескаться и толкать друг друга. Но какая-то ярость была в нашей игре, и мы оба чувствовали это.

Внезапно Люсио сказал:

- Я убью тебя, капиталистический пес.

Он обхватил меня и окунул в воду. Сначала я не сопротивлялся. Я был уверен, что он отпустит меня. Но он не отпустил, продолжал сжимать меня железной хваткой. Вскоре я почувствовал, как кровь застучала в висках и я стал задыхаться. Но он все так же держал меня. Я должен был умереть. Я знал это. Я начал вырываться с силой, которой не ожидал от себя, и почувствовал, что его объятия ослабли. Дернувшись изо всей силы, я освободился. Люсио остался под водой, его не было видно. Я почувствовал слабость и страшное отчаяние. Доплыв до берега, я лег на песок.

Люсио оставался в воде еще минут двадцать, потом подошел ко мне. Я не смотрел на него.

- Пойдем, - сказал он. - Пойдем отсюда.

Мы молчаливо пошли домой.

Хозяин пансионата никогда не упоминал о том, сколько я ему должен, и мои друзья тоже не просили, чтобы я платил свою долю, когда мы заходили в кафе. Но мне было неприятно осознавать свою зависимость от других во всем.

Я спросил об этом Господа, но ответа не было. Из Америки больше денег не присылали, и не было причин верить, что они придут после такого долгого перерыва. А для меня было теоретически невозможно зарабатывать, так как я не являлся гражданином Венесуэлы.

Однако, как-то вечером я познакомился с Мигуэлем Ниэто, работавшим в министерстве здравоохранения в Каракасе.

- Чем ты занимаешься в Венесуэле? - спросил он, и объяснил, что ищет преподавателя английского языка для студентов, собиравшихся поступать в Гарвардскую школу тропической медицины.

- Не хочешь ли ты этим заняться? - спросил он. Хотел ли я?!

- Но, синьор Ниэто, меня предупредили, что работать в Венесуэле я не могу, это незаконно, - сказал я.

Он улыбнулся.

- С этим все в порядке. Мы заплатим тебе заранее. Если что-то случится, никакого контракта не будет. Мы просто будем считать, что работа окончена.

Он засунул мне в руку бумажку.

- Это плата за первый месяц. Завтра приходи ко мне в министерство здравоохранения.

Я отправился домой в таком состоянии, что был способен от счастья танцевать на улице. У меня была работа. Вскоре у меня будет достаточно денег, чтобы заплатить долги.

В 1961 году президент Кеннеди и президенты стран Южной Америки встретились в Пунта-дель Эсте, в Уругвае, для обсуждения отношений между США и Латинской Америкой. В университете это было время политической напряженности. Огромные кричащие плакаты на зданиях призывали к отказу от сотрудничества с Соединенными Штатами. Один плакат изображал Дядю Сэма в виде флейтиста, бросающего доллары южноамериканским президентам, которые самозабвенно шли за ним.

Приближалось время университетских выборов, а Люсио тяготел к платформе социал-радикалов. Он много работал в это время, сколачивая коалицию из социалистов всех видов. Часто он приходил домой уже под утро, и уходил до восхода солнца.

К этому времени я проникся симпатией к целям социалистически настроенных студентов. Я видел грубых туристов, разъезжающих в автобусах и шествующих по улицам. Я знал о неприличном поведении сотрудников американского посольства, и мне было стыдно за них. Студенты-коммунисты, по крайней мере, были озабочены судьбой своей страны, чего, казалось, нельзя было увидеть у иностранцев.

Коалиция Люсио победила на выборах в университете.

- Теперь ты увидишь, Ульсон, теперь ты действительно увидишь кое-что, - повторял он.

Вскоре он обнаружил, что победа на выборах является злейшим врагом любого реформатора. Через несколько месяцев его коалиция начала разваливаться. Немногие студенты были преданы ей так, как Люсио; начались перебранки и ссоры, борьба за власть и постоянные угрозы выйти из нее. В конце концов, Люсио был вынужден признать свое поражение. Однажды вечером он бросился на кровать, проклиная все на свете.

- Ульсон, почему все так происходит? Какими бы хорошими ни были твои планы, кто-нибудь их всегда разрушит.

В первый раз он спросил мое мнение по какому-либо вопросу. Я не знал, что ответить ему.

- Я знаю, как это бывает, Люсио, - медленно сказал я. - Каждый хочет, чтобы ты делал то, что нужно ему.

Он взглянул на меня со своей кровати.

- Откуда ты знаешь, как это бывает? - спросил он. - Разве ты был политическим лидером?

- Нет, - сказал я, - но, когда я впервые последовал за Иисусом, случилось то же самое. В особенности мой отец - он богатый банкир - хотел, чтобы я сделал карьеру, получил хорошую работу и все прочее, что он считал важным. А моя церковь хотела, чтобы я все делал так, как это принято делать.

- Но, Люсио, - сказал я, - только Иисус дал мне способность быть выше этого. Поэтому я здесь и хочу помочь индейцам. Ты думаешь, мой отец и мои друзья считают, что это имеет смысл? Они считают, что я сошел с ума! Они пытались отговорить меня. Но Иисус дал мне иной взгляд на вещи. Он может сделать это и для тебя. Он может дать тебе истинную перспективу в жизни.

- Нет, нет, нет, - сказал он. - Мы здесь пробовали с христианством. Ничего не получилось. Церковь считает, что все хорошо так, как есть. Они владеют такими обширными землями, такими большими богатствами, как никто в Венесуэле или во всей Южной Америке.

Мы проговорили до поздней ночи. Он знал все аргументы. Но он также знал, что в жизни должно быть что-то еще - чего человек не может достичь, что-то, что дает мир душе. Люсио ощутил это в моей жизни - такой мир, который не является просто апатией, но такой мир, который дал мне святую цель жизни и даже необыкновенную силу.

Через три дня он вбежал в комнату.

- Ульсон, - сказал он. - Это действительно помогает? Ты сказал правду?

- О чем?

- Об Иисусе. Ты мне не лгал?

- Нет, Люсио. Я не лгу тебе.

Он медленно сел и сложил руки.

- Хорошо, - сказал он, глядя в пол. - Хорошо, я сделаю это.
- Что сделаешь, Люсио?
Он взглянул на меня, его лицо было исполнено решительности.
- Я приму Иисуса. Я хочу, чтобы Он управлял моей жизнью.
Едва не убит

Одиночество мучило меня. Часто я часами бродил по улицам, просто всматриваясь в лица людей и пытаюсь вслушаться в их разговоры.

- Ты глупец, - говорил я себе. - Просто глупый, тоскующий по дому мальчик из Миннесоты.

Но мне не хотелось возвращаться в Штаты. Южная Америка пленила меня.

То, в чем я нуждался - это настоящий друг, тот, кто будет знать меня полностью, брат. Я не мог объяснить это словами, но внутри меня было такое желание. И почему-то я знал, что Люсио никогда не сможет быть для меня таким другом.

Я был недоволен и своим поступлением в университет. Приехал в Южную Америку, чтобы помочь индейцам, всем рассказывал об этом, но университет - не то место, где можно найти индейцев.

Мигуэль Ниэто, мой начальник из министерства здравоохранения, знал о моем интересе к индейцам и как-то пригласил меня к себе, чтобы поговорить об этом.

- Ты когда-нибудь слышал о племени мотилонов? - спросил он.

Наш разговор имел решающее значение для меня. Из него я понял, почему Бог направил меня в Южную Америку.

Ниэто рассказал мне, что цивилизованный мир впервые узнал о мотилонах только по их стрелам. Никто не знает ни слова на языке мотилонов, никто не приблизился к ним настолько, чтобы суметь рассказать об их образе жизни. Он рассказал, что мотилоны живут в диких джунглях на границе между Венесуэлой и Колумбией.

Только большие американские нефтяные компании, казалось, были заинтересованы в этих землях. Однако, каждый раз, когда работники компании вступали на земли мотилонов, в них выпускали стрелы. Очень многие были ранены стрелами мотилонов, многие убиты.

Лучше было бы забыть об этих мотилонах. Но я не мог. Жгучее, тревожное любопытство охватило меня. И не оставляло, какие бы аргументы против этого я не приводил себе.

В самом деле, что я могу сделать для горстки диких первобытных индейцев? - спрашивал я себя.

Но то, что я думал о своих возможностях, не имело значения. где-то в подсознании я почему-то был уверен, что Господь хочет, чтобы я шел к ним. Но я боялся, и поэтому пытался убедить себя не связываться с этим. Я забыл, как сурово Бог обходится с теми, кто не следует Его словам. Я потерял способность сосредотачиваться и делать что-нибудь, потому что постоянно думал о мотилонах.

Пусть так, но я не собирался идти!

Как-то я сидел в министерстве здравоохранения, ожидая нужного мне чиновника, и какой-то человек, проходя мимо, бросил в кресло около меня газету. Я взглянул на нее.

Мое внимание привлекло слово "мотилон". Я вгляделся. В статье было написано, что племя мотилонов охватила эпидемия кори. Работники нефтяной компании обнаружили более двадцати покинутых трупов в одном из жилищ индейцев. Описание гниющих тел было подробным и душераздирающим.

Внутри меня оборвалась какая-то струна. Против чего я борюсь? Зачем сопротивляюсь? Эти люди бедствуют. Я изучал тропическую медицину; я в состоянии им помочь.

Через неделю я уже ехал в автобусе в Мачикэс, городок у подножия Анд. Сюда было нелегко попасть: чтобы получить визу, мне пришлось дойти до президента страны. И было тяжело расставаться с друзьями-студентами. Они были уверены, что я свихнулся.

Но я все же чувствовал себя бодро. Автобус был переполнен не только людьми, но и всякой живностью. Большую часть трехдневного пути я ехал, держа на коленях большого поросенка. Однако мне было гораздо лучше, чем тогда, когда, оставив Каракас, я плыл вверх по Ориноко. Теперь я довольно сносно говорил по-испански и наслаждался беседой со своими попутчиками. Толстая, краснолицая супруга фермера, которая сидела рядом, слышала о мотилонах, и я выведывал у нее все, что она знала. Фермерша рассказала мне много красочных историй о людях, раненых их длинными тяжелыми стрелами.

- Не вздумайте приближаться к ним, - говорила она, грозя мне пухлым пальцем. - Они убьют вас.

То же самое я слышал от всех в Мачикэсе. Но я был уверен в себе и рад началу новых приключений. Я ясно вспомнил путешествие по Ориноко. Там индейцы были такими дружелюбными, такими гостеприимными. Индейцы - всегда индейцы, думал я. Прогулка по джунглям тоже не казалась мне очень трудной. В конце концов на Ориноко было то же самое.

У меня осталось достаточно денег, чтобы купить припасы, и я решил пойти сначала ненадолго - возможно, на неделю. Из Мачикэса до Анд можно было добраться только пешком, поэтому я приобрел мула, надежного в ходьбе, по словам человека, который мне его продал. В одно раннее утро мы вдвоем ступили на указанную мне тропу.

Идти по тропе было легко, она постепенно поднималась в Анды. Каждую секунду я ожидал, что встречу дружелюбного индейца-мотилона, который отведет меня в поселение.

Весь день я беспечно ехал по тропе, останавливался только, чтобы перекусить. Как только солнце начало опускаться и прекрасная зелень джунглей потемнела, я почувствовал усталость. Разочарованный тем, что не встретил ни одного индейца, и теперь придется провести ночь в джунглях, я подгонял мула, в надежде добраться до какой-нибудь индейской деревни.

Внезапно я остановился. Потерял тропу. Передо мной были только лианы и ползучие растения. Я возвратился по своим следам и отыскал тропу. Но не проехал и ста метров, как она вновь исчезла.

Я повернул обратно. Странно, что я два раза подряд поехал не туда. До этого у меня не было никаких хлопот с тропой. Наверное, это из-за надвигающихся сумерек.

Теперь тропа была еле заметной. Она превратилась в узкий, заросший путь между деревьями. Когда я снова нашел его, то стал пробираться более осторожно. Но не прошел и нескольких метров, как понял, что тропы больше нет!

Я обшарил все окрестности, таща упрямящегося и усталого мула сквозь кустарник и лианы. Никаких признаков тропы не было. Она пропала.

Я стоял и оглядывался по сторонам, сердце мое сильно билось. Вокруг ничего другого не было, кроме безмолвных темных деревьев и лиан. Все они были похожи друг на друга.

Я попытался вспомнить что-то с тех времен, когда был мальчиком-скаутом. Как бы скаут определил, где он находится? Я не мог сообразить.

Но я знал, что нужно делать. Подождать, пока не взойдет солнце и по нему определить направление.

Эта мысль принесла мне облегчение. Это было просто, только подождать до утра.

Но в каком направлении я двигался? Где Мачикэс? Мне казалось, что я шел на восток, но уверенности в этом не было.

Стало уже довольно темно. Я мог различать только силуэты деревьев. У меня не было с собой спального мешка. Я мог лечь прямо на землю, по крайней мере, здесь не холодно.

Привязав мула, я выбрал местечко и лег. Ворочаясь на земле, чтобы устроиться поудобнее, я наткнулся на шип, и он впился в мягкое место. Я поспешно сел.

Я чувствовал себя несчастным, разбитым и упавшим духом. Знаю ли я, что делаю? Джунгли, такие приятные днем, теперь казались полными опасностей. Я слышал быстрый шелест в зарослях. Станные завывания сотрясли воздух. Спать я не мог.

Я ждал восхода солнца. Казалось, что ночью время тянется дольше, чем обычно. Один раз, когда я уже был готов задремать, что-то приземлилось мне на лицо и мгновенно порхнуло в кустарник. Адреналин пульсировал у меня в венах. Я был далек от сна.

Постепенно я увидел, что темнота посерела, начало светать. Когда можно было уже различать цвета, я поднялся на ноги. Тело совсем одеревенело, во рту был какой-то ужасный привкус.

От обеда у меня осталась жестянка с сардинами и свеча, чтобы погреть их. При мысли о еде я почувствовал ужасный голод, я ничего не ел вчера вечером. Я лихорадочно рылся в своем мешке, пока не нашел банку.

Но я забыл взять консервный нож.

Достав свой нож, я стал вскрывать им жестянку. Нож сломался. Через маленькое отверстие, которое мне удалось проделать, я с жадностью высосал все оливковое масло. Мне нужно поесть! Я не могу идти без еды! Я могу умереть от голода.

Я попытался открыть банку о камень, но ничего хорошего из этого не вышло. В конце концов я закинул ее в заросли.

Прошел час. Я по-прежнему не мог ориентироваться. Я не имел и понятия о том, как найти тропу, по которой надо идти. Но возвращаться я не хотел.

Солнце поднялось над дальними горами. Я решил идти в их направлении. И отправился, таща за собой упирающегося мула. Теперь, когда не было пути, он еле плелся, постоянно путался в лианах и вьюнах. На некоторых кустах были длинные шипы, и несколько вонзились в мои руки и ноги. После того, как я их вытащил, уколотые места опухли, и меня начало лихорадить.

По мере того, как я взбирался все выше в горы, растительность становилась все скуднее, повсюду появились прекрасные голубые переливающиеся бабочки. Попугаи с огненнокрасным оперением пронзительно кричали, когда я проходил мимо. Воздух стал прохладнее. Мой голод исчез, но я чувствовал слабость. С

самого начала моего путешествия меня атаковали насекомые. Все открытые части тела были покрыты красными точками укусов.

На следующую ночь мне удалось уснуть, хотя несколько раз я просыпался от кошмаров. Было холодно, а теплой одежды у меня не было. Когда я поднялся утром, первое, что я ощутил, была тошнота. Посмотрев на руки, я не узнал их. Они были распухшими, красными, избитыми как кусок сырого мяса.

- Почему, Господи? - спросил я. - Для чего я здесь? Но потом я отвязал своего мула и продолжал идти.

Холмы были слишком крутыми, чтобы ехать верхом, и я тащил мула за собой, спотыкаясь и почти теряя над собой контроль.

Потом, окинув взглядом глубокую долину, я увидел на противоположном склоне несколько хижин. Это была индейская деревня. На секунду я закрыл глаза.

Слава Богу! Я нашел мотилонов!

Я спустился в долину, затем медленно, с трудом, поднялся на другую сторону. Это заняло несколько часов. Я смотрел вперед, ожидая увидеть индейцев. Из-за того, что я не смотрел себе под ноги, я несколько раз спотыкался, падал.

Наконец я добрался до круга, образованного хижинами, и когда мне навстречу спустилось несколько людей, я испытал чувство глубокого облегчения.

- Я здесь! - закричал я, не заботясь о том, поймут меня или нет.

Около двадцати индейцев окружили меня, тараща глаза и тараторя что-то на своем языке. Я попытался говорить с ними на испанском. Никакой реакции. Я постарался произнести несколько фраз на языке индейцев, которые выучил на Ориноко. По-прежнему никакой реакции.

Все люди казались старыми и сморщенными. Они смотрели, тыкали в меня пальцами и смеялись. У большинства из них не хватало зубов. Когда они открывали рты, я видел их красные беззубые десны.

Мы пошли в селение. Там посмотреть на меня вышли дети и женщины. Из того, что я говорил, никто не понимал ни слова. Они даже не пытались вслушаться.

Я был уверен, что у них должен иметься вождь. Наверное, он и индейцы помоложе на охоте. Я все время поглядывал наверх, ожидая, что они придут. Но они не пришли, и я устал стоять в середине этого кружка улыбающихся дряхлых стариков, женщин и детей. Я по-прежнему чувствовал себя больным и у меня кружилась голова.

Как мне общаться с ними? Потом я вспомнил про маленькую деревянную флейту, которую взял с собой, чтобы скоротать время. Может быть, этим людям будет интересно послушать, как я играю.

Я достал флейту из своего мешка, сел и начал играть. Как только я сыграл несколько нот, почти все начали кивать головами в такт музыке. Когда я остановился, один старик поднес руки ко рту, делая вид, что играет, как будто хотел сказать мне, чтобы я продолжал. Я сыграл мелодию, которую выучил у индейцев на Ориноко. Неожиданно другой индеец достал флейту и воспроизвел на ней мой мотив. Я сыграл еще и он повторил. Вскоре мы играли эту мелодию вместе. Потом он заиграл другую мелодию, которую я никогда не слышал. Я копировал ее, ноту за нотой. К этому времени около нас, слушая музыку, стояла вся деревня.

Наша игра продолжалась. Я начал уставать, но никто не расходился. В конце концов в половине четвертого утра мы остановились.

В ту ночь шел сильный дождь. Без сна я лежал в хижине, которую мне указали, прислушиваясь к тяжелому дыханию мужчин около меня. По крайней мере, я в безопасном месте, с индейцами, которые кажутся дружелюбными.

На следующее утро по-прежнему не было никаких признаков появления вождя. Мне дали завтрак, состоящий из грубых вареных клубней и жидкости отвратительного вкуса. Я заставил себя съесть все это. Я был голоден настолько, что мог съесть что угодно.

Кажется, никто не ждал продолжения нашего концерта, они занялись своими делами и оставили меня в покое. Маленькие дети играли. Один старик сидел на солнце, прислонившись к хижине. Когда я посмотрел в его сторону, он улыбнулся. Я подошел к нему.

- Как дела? - спросил я по-английски. Он начал говорить что-то на своем языке, чего я и ждал. Я попытался имитировать то, что он сказал.

Он засмеялся, сказал еще что-то, и я попытался повторить за ним. Он снова засмеялся. Игра, казалось, увлекла его и мы продолжали ее в течение двух часов. Это была моя первая попытка понять другой язык, не имея никаких зацепок. Завороженный, я вскоре забыл про все остальное. Я уже начал различать отдельные звуки, и это вопрос времени, думал я, вскоре начну понимать значения некоторых слов.

Внезапно, без предупреждения, меня свалил удар в спину и я упал лицом вниз. Оглушенный, я лежал на земле. Над мной стоял мужчина, пронзительно крича и завывая на высокой ноте, ударяя меня хлыстами, которые он держал в обеих руках. Белая пена выступила на его губах. Я попытался откатиться от него, но

появились несколько молодых мужчин и заставили меня перекатиться обратно, тыкая в меня длинными острыми стрелами, которые они держали в руках.

Потом, по приказу этого мужчины, два воина подхватили меня и швырнули в хижину, в которой я провел ночь. Никто не подошел ко мне. Я лежал на полу, задыхаясь, объятый ужасом. На руках и ногах, там где прошелся хлыст, вспухали рубцы.

Стрела пронзила насквозь одну травяную стену хижины и вонзилась в другую. Потом стрелы полетели еще. Мужчины окружили хижину и сквозь стены стреляли в меня. Травяные стены замедляли полет, и стрелы не могли проткнуть мою кожу, но были достаточно тяжелы, чтобы оставлять страшные синяки и кровавые волдыри там, где ударились в меня. Через пятнадцать минут я сжался на полу и закрыл лицо руками.

Индеец, который бил меня хлыстом, подошел к двери и что-то крикнул мне. К этому времени я понял, что он здесь главный. В руках он держал лук со стрелой, и был похож на безумца. Я прижался к земле, умоляя его по-английски:

- Пожалуйста, не надо. Не надо. Пожалуйста, не надо. Он отошел в сторону. Наступила тишина, и мной овладела надежда. Потом я услышал "фьюить", и очередная стрела ослепила меня болью. Стрелы продолжали лететь, и все казалось нереальным. Казалось, такое бывает только в кино.

В момент сильнейшего ужаса я осознал, что мне надо молиться.

- Господи, - сказал я. - Как долго это будет продолжаться? Неужели я должен пройти через это?

Я представил себе свое будущее, заполненное мучениями, неспособностью к общению и смертью.

Потом произошла странная вещь. Я ощутил, что меня как будто толкнули. Мне казалось, что я вижу Иисуса на кресте. Я зарыдал.

- О, Иисус, - плакал я, изумленный и напуганный. - Это то, что Тебе пришлось испытать. Мы, должно быть, казались Тебе такими же мерзкими, как эти индейцы мне. О, как бессмысленна могла быть наша ненависть. Я лежал тихо.

- Господи, я дам Тебе все, что смогу. Я отдам Тебе мою силу, мою жизнь. Я буду мириться со всем, с любыми неприятностями. Я даже умру, если Ты позволишь мне рассказать мотилонам о Твоем Сыне.

Наверное, я молился так и раньше. Но сейчас я говорил всерьез. Полагая, что смерть близко, я должен был говорить всерьез.

Еще несколько стрел попало в меня, но я больше не боялся их. Через некоторое время вождя остановил какой-то старик. Позже я узнал, что вождь был пьян - состояние, в котором часто бывал и он и остальные индейцы племени.

Я снова вынул свою флейту и начал играть. Я оставил ее в этой хижине ночью. Ее мелодичный голос успокаивал и, казалось, боль в руках и ногах отступила. Вскоре кто-то снаружи стал играть вместе со мной.

Но вождь ясно дал мне понять, что мне нет места в этом поселке. Не было причины, по которой мне следовало оставаться. Я собрал свои вещи, погрузил на мула и собрался уйти обратно в Мачукэс.

Когда я уже был готов войти в джунгли за деревней, меня окликнул какой-то старик. Он жестами дал мне понять, чтобы я подождал, и исчез в одной из хижин. Выйдя из нее, он нес ребенка.

Я подошел к нему, чтобы осмотреть ребенка. Это был мальчик примерно четырех лет от роду, который выглядел очень больным. Некоторые из жителей деревни, видя, что я осматриваю мальчика, привели других детей, у которых, казалось, была та же болезнь. Вокруг меня образовалось кольцо озабоченных, печальных лиц.

У меня с собой был небольшой пузырек с антибиотиком, но я сомневался, можно ли его использовать. Прошло уже шесть месяцев после окончания срока годности. Однако мысль о том, что эти дети умрут, если не получат никакого лечения, убедила меня. Я достал лекарство и начал его распределять. На всех детей не хватало, и я дал всем по половине дозы. У меня не было никакой уверенности, что это поможет им, но это было все, что я мог сделать.

Я снял поклажу со своего мула и стал ждать результата, просил Господа исцелить этих детей, если лекарство окажется бессильным. Прошел день, и в их состоянии не произошло никаких изменений. Еще через день одному из детей стало лучше. Через несколько часов обнадеживающие признаки стали появляться у всех. Спустя неделю, дети уже все весело играли.

Вождь изменил свое отношение ко мне. Он увидел, что я хочу помочь его племени. Позже я узнал, что в тот день, когда он обнаружил меня в своей деревне, двое из его воинов были убиты белыми поселенцами, и у него были веские причины невзлюбить меня.

Мой визит затянулся. Я начал учить язык. Вскоре я понял, что это не мотилоны. Ни одно из описаний мотилонов не подходило к их культуре.

Эти индейцы называли себя юко. Я не смог увидеть мотилонов еще год. И там меня приняли еще хуже.

Взятка

Я закончил навьючивать своего мула и обошел его кругом, проверяя, все ли ремни подпруги хорошо затянуты. Небольшая толпа юко наблюдала за мной. Я посмотрел на них в нерешительности. Должен ли я сделать что-либо еще, прежде чем сказать "до свидания"? Должен ли я пожать им руки, может обнять каждого? Юко бесстрастно взирали на меня, на их лицах не отражалось и намек на какие-либо чувства. Я поднял руку.

- До свидания, - сказал я. - К сожалению, я должен ехать.

- Лжец, - сказал я себе.

Я взобрался на мула и отправился в путь, обернувшись один раз, чтобы помахать им.

Я повернул мула на каменистую крутую тропу, ведущую из поселка. Мне сказали, что она выведет меня к цивилизации.

Ну, я сделал больше, чем достаточно для них. Я мог удовлетвориться этим. В конце концов, то, что начиналось, как недельный визит, продолжалось четыре месяца.

О, как было бы прекрасно вернуться в цивилизованный мир и поговорить с кем-нибудь, кто понимает по-английски! А еда? Мой рот наполнился слюной от одной мысли о кока-коле или котлетах. Пища юко была ужасной. День за днем одно и то же. Кукуруза и чича. Чича - это алкогольный напиток. Его изготавливали из жеваной кукурузы, которую выплевывали в бутыл из тыквы, и она бродила там. Вкус напитка полностью соответствовал его описанию.

Выл холодный туманный день. Вершины гор вокруг поселения скрылись за облаками. Я никогда не думал, что захочу обратно в теплые влажные джунгли. Но четыре месяца постоянной тряски от холода утомили меня.

- Глупо чувствовать себя виноватым, что уходишь, - думал я. Я был болен. Уже два месяца у меня шла кровь, была нужна медицинская помощь.

Мул продолжал тащиться дальше, унося меня от юко.

Скука стала моим злейшим врагом. Я бы лучше предпочел стрелы, впивающиеся мне в тело. По крайней мере, это быстро кончается. Но каждый день есть одну и ту же пищу, вдыхать постоянное зловоние, видеть тех же людей, с которыми не можешь найти взаимопонимания - это доконало меня. Было самое время уйти. Я сделал свое дело. Что из того, что никто из них не познал Христа. Я выучил их язык достаточно, чтобы рассказать им о Нем. Я сделал все, что мог.

Мул медленно вез меня вниз по склону, потом вверх по высокому гребню. Человек, который продал мне его, не обманул. Это было отличное животное. Если эта тропа действительно ведет из джунглей, как сказали мне индейцы, мы выберемся отсюда.

Внезапно мул взбрыкнул. Я попытался удержаться, но тщетно. Меня подбросило в воздух. Мои руки искали опору, но мула уже не было подо мной. Я тяжело упал на правое плечо и услышал, как он галопом несется через заросли.

Я медленно поднялся на ноги. При падении я вывихнул плечо, и оно болело. Вьюки развязались, и вещи рассыпались по тропе. Я был всего в часе езды от поселка, но мне очень не хотелось идти обратно. Я мог идти вперед пешком, надеясь дойти, но мне действительно нужен был этот мул, а он убежал обратно в поселок. Придется и мне пойти туда.

Обратно я шел долго, плечо сильно болело. Но еще неприятнее была мысль о том, что мне придется вернуться в это место, которое покинул. Мне как-то не хотелось снова видеть этих индейцев.

Когда я пришел в деревню, мои худшие опасения подтвердились. Индейцы увидели мула задолго до того, как я пришел и поняли, что произошло. Они вышли встретить меня, смеясь надо мной. Мул сбросил большого белого человека. Никто не помог мне нести тюк.

Я устал от ходьбы, мое плечо онемело, но я не собирался оставаться и быть осмеянным. Я оседлал мула, взвалил на него поклажу и снова ушел.

На этот раз дела обстояли лучше. Было странно, что мул взбрыкнул и сбросил меня. Мулы обычно так не делают. А этот был в особенности послушен. Я ехал уже три часа и чувствовал себя гораздо лучше. Вскоре я доберусь до цивилизации.

Но тут мул встал, как вкопанный, и опустил голову. Я натянул повод, как мне было сказано. Но мул взбрыкнул и перебросил меня через голову. Я приземлился в холодную, грязную лужу. Однако, он не убежал, и я попытался поймать его. Мул попятился и лягнул меня, задев копытом руку и лицо. Из рта у меня хлынула кровь, по шее стекая на одежду. Меня ослепила боль, хотелось лишиться сознания, но боль все нарастала, пока не превратилась в твердую стену, вставшую вокруг меня вибрирующей оболочкой.

Когда боль утихла настолько, что я опять мог видеть, мула не было. Чтобы остановить кровь, я зажал рот рукой. Я не мог идти обратно в деревню. Я должен был выйти из этих джунглей. Я уйду. Но не сейчас. Уже поздно. Придется провести ночь здесь и утром идти.

Этой ночью я дрожал от холода и спал только урывками. Одна сторона лица раздулась и стала бесформенной.

Утром я чувствовал себя ужасно и понял, что мне придется идти назад в деревню. Я хотел знать, что Бог пытался сказать мне через все это.

Юко меня не любили. Они, как и я, были рады, когда я ушел. Почему же не могу уйти? Почему Бог допустил, чтобы мул дважды сбросил меня?

Потом я вспомнил миссию и тот урок, который я извлек тогда. Меня отвергла миссия, но Бог не отверг. Теперь все это повторяется снова. Юко не хотели, чтобы я остался, но хотел Бог. И мне придется следовать Его воле.

В этот день ярко светило солнце. Меня лихорадило и шатало. Вскоре мне казалось, что еще немного, и солнце меня поджарит. Одежда задубела от грязи и высохшей крови. Голова, казалось, была пустой.

Я ковылял дальше. Добравшись до дна одной долины, я обнаружил ручей, на который я раньше не обратил внимания. Опустился около него и лег в прохладную воду, давая ей смочить одежду и кожу. Я пробыл так без движения около часа.

Когда я поднялся, был уже вечер. Я знал, что мне надо добраться до деревни засветло. Я настолько ослабел, что даже стоять мог с трудом. Несколько раз я падал и долго лежал, собираясь с силами, чтобы снова подняться. Когда до поселка было уже недалеко, я начал кричать:

- Помогите, пожалуйста, помогите!

Теперь я уже не боялся, что индейцы будут смеяться. Вдруг появились несколько юко. Вождь был с ними. Они не смеялись.

Вождь сам донес меня до деревни и помог позаботиться обо мне. Только через неделю я почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы встать. Когда я смог ходить, мне уже не хотелось уйти. Индейцы стали людьми в моих глазах. Они заботились обо мне, когда мне была нужна их помощь. Теперь я хотел остаться и посмотреть, не смогу ли я чем-нибудь помочь им.

Не то, чтобы стало легче. Жизнь здесь по-прежнему была тягостной. У меня была все та же дизентерия, и все так же по утрам шла кровь. Но я сделал успехи в изучении языка юко и уже вскоре мог удовлетворительно на нем говорить. Это здорово помогало. Чем больше я общался с ними, тем больше начинал понимать этих людей, а чем больше понимал их, тем больше хотел помочь. То, что раньше казалось невежеством или глупостью, на самом деле ими не было.

Это было уроком, вспоминать который мне необходимо было много раз: прежде, чем ты действительно узнаешь людей, не суди их.

Но мне все же хотелось попасть к мотилонам. Конечно, с эпидемией кори бороться было уже слишком поздно, но это не означало, что мне не надо идти туда. Постепенно это желание, которое до встречи с юко было таким сильным, снова завладело мной.

Я расспрашивал юко о племенах, живущих поблизости. У них в мозгу прочно засело одно племя, с которым юко враждовали. Они называли его "люди нефти". Это было так: земли мотилонов настолько богаты нефтью, что она в некоторых местах даже просачивается на поверхность. После этого и других описаний я вскоре был убежден, что "люди нефти" - мотилоны.

Я спросил юко, не отведут ли они меня к мотилонам. Их глаза широко открылись от ужаса.

- Нет, мы не ходим туда. Они убьют нас, - сказал один из них. Я настаивал.

- Хорошо, - сказал он, - на юге есть еще одно племя юко. Может быть, они отведут тебя. Можешь попытаться. В этот раз уход не был таким трудным. Бог действительно хотел, чтобы я ушел, даже если я не сделал ничего значительного. Ни один из юко не принял Христа. Я не смог внести никаких улучшений в их жизнь. Я даже не смог освоиться с их культурой. Я не закончил дела здесь, но чувствовал потребность быть с мотилонами, - потребность, которая могла исходить только от Бога.

Итак, я попрощался и ушел к другому племени, на юг. Я не собирался оставаться там надолго, но когда попытался говорить с одним из индейцев, то обнаружил, что я столкнулся с еще одной трудностью. Эти юко говорили на другом диалекте. Я их не понимал.

Но они были гостеприимны, взяли меня к себе и позволили мне спать и есть с ними. Через месяц я уже достаточно выучил их язык, чтобы попросить их отвести меня к мотилонам.

Они были в ужасе.

- О нет, мы и близко туда не подходим. Может быть, племя, которое живет к востоку отсюда, отведет тебя к ним.

Я начал ходить от племени к племени, пытаюсь найти кого-нибудь, кто бы меня проводил. Иногда я подумывал, что стоит попробовать пойти туда одному, но я уже достаточно знал джунгли, чтобы снова не совершать этой ошибки.

В каждом племени был "кто-нибудь еще", кто может меня провести. Однажды я нашел нескольких индейцев, которые пошли со мной, но всего через день пребывания на тропе я сильно заболел и был вынужден вернуться. Сначала я подумал, что иду против воли Божией, и Он мне это показывает, как в случае с мулом, которого Он использовал, чтобы я вернулся. Но еще подумав, понял, что прав. Я иду к мотилонам не ради своего удобства или удовольствия. Я иду, потому что почувствовал призвание Божие. Я продолжал свои поиски.

Я отметил одного молодого индейца юко. Он был сильным воином, любителем посмеяться и хорошо провести время, с репутацией человека, который сделает все, что угодно, если от этого получит выгоду. У меня была одна вещь про запас. Юко любили яркие вещи, и первое племя, в котором я жил, было очаровано замками "молния". Одежда моя давно истрепалась, и я носил традиционное пончо племени юко. Но "молнию" от брюк я сохранил, и она лежала на самом дне моего мешка. После двух месяцев ожидания, я достал ее и привязал к куску веревки. Потом я отозвал этого парня в сторонку в джунгли и с таинственным видом вынул "молнию". Подняв ее на веревочке, я держал ее так, чтобы солнце осветило ее и она заблестела.

Он схватил ее, но я выдернул.

- Я дам тебе это, если отведешь меня к мотилонам, - сказал я.

Я видел, как он борется в душе. Каждый раз, когда он думал о том, что ему придется идти к мотилонам, он хмурился и отступал, но при взгляде на "молнию" ему еще сильнее хотелось ее получить.

В конце концов он пожал плечами.

- Конечно, почему бы и нет? Я схватил его за плечи.

- Великолепно! Завтра мы выходим? Он мрачно кивнул.

Ужасный прием

На следующий день мы всемером быстрым шагом двигались по тропе. Покинули деревню, когда солнце только что взшло над горами, и воздух был свеж и прохладен.

Мы почти не разговаривали. Спешили весь день, шагая по едва заметным тропам на гребнях гор, без обсуждений выбирали правильную дорогу на перепутьях. На следующее утро мы поднялись еще до восхода солнца.

Эта изнурительная гонка продолжалась шесть дней. Постепенно ландшафт и климат изменились. Редкие деревья высокогорья Анд сменились высокими, близко-стоящими деревьями тропических джунглей. С деревьев свисали лианы, некоторые толщиной с канат. Даже звуки стали другими. Пронзительно кричали попугаи. Иногда, перелетая с ветки на ветку, подальше от нас, взвизгивала обезьяна.

Каждый день, когда мы наконец-то останавливались, я без сил валился на землю. Все труднее становилось подниматься по утрам до рассвета. Юко, казалось, были неустойчивы. Жара раздражала их и пот струился по их лицам, но шага они не замедляли.

Мы шли по направлению к гряде, где начинаются земли мотилонов, и с которой, как мне объяснили, можно увидеть их жилье, и там меня оставят на произвол судьбы. По мере того, как мы приближались к цели, юко становились все более молчаливыми. Как-то я сделал замечание о красивом оперении попугая, которого я увидел, но тут же почувствовал руку, закрывающую мне рот. Это был один из юко. Он не улыбался. Только убедившись, что я не собираюсь больше ничего говорить, он убрал руку.

Нам больше не нужно было карабкаться по Андам. Здесь были только небольшие утесы и хребты. Деревья стояли настолько плотно, что мы почти не видели неба. Реки доставляли нам неприятности. Часто земля по берегам была болотистой и требовались часы, чтобы найти безопасную дорогу на другой берег. На седьмой день, встав, мы отправились в путь, не сказав ни слова. Я понял, что мы недалеко от нужной гряды и, несмотря на усталость, это придавало больше энергии моим шагам.

Это было то, для чего я пришел в джунгли. Скоро я увижу первого мотилона.

Внезапно все юко остановились и подняли головы, как будто приносясь. Они стояли как изваяния. Я не слышал ни звука, но тоже стоял неподвижно, слыша, как часто и громко дышу - слишком громко, подумалось мне. Больше я ничего не слышал.

Потом, в едином порыве, все юко бросились бежать туда, откуда мы пришли. На мгновение, ошеломленный, я остался стоять, потом неуклюже побежал за ними, удивляясь, зачем бегу. Со всего разбега я наткнулся на лианы, споткнулся и упал лицом вниз, выпутался и снова в них запутался. Потом сильная боль пронзила бедро, и мое тело обмякло. Я упал.

Казалось, что все происходит замедленно - даже дышу я тяжело и жадно. Посмотрел на бедро. Из него торчала длинная стрела, и место вокруг нее было ярко-красным от крови, моей крови, стекающей по ноге. Я не мог отвести глаз от стрелы. Все казалось нереальным. Она должна была бы торчать из чьей-то чужой ноги. Но это было не так.

Потом я посмотрел вверх, и сердце почти перестало биться. Меня окружали обнаженные темнокожие люди с огромными, тугонатынутыми луками. Девять наконечников стрел черными точками уставились прямо на меня. Я забыл о своей ноге.

- Не стреляйте! - сказал я на языке юко, умоляя также взглядом. Их глаза, как маленькие черные кусочки угля, ничего не ответили. Руки, держащие луки, не опустились.

- Пожалуйста, - сказал я по-испански, - я пришел как друг.

- Друг, - повторил на латыни.

Не сводя с меня глаз, они убрали стрелы со своих луков. Один из них подошел ко мне. Я съежился. Он протянул ко мне руку и ухватился за стрелу. Поставив ногу на мое бедро, он быстро выдернул ее. Красные маленькие звездочки заплясали у меня перед глазами. Я не мог вздохнуть. Посмотрел на ногу и увидел кусок мышцы, плавающий в крови на том месте, откуда он вытащил стрелу. Каждую секунду боль возрастала, что невозможно было терпеть, но потом, невероятным образом, она становилась еще сильнее.

Человек поднял стрелу и ткнул ее мне в спину. Я попытался не обращать на это внимания. Мне хотелось лишь одного - лежать и умереть. Он настаивал, хотел, чтобы я встал. Пришлось подчиниться. Индеец еще раз ткнул меня в спину, и я потащился вперед. Остальные мотилоны выстроились в шеренгу, и мы пошли на мотилонскую территорию.

Этот марш длился три часа. Боль в ноге не поддавалась описанию, но всякий раз, когда я начинал замедлять шаг, наконечник стрелы втыкался мне в спину.

Мы взобрались на длинный, крутой холм, и я понял, что не могу идти больше, иначе я потеряю сознание. Пульсирующие темные пятна в глазах грозили разрастись и полностью затмить мое зрение. Казалось, моя нога была отрублена до половины.

На вершине холма нас встретило яркое солнце, и я увидел в центре открытого пространства высокое коричневое строение. Оно было похоже на улей, почему-то поставленный на землю. Сооружение было примерно 12 метров высотой, на уровне земли в нем зияли темные прямоугольные отверстия.

Мы направились прямо к нему и, нагнувшись, вошли в одно из отверстий. Сначала было слишком темно, чтобы рассмотреть что-либо. Я слышал вскрики женщин, шарканье ног и плач детей. Постепенно мои глаза привыкли к тусклому освещению. Меня швырнули на небольшую циновку.

Дети и женщины удалились. Передо мной стояли только мужчины, которые в полутьме выглядели грозными и свирепыми. Внезапно я вспомнил о числе убитых работников нефтяной компании и впервые поверил в это. Меня привели сюда, чтобы здесь убить?

Мужчины поговорили, потом разошлись, оставив меня одного. Я оглядел хижину. Она не была круглой, как я думал, скорее овальной. Шесть входов. Пальмовые стволы были вкопаны в землю и согнуты и связаны вверху, образуя красивую, простую арочную конструкцию, покрытую коричневыми пальмовыми листьями. Я внимательно разглядывал их. Казалось, они посветлели и слегка зашевелились, как от дуновения легкого ветерка. Я расслабился. Боли в ноге я не чувствовал. Только перед тем, как лишиться сознания, я понял, что случилось со мной, и рассмеялся.

- У меня бред, - сказал я вслух. - Слыхано ли это? -

И снова засмеялся.

Думаю, что очнулся на следующий день. Было невозможно определить, сколько времени я пролежал без сознания. Женщины и дети не обращали на меня внимания. Я чувствовал жар и меня лихорадило. Бедро распухло, отвратительный желтый гной окружал место, где стрела вонзилась в тело.

Опираясь на локоть, я попытался подняться, но сразу же закружилась голова, и я был вынужден снова лечь, глядя в потолок. Высокие арки напоминали арки собора. Тихое бормотание женщин, сидевших за работой, звучало как молитвы.

У меня начался понос. Когда позывы появились в первый раз, я попытался встать, чтобы выйти наружу. Меня моментально толкнули назад на циновку. В конце концов, с помощью жестов мы договорились, и одна из женщин проводила меня до двери, прямо за которой эти индейцы облегались. Я сделал то же, что и они, покраснев до корней волос, потому что женщина внимательно наблюдала за мной. Мои прогулки по нужде становились все более и более частыми.

Весь день в полубредовом состоянии я лежал на циновке. Лимфатические узлы под мышками начали распухать. Мне не давали никакой пищи. Поздно вечером, услышав что-то похожее на боевой клич, я очнулся от дремоты. Сел, ожидая самого худшего. В хижину с криками ворвались мужчины, держа обезьян и

попугаев, подстреленных на охоте. Возбужденные голоса заполнили все жилище. Чтобы опалить перья или мех, индейцы держали животных над огнем. Хижина была наполнена едким, удушающим чадом. Потом женщины сварили животных.

Я был ужасно голоден, хотя из-за жара желудок мой ослабел. Но мне ничего не предложили. Ночью, когда все мотилоны привязали свои гамаки над полом и спали, я лежал, обливаясь потом. Хижина плыла перед глазами, грозя перевернуться. Бедро ныло до самой кости. Было явно, что занесена инфекция, и я даже не мог промыть его. Я заплакал от бессилия. Слезы как-то успокаивали.

Потом я начал молиться и молился так, как не делал этого уже долгое время. Я безмолвно разговаривал с Богом, мои глаза были открыты и глядели на медленно качающиеся гамаки мотилонов, подвешенные высоко над землей. Бог успокаивал меня. Он дал мне понять, что я делаю то, что Ему угодно.

На следующий день ко мне подошел маленький мальчик, держа в руке свернутый пальмовый лист. Он протянул его и улыбнулся. В листе было месиво из копошащихся личинок. Каждая формой и размером была похожа на сосиску.

Я не знал, что делать. Пожал плечами и изобразил озабоченное выражение лица.

Одна из личинок выбралась из листа и упала на землю. Мальчик быстро поднял ее, откусил голову, выплюнул ее, потом проглотил остаток личинки.

Он снова протянул лист. Мне предлагали есть личинок. Во мне поднялась волна отвращения. Но я был голоден, и если откажусь съесть это, кто знает, когда мне снова предложат поесть?

Осторожно протянув руку, я взял одну из самых маленьких. Она извивалась в руке. Я закрыл глаза, поднес личинку ко рту, откусил голову и быстро выплюнул. Внутренности червя выдавились из его тела. Я знал, что если посмотрю на них, то не смогу заставить себя это проглотить. Поэтому, я быстро засунул все целиком в рот и начал жевать. Это было похоже на резину. Вкус не был отвратительным, он даже чем-то напоминал свинину. Я взял еще, съел, потом еще.

Желудок взбунтовался. Кожа покрылась холодным потом. Я чувствовал, как личинки шевелятся в желудке. Неожиданно они оттуда вышли тем же путем, что и вошли.

Когда я посмотрел вверх, мальчика уже не было. Позднее он принес немного копченой рыбы, и я смог ее съесть и удержать в желудке. С этого времени мне давали достаточно еды, но червей - больше никогда.

Я болел. Дни, казалось, проплывали мимо. Мне все еще не разрешали покинуть циновку, но я сомневался, смогу ли ее покинуть, если мне и разрешат. Лимфатические узлы распухли так, что я не мог прижать руку к телу. Бедро все так же болело.

Когда я не спал, то наблюдал за женщинами, работающими по дому или мужчинами, мастеращими стрелы. Большинство мужчин казались жестокими. Они тыкали стрелами в меня и смеялись, когда я подпрыгивал. Однако какой-то парень, похоже, решил меня защищать. Когда он приходил, прочие удалялись. У него был громкий характерный смех и когда он смеялся, на него было весело смотреть. Ходил он косолапя, а в углу его рта был заметен рубец. Каждый день, приходя с охоты, он улыбался мне и что-то говорил. Чаще всего именно он приносил мне еду.

Я пробыл там целый месяц, полуживой. Понос стал еще сильнее. Я так ослабел, что едва мог садиться. Кто-нибудь постоянно должен был мне помогать.

Однажды я понял, что должен уйти. Я был уверен, что этого хотел Бог.

Но это означало потерю контакта с мотилонами. Как сдать после того, что мне пришлось пережить для этого? С другой стороны, если я умру, какая от этого будет польза?

Этой ночью светила луна. Я видел, как она сияет над хижиной. Я бесшумно встал, слегка пошатываясь от слабости. Никто не пошевелился, чтобы задержать меня. Все спали.

Я прокрался к двери. По-прежнему никто не шелохнулся. Я вышел, вдохнул ночной воздух, сердце от страха тяжело билось. На секунду я даже забыл, что болен.

От двери к подножью холма проходила тропинка. Я хотел добраться до воды, чтобы она скрыла мои следы. В том месте, куда попала стрела, нога очень сильно болела и не сгибалась, так что приходилось волочить ее. Тропа была неровной; то и дело камни впивались мне в ноги.

Добравшись до подножья холма, я остановился. Там была небольшая речка. Я промыл ногу. Вода жгла, вызывая слезы. Я прислушивался, нет ли за мной погони. Все было тихо.

Я должен был идти по реке, все равно, вверх или вниз, чтобы не заблудиться. Я знал, что, следуя вверх по реке, можно прийти в горы. На другой стороне могут быть поселения. Что ожидало меня внизу, я не знал. И поэтому пошел вверх.

Четыре дня я шел без еды. Я не знал, съедобно ли все то, что я видел по берегу, и боялся ядовитых растений джунглей.

Лихорадка сжигала меня изнутри. Поочередно мною овладевали то жар, то холод. Чтобы просто поднять ногу, требовалось приложить гигантское усилие. Иногда я шел в воде, иногда по каменистому берегу.

Река извивалась среди гор. Часто мне приходилось пересекать ее, чтобы найти проход между скалами. Иногда ледяной поток подхватывал меня, поднимал и бил о камни и валуны до тех пор, пока мне не удавалось встать. Проще было бы дать реке унести меня.

Ноги распухли от острых камней. Несколько раз путь мне преграждал водопад со скалами по обе стороны, и я был вынужден карабкаться по скользким мокрым валунам, нащупывая опору, чтобы не упасть.

Вечером пятого дня я устал и опустился между двух огромных валунов и прислонился к холодной сырой скале. Я посмотрел на свои ногти, синие от холодной воды, на пальцы и руки почти белого цвета. Все мое тело стонало от боли, желудок болел от голода.

Я начал дрожать и не мог остановиться. Смотрел на воду, но она расплывалась у меня перед глазами. Казалось, что несущаяся вода застыла в неподвижности.

Смогу ли я идти дальше? Я не знал, как. Мне были необходимы пища и отдых. Что-то светло-желтое колыхалось вверх и вниз на поверхности воды. Я не мог взглянуть. Подумал, что это галлюцинация, протер глаза. Очертания приобрели резкость. Качаясь на воде, по реке плыл банановый стебель с плодами. Когда они проплывали мимо, я схватил их. Я не мог этому поверить. Бананы были также спелыми: незрелые ужасно горькие.

Держать их в желудке стоило больших трудов. Но вскоре я почувствовал, как ко мне возвращаются силы и новая надежда.

Я встал и снова пошел по реке. Через несколько часов я дошел до места, где река вливалась в озерцо и потом расходилась на несколько ручейков. Я вскарабкался на скалы и наконец-то достиг вершины горы.

Впереди я мог увидеть склон горы, покрытый лесом. Нигде не было видно и следа деятельности человека.

Нигде этот лес не прерывался: километры и километры тех же джунглей, через которые я только что прошел.

Я тяжело свалился на поваленный ствол дерева. Что толку идти дальше? Даже если где-то здесь есть поселение, как я найду его?

Каждый день с момента побега я думал: если я только смогу подняться на вершину гор, я буду спасен. Теперь я видел, что все осталось так же, как и было. Спасения нигде не было.

Потом я подумал о бананах. Послал ли их мне Бог, чтобы посмеяться надо мной, дать мне поверить, что есть надежда, и отобрать ее?

Я вспомнил слова: "Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих" (Пс. 22:6). Бог сделал мне трапезу в середине джунглей, трапезу из свежих бананов. Забудет ли Он меня сейчас?

- Где-то там, - подумал я, глядя на километры нетронутых джунглей, - должны быть люди, которые мне помогут. Бог показал мне стебель с бананами, когда я нуждался в них. Он приведет меня к этим людям.

Не скажу, что я был абсолютно уверен в том, что Он сделает это. Но я оторвал свое ноющее больное тело от бревна и пошел дальше.

Я обнаружил русло ручья в долине и пошел по нему вниз. Я был как в тумане. Мне казалось, что я вижу кошмарный сон, от которого не могу проснуться. Весь день я шел по руслу. Иногда хотелось просто лечь и позволить воде унести меня. Но я продолжал идти.

Сначала я не понял, что это за звук. Он был высоким, резким, как дробь дятла, только громче и медленней. Я прислушался, удивляясь, какие странные звуки можно иногда услышать в джунглях. Что-то из глубины подсознания подсказало мне, что это важно. Нечто неуловимое промелькнуло в памяти, но назвать это я не мог. Это был звук, который я уже слышал раньше.

Я решил проверить, что это. Подойдя ближе, я вспомнил. Это был звук топора. Человек!

Это сделал Бог? Это Он привел меня к цивилизованным людям?

Я неуклюже побежал на звук, спотыкаясь, ноги едва могли волочить тело. Потом я увидел двух людей, которые рубили под корень огромное дерево. Я закричал, потерял равновесие и упал в грязь.

В цивилизацию и из нее

- Кто это? - закричал один из мужчин, наверное думая, что я индеец. Я упал за зарослями и они не видели меня.

- Помогите! - кричал я. - Помогите, пожалуйста! Они бросили свою работу и подошли ко мне.

- С вами что-то случилось? - спросил один из них.

- Врача, - было все, что я смог прошептать.

Они озадаченно посмотрели друг на друга, потом подняли меня и прислонили к дереву. Дали мне кукурузную лепешку и немного сахара. Я открыл рот, чтобы поблагодарить их, но понял, что не смогу

произнести ни слова. Съесть лепешку заняло у меня много времени. Я был слишком слаб, чтобы как следует жевать.

Мужчины привели мула, усадили меня на него и отвезли в ближайший дом. Жена одного из них принесла мне немного хороших красных бобов, еще две лепешки и чашку крепкого сладкого кофе. Я почувствовал себя лучше. Набивая рот едой, я спросил их, далеко ли до Мачикэса.

- Мачикэс? Никогда не слышали о таком.

Я удивился. Мачикэс был хорошо известный город.

- А как называется ближайший город? - спросил я.

- Таламакэ.

- Как он далеко отсюда? - Я никогда не слышал такого названия.

- Пару дней... пешком.

- А какой ближайший крупный город?

- Ринкон Хонда.

- Что? Колумбия? Я в Колумбии?

Но размышлял об этом я недолго. Через несколько минут я уже спал. Проснулся я в постели, первой постели за целый год. Солнце светило в окно, почти так же, как и тогда, когда я уснул.

- Я проспал несколько минут, - подумал я. Потом понял, что, должно быть, уже следующий день.

Я встал, умылся и оделся. Я чувствовал себя лучше, хотя все еще был слаб. Я поглядел в зеркало. Я был похож на пугало. Моя одежда, полученная у юко, превратилась в лохмотья. Неудивительно, что эти люди немного испугались.

В этот день я спокойно отдыхал. Мой желудок отвык от пищи и ел я понемногу. Иначе я снова заболел. Мне дали карту, и я попытался определить, где побывал за прошедший год.

На следующий день колонисты взяли меня в Таламакэ. У меня было немного венесуэльских денег, которые мне удалось сохранить за все время пребывания в джунглях. Я обменял их на колумбийские песо, пошел в магазин готовой одежды и купил пару хороших туфель, брюки цвета хаки и рубашку. Оставив свою грязную истрепанную одежду в примерочной, я вышел на улицу, ощущая себя новым человеком.

Я хотел уйти от границы и попасть в Боготу, столицу Колумбии. Там я сориентируюсь, что делать дальше. У меня было недостаточно денег, чтобы добраться туда, и я купил билет до станции, до которой денег хватило. Это было почти на полпути от Боготы. После этого я остался без гроша. Но я не волновался, как буду добираться остаток пути. Как-нибудь доберусь.

Хорошо было сидеть в поезде и без волнений и усилий позволять ему везти себя. Я раньше никогда так не ценил поезд. Скорость казалась невероятно большой. Я положил ноги на сиденье напротив и расслабился.

На полпути поезд остановился и вошло несколько военных. Они шли по вагону, проверяя у всех документы. - Что они делают? - спросил я у человека, сидящего на противоположной стороне. Он пожал плечами.

- Они ищут коммунистов-партизан. Иногда они ловят их в поездах.

Низкорослый коренастый солдат с длинными кустистыми усами подошел ко мне.

- Ваши документы, пожалуйста. Я покачал головой.

- У меня их нет. Извините.

- У вас их нет? Почему?

- Я только что вышел из джунглей!

На меня стали оглядываться. Солдат посуровел.

- Пройдемте со мной, - сказал он.

Солдат отвел меня к командиру, который, естественно, не поверил мне. Меня ссадили с поезда. Командир доложил в Боготу, что поймал подозрительного иностранца, который говорит, что был в джунглях.

Меня отвели в гарнизон, где накормили отличным плотным обедом. Потом командир сказал мне, что должен отправить меня в Боготу для допроса.

Я мог только пожалеть плечами. Но про себя я смеялся. У меня не было денег, и билет на поезд был только до половины пути. А теперь военные кормят меня и отправляют туда, куда я хочу ехать! У меня был Друг в высших сферах.

В Боготе я рассказал о себе нескольким высокопоставленным чиновникам. Они не поверили всему, что я рассказал, но я убедил их, что был в джунглях. Они позвонили в посольство США, в котором, естественно, обо мне никогда не слышали, так как я не был зарегистрирован в Колумбии. Я не смог убедить чиновников связаться с Венесуэлой. Они были уверены, что эта часть моего рассказа - неправда.

- Ни один, - сказали они, - кто вступал на территорию мотилонов, не выходил оттуда живым.

Желая уличить меня во лжи, они отослали меня к доктору Грегорио Хернандесу де Альба, главе колумбийского комитета по делам индейцев. Доктор Хернандес читал статью колумбийского антрополога

об индейцах юко, поэтому он стал расспрашивать меня об их культуре. Все, что я говорил, конечно, проверялось.

- Хорошо, - сказал он. - Я верю вам. Вы жили с юко.

- А как насчет мотилонов? - спросил я. - Вы не верите, что я жил с ними?

Он пожал плечами и усмехнулся.

- До этого никто не общался с мотилонами, поэтому невозможно проверить вашу историю.

Доктор Хернандес протянул мне руку.

- Но это не имеет значения. Я верю вам.

Он взял на себя ответственность за меня, и теперь я мог получить разрешение на проживание в Колумбии.

Он также дал мне денег и помог найти пансионат, где я мог бы остановиться.

Через несколько дней в баптистской церкви Боготы я встретил американскую чету Мартинов. Они пригласили меня пожить с ними, дали денег на одежду и необходимые вещи, представили друзьям.

Почти все свое время я тратил на прогулки по Боготе. С каждым днем я чувствовал себя лучше. Возможность свободно общаться была великим делом. Я чувствовал себя как дома, и чем больше думал об этом, тем меньше хотел возвращаться к мотилонам. В джунглях трудно жить. Я провел там почти два года, питаюсь ужасными продуктами, большую часть времени болея, не в состоянии даже общаться нормально. Зачем мне возвращаться? Что меня тянет обратно?

- Вообще-то, - думал я, - предполагалось, что расскажу индейцам об Иисусе. Поэтому Бог послал меня туда.

Как мне это исполнить? Я не собирался возвращаться в джунгли и превращать их в американцев, как это, казалось, делали некоторые миссионеры. А если взять все эти индейские мифы и предания, легенды и странные ритуалы, найдется ли у них в душе место для Иисуса Христа?

Муж не оставляет свою жену из-за того, что трудно содержать ее. Как бы я ни хотел больше не ходить в джунгли, я знал, что вернусь. Должен вернуться. Бог желал видеть меня там. Он столько раз подтверждал это, что невозможно сомневаться. И, что еще важнее, Бог дал мне любовь к мотилонам, что было невероятным, учитывая все пережитое у них. Я знал, что это безумие, но когда меня спрашивали о моих приключениях, я обнаруживал, что больше и больше описываю народ мотилонов, их образ жизни и все меньше и меньше то, что происходило со мной. Я любил этих людей, гордился ими.

Однако Богота была прекрасна. Мне нравилось здесь жить. Хотелось остаться в ней как можно дольше.

- Хорошо, Господь, я вернусь, - говорил я. - Но я не знаю, как я могу пойти туда. Когда Ты захочешь, чтобы я вернулся, открой для меня путь, чтобы идти туда.

Супруги Мартин, у которых я жил, работали в компании "Тексако Ойл". Их заинтересовала моя история, и мистер Мартин хотел, чтобы я рассказал ее генеральному директору "Колумбиан Петролиум Компани", которой совместно владели "Тексако" и "Мобил". Я согласился, так как Мартини были неизменно добры ко мне.

Френк Лерори, генеральный директор, внимательно выслушал мой рассказ. Когда я закончил, он откинулся на спинку стула и нахмурился, как будто хотел сообщить мне что-то неприятное.

- Мистер Ульсон, мы наняли двух превосходных антропологов для установления контакта с племенем так называемых мотилонов. Как вы уже, несомненно, слышали, именно индейцы, предполагаемые мотилоны, нападают на наших работников. Однако, антропологи в двух случаях имели общение с индейцами юко и они утверждают, что это люди, известные как мотилоны.

Он пожал плечами и поднял руки.

- Почему мы должны принимать на веру то, что вы говорите?

Я упомянул о некоторых различиях между образом жизни мотилонов и юко.

- О, да, - сказал Лерори. - Я думаю, что вы пролетели над территорией на самолете, что каждый сможет.

Это рассердило меня.

- Мне все равно, верите вы мне или нет, - сказал я. - Я просто пришел, потому что мистер Мартин попросил меня об этом.

Он посмотрел на меня с недовольством.

- Ну, а что вы надеетесь получить от нас?

- Я не хочу ничего от вас, - сказал я. - Просто пришел по просьбе друга.

Он взмахнул рукой.

- Ладно, вы пришли. Большое спасибо.

Я поднялся и направился к выходу из его кабинета, не останавливаясь, чтобы пожать ему руку на прощанье.

- Секунду, - сказал Лерори. - Хотите вы вернуться на земли мотилонов?

Я обернулся. Я мгновенно вспомнил все то, о чем молился только за несколько дней до этого.

- Да, - коротко сказал я.

- Послезавтра наш ДС-3 отправляется на Рио-де-Оро, - сказал он. - Я думаю, что смогу посадить вас на него, если вы хотите. Ближе к их территории нельзя добраться.

Я медленно кивнул.

- Спасибо, я знаю. Я очень этого хочу.

Нетерпеливое ожидание

После месяца, проведенного в Боготе, джунгли казались непривычно тихими и безмятежными. Я разбил лагерь на берегу небольшого ручья и стал ждать, пока меня обнаружат мотилоны. Я находился неподалеку от места соединения трех троп мотилонов и знал, что недалеко от их жилья. Но идти к нему было бы опасно. Вместо этого, я разложил на тропах подарки для мотилонов.

По сравнению с предыдущим, мое снаряжение было просто роскошным. У меня был пластиковый тент, под которым можно было переждать ночной дождь, и достаточно еды, чтобы продержаться неделю и больше. У меня было даже три книги: Библия, "Доктор Живаго" и "Красные одежды зеленых джунглей" - Антропологическая приключенческая книжка об индейцах юко. Я был вполне доволен собой. Скоро я вернусь к мотилонам, думал я. Тем временем я мог наслаждаться джунглями, читать и отдыхать.

Цивилизация осталась далеко позади. Один фермер, насколько отважился, проводил меня вверх по реке от Рио-де Оро, где кончались владения нефтяной компании. Потом я пошел в джунгли сам, постепенно теряя дорогу, возвращаясь обратно, пытаюсь разобраться в нечетких, запутанных тропах индейцев. И в конце концов дошел сюда.

Каждый день я проверял подарки, разложенные на тропах. На одной тропе я оставил на ветках длинный кусок красной материи, привязал к деревьям небольшие мешочки с сахаром и солью, на другой - положил три ножа. Я просто положил их, потому что один из служащих нефтяной компании рассказал мне, что мотилоны объявляли войну, втыкая стрелы в тропу наконечником вниз. Я не хотел быть неправильно понятым: я пришел с миром.

Проверка подарков занимала много времени каждый день, потому что для этого требовалось продирается сквозь ветви и лианы, скрывавшие тропы. После этого я возвращался в лагерь. Он располагался на холме под красным деревом, корни которого выступали из земли, как контрфорсы собора. Это было, если не обращать внимания на насекомых, уютное местечко. После обеда я обычно ловил рыбу, готовил себе еду на костре, который постоянно поддерживал, потом читал.

Прошла неделя, еще одна. Не было никаких признаков того, что к подаркам прикасались. Недели растянулись в месяц. Еда кончилась. Джунгли стали угнетать меня. Часто по ночам крики животных не давали мне заснуть. Я знал, что охотясь в темноте, здесь бродили тигры. Иногда, услышав крики, я вздрагивал. Днем с высоких деревьев капала вода и они казались темными и мрачными. Я хотел видеть солнце сквозь деревья. Что-то пугающее было в этой безмолвии, как будто мое появление здесь заставило все джунгли притихнуть; казалось, любое сказанное в тишине слово будет бесконечно отзываться эхом. Иногда я не выдерживал этой тишины, я вставал и начинал выкрикивать фразы на всех языках, которые только знал.

Я начал сомневаться, что мои подарки вообще принесут какой-нибудь результат. Каждый день, когда я сворачивал на тропу, я надеялся увидеть какие-либо изменения. Каждый день подарки выглядели так же, как и тогда, когда я их оставил. Во мне росло нетерпение. После нескольких часов, которые требовались, чтобы добраться по джунглям до подарков, я мог лишь взглянуть на них с отвращением и уйти. Я снова и снова перечитывал свои книги и уже устал от них. Мне хотелось, чтобы хоть что-нибудь произошло.

Мое нетерпение казалось нелепым. Я собираюсь всю свою жизнь посвятить мотилонам и не могу спокойно подождать несколько недель, удобно расположившись в джунглях. Что за спешка?

Однако, несмотря на все эти разумные рассуждения я был рад, когда через два месяца обнаружил, что подарки забрали. Я едва поверил в это. Я проверил, действительно ли это то самое место. Но сомневаться не приходилось; я знал месторасположение так же хорошо, как свои пять пальцев. Я мог описать каждую ветку на каждом дереве. Подарки забрали.

Я положил еще. На следующий день их тоже не было. Я еще раз оставил подарки. В этот раз на их месте лежали лук и стрела. Это был огромный шаг вперед: они хотели обменяться подарками.

На этот раз я решил положить подарки и остаться рядом, чтобы увидеть, не примут ли индейцы их лично от меня. Я был уверен, что их глаза следят за мной из джунглей. Я хотел увидеть их.

Присев на тропу, я стал ждать. Проходили часы. Я ничего не замечал. Мое снаряжение для рыбной ловли было при мне, а неподалеку был ручей, и я решил поудить рыбу. Наверное я услышу, если они придут забрать подарки.

Когда я вернулся, подарков не было. На их месте в землю были воткнуты четыре длинные стрелы, наконечниками вниз.

Это было предупреждение. Я должен был уйти, если хотел остаться в живых. Но если я сейчас уйду, возможно, больше никогда их не увижу. Месяцы и годы жизни будут потеряны. Мое обещание будет лишь пустой фразой.

Я встал на колени и стал молиться. Это казалось единственным логичным выходом. Когда я поднялся с колен, у меня появилась идея. Одну за другой я вытянул стрелы из земли и положил их. Потом взял еще несколько подарков и положил их сверху. Может быть, это убедит мотилонов, что я пришел с миром.

И я пошел по тропе в свой лагерь. По пути увидел я новые предупреждения - белую рубашку, разорванную на полоски, еще дальше на тропе - клубень маниоки, разрубленный пополам с грязью внутри.

Что значит все это? Думают мотилоны разрубить мое тело и начинить его грязью? Или разрезать меня на ленточки?

Я услышал шорох в зарослях, остановился и прислушался. Шуршание прекратилось.

- Воображение разыгралось, - подумал я и снова пошел вперед. Но на этот раз кто-то определенно шуршал около тропы. Меня преследовали.

Я обшарил взглядом густую зеленую растительность, но ничего не заметил. Продолжая идти, я постоянно оглядывался по сторонам, в ожидании стрелы, летящий мне в спину.

Я вспомнил одну фразу мотилонов, которую выучил, когда в первый раз был у них. Я был абсолютно уверен, что она означает "идите сюда". Я закричал индейцам:

- Гуаикаба добукуби! Гуаикаба добукуби!

После того, как я несколько раз прокричал это, около тропы снова кто-то зашуршал, на этот раз удаляясь обратно в джунгли. Потом наступила тишина.

Позднее я узнал, что слово "добукуби" означает "ленивые, не стоящие", и значит, я кричал что-то вроде: "Идите сюда, ленивые, не стоящие люди!" Но тогда я об этом не знал. Не понимал, что наделал: два месяца ожидания обернулись в ничто из-за грубой ошибки, которой я даже не осознавал.

Я почувствовал себя ужасно разочарованным. Мои надежды, такие сильные сегодня утром, исчезли. Я побежал по тропе обратно к лагерю, продираясь сквозь колючий кустарник и лианы. Все, что я хотел, это уйти из этого места. Мне все надоело. Эти индейцы глупы и ничего не понимают.

И я побежал, задыхаясь от быстрого бега, даже не ощущая усталости. Все одиночество этих двух месяцев проявилось сейчас. Я чувствовал, как шипы впиваются в мои руки и лицо, но почти желал этого. Я хотел уйти, забыть об индейцах.

Я выскочил на поляну около лагеря и на секунду остановился, тяжело дыша. Потом, схватив топор, я побежал к воде и стал рубить бальзамическое дерево. Я сделаю плот и уплыву отсюда.

В неистовстве я бил по дереву. Вскоре оно покачнулось и обрушилось в реку. Я сразу же перешел ко второму, глубоко вгоняя топор в древесину. Оно тоже упало. Я стал рубить третье.

Потом я посмотрел вверх. Там стояли мотилоны, шестеро, тетивы их луков были натянуты. Не раздумывая, я бросил топор и спрятался за дерево, потом выглянул из-за него. Казалось, у них не было намерения убить меня. Они просто ждали, держа луки наготове.

Я вышел из-за дерева и вытянул руки, показывая, что они пусты. Гнев прошел. Я смотрел на их лица, ожидая какого-нибудь знака, руки слегка дрожали. Индейцы медленно ослабили тетиву. Один из них выступил вперед. Он косолапил. Я взгляделся в его лицо. В углу рта у него был рубец.

Я улыбнулся ему, надеясь, что он узнал меня. Индеец улыбнулся в ответ. Я улыбнулся еще шире. И он сделал то же самое. Он узнал меня. Сказал что-то другим.

Они расслабились. Потом он рассмеялся долгим характерным смехом, который я уже слышал там, на другой стороне гор.

Этот индеец был там единственным, кто отнесся ко мне дружелюбно, и теперь я вижу его здесь, за сотни километров.

Мотилоны начали совещаться. Я видел, что они не были рассержены. Казалось, что они даже не наблюдают за мной. Потом человек, который смеялся, жестом показал мне, чтобы я шел за ними, и мы пошли. В этот раз никто не тыкал мне копьем в спину.

Когда мы пришли к жилью, моя персона вызвала порядочную суматоху. Мотилоны сгрудились вокруг меня, толкаясь и тесня друг друга. Казалось, что больше всего их заинтересовали волосы у меня на руках и ногах. Я уже раньше заметил, что у мотилонов их нет. Один паренек дотронулся до моей руки, потом пальцами схватился за несколько толстых светлых волосинок и выдернул их.

- Оо-х, - сказал я. Боль была мучительной. Но он только рассмеялся, и все остальные смеялись вместе с ним. Они тянули меня за шорты и рубашку, как будто не были уверены, не части ли это моего тела, пихали кулаками, щупали мои мускулы.

Еще часть моих волос была выдрана. Это было больно, но они явно получали удовольствие. Вскоре я сам начал смеяться. Я был в отличном расположении духа. Индейцы не собирались причинять мне боль. Я опять нашел контакт с ними. Еще раз мне предоставлена возможность сделать что-то для мотилонов.

Вечером мне дали поесть, потом показали гамак, чтобы в нем спать. Гамак висел так высоко над землей, что мне удалось забраться в него только с нескольких попыток. Карабкаясь, в первый раз я упал, что вызвало всеобщий хохот. Но в конце концов мне это удалось, и я попытался расслабиться, чувствуя себя не очень уверенно. Гамак слегка покачивался.

Глядя на потолок, я исследовал знакомые искривленные балки. Потом я увидел что-то, похожее на маленькую мышь, которая спускалась ко мне по одной из веревок гамака. У существа была слишком плоская форма, странная для животного. Когда это создание приблизилось на расстояние вытянутой руки, я увидел, что это был огромный таракан, более десяти сантиметров длиной. Я слегка вскрикнул и сбил его на землю. Казалось, никто ничего не заметил. Я улегся обратно в гамак и нервно рассмеялся.

В хижине стало тихо. Я слышал только обрывки ритмично-взрывного языка мотилонов.

- Вскоре, - думал я, - я начну понимать его.

Упадок духа

На следующий день мы познакомились. Я показал на себя и отчетливо произнес:

- Брюс Ульсон.

Замешательство отразилось на их лицах. Один из мужчин попытался произнести:

- Брушалонга.

Я покачал головой.

- Брюс Ульсон. Бр-ю-юс У-ульсон.

Он попробовал еще раз.

- Брушко.

Я снова повторил:

- Брюс Ульсон.

Индеец улыбнулся и кивнул головой:

- Брушко, - потом повернулся к одному из мужчин, стоящих около него и радостно сказал:

- Брушко.

Тот попробовал повторить:

- Брушко.

Вскоре то же повторяли все вокруг меня.

- Брушко, - говорили они, показывая на меня. Итак, я стал Брушко.

Я стал знаменитостью. Индейцы подражали моей речи, тискали мне руки и гладили по животу. Иногда, когда я лежал в гамаке, двое-трое детей забирались ко мне, и как будто я был просто большое изваяние, ползали по мне и что-то тараторили.

Я получал много хорошей копченой рыбы, вареные клубни маниоки. Это было очень вкусно. Человек, который первым узнал меня - его звали Арабадоика - всегда приносил их мне на большом банановом листе. Я выбирался из гамака и ел, а он стоял и усмехался вместе с толпой прочих постоянных и любознательных зрителей. Казалось, их интересовало все, что я делал, и они смеялись, пели или разговаривали.

Рано утром мужчины уходили на охоту, а женщины начинали работу по дому. Дети играли в пятнашки или мастерили маленькие стрелы и выпускали их по мишеням. Позже, когда мужчины возвращались с добычей, начиналось приготовление пищи. Все наслаждались запахом жареного мяса и перекрикивались друг с другом через все жилище. В каждой семье пищу готовили сами, поедая ее с явным удовольствием. Наевшись до отвала, вставали и прогуливались, похлопывая друг друга по животу, подобно гордым матерям, которые сравнивают своих младенцев.

Казалось, что каждый выказывал мне расположение, и я радовался этому. Я уже упорно трудился по изучению языка мотилонов, но скоро понял, что это будет долгим и медленным процессом.

В Миннесоте я работал в детском клубе и научился несложному фокусу - "вынимать" и "протирать" свой глаз. Я вспомнил о нем, когда со мной в гамаке было несколько детей. Усадив их на землю, я приготовился показывать представление. Чтобы посмотреть, что это я буду делать, пришли еще несколько ребятишек.

Я взялся пальцами за глаз и стал вращать кистью руки взад и вперед, скрипя зубами. Затем, закрыв глаз, я сделал вид, что вынимаю его из глазницы, дышу на него, чищу об рубашку. Потом я "вставил" его обратно,

немного повернув, чтобы глаз "встал на место", и открыл его. Да, стало гораздо лучше, я вижу теперь более отчетливо.

Детям понравилось. Они захотели, чтобы я сделал тоже с другим глазом. Я проделал и это, потом притворился, что вынимаю оба глаза, что вставляя обратно поменял их местами. А когда я открыл глаза, они были перекошены! Это была сенсация. Дети побежали, чтобы привести других ребятишек, или своих родителей, чтобы каждый смог увидеть это удивительное зрелище.

Меня порадовал такой теплый прием, но когда вокруг стали собираться люди, я понял, что эта сценка может иметь практическое значение в изучении языка. Поэтому, я достал карандаш и блокнот, и снова показывая фокус, прислушивался, что говорят вокруг, и как мог, заносил на бумагу.

Когда я вынул оба глаза, дети сказали что-то вроде: "А, сейчас он сделает их косыми", и я записал форму будущего времени. Потом я "положил" один глаз в рот и сделал вид, что проглотил его. Аудитория замерла в удивлении.

- Он съел его! - прошептал какой-то малыш. Это была форма прошедшего времени.

Я "извлек" глаз обратно и записал форму прошедшего времени, продолжающегося в настоящем. Для каждого в доме я проделывал эти штуки десятки раз, пока мне не стало казаться, что вокруг глаз появляются синяки, но блокнот заполнялся словами языка мотилонов.

Также имели успех и другие игры, которые я смог вспомнить. Я "отрубил" свою руку над рукавом рубашки ребром ладони другой руки, вытягивая затем руку из рукава, словно она была сломана. Индейцы смеялись, пробовали повторить. Ничего не получалось. Они недоумевали, я предлагал им:

- Давайте, я вам так сделаю. Они отказывались:

- Нет, ты сломаешь нам руки, - смеялись и убегали. Еще я растягивал руку и так размахивал ею в воздухе, как будто бы рука была сломана в локте и свободно свисала. Поскольку мотилоны не знали этого трюка, они, естественно, были сбиты с толку.

С невероятным терпением они могли смотреть на мои фокусы снова и снова. Но настает момент, когда любая игра приедается. Через несколько недель большинство индейцев, да и я тоже, потеряли к ним интерес.

Я старался заинтересовать себя больше жизнью взрослых в этом доме. Я наблюдал в один день, как Арабадоика делает стрелы, и даже сам попытался смастерить одну. Конечно, я все делал неправильно, но Арабадоика был терпеливым учителем. Это было увлекательно, но требовало большой практики. Через несколько дней я начал искать другое занятие.

Я стал смотреть, как ткут женщины. Вообще-то они никогда бы не позволили мужчине сидеть и глядеть на них, но я был чужестранцем, и они примирились с моим присутствием, хотя они хихикали застенчиво, когда я приходил. Ткацкое ремесло было моим хобби, и я углубился в наблюдения за тем, как они из дикого хлопка, собранного ими, прядут нити и сплетают их в грубую ткань для своих юбок. За работой женщины много разговаривали, и можно было услышать много новых слов. Конечно, я ничего не понимал из того, что они говорили, но я привыкал к звукам их языка, надеясь, что это поможет мне в будущем. Мне захотелось иметь ткацкий станок и работать на нем, но я понимал, что это не лучшая мысль. Если я буду сидеть и ткать, это может вызвать презрение мужчин, так как ткачество всегда было женской работой.

Наблюдать за ткущими женщинами, как и за изготовлением стрел, можно день, два, пусть три, но дальше выдержать невозможно.

Я начал мечтать о том, чтобы день продолжался часа три, а остаток времени был бы занят сном. Часами я лежал в гамаке, уставившись на высокий потолок и мечтая о сне. Я стал рано ложиться, сразу после вечерней трапезы, но из-за этого начал просыпаться в два часа утра и бодрствовать остаток ночи. Я принуждал себя всматриваться во что-нибудь или прислушиваться к чьей-либо невнятной для меня речи, пока не становилось достаточно поздно, чтобы идти спать.

Мной начала овладевать депрессия. Казалось, что солнце вообще не движется по небу, каждый день длится целую вечность и ничем не отличается от предыдущего.

Конечно, страдать было не из-за чего. Мотилоны - веселые и кроткие люди. Однажды я наблюдал такую картину: женщина, на коленях у которой сидела ее маленькая дочь, работала за ткацким станком. Девочка запустила руки в ткань и так перепутала нитки, что они превратились в беспорядочный клубок, но мать даже не отругала ее. Она просто отодвинула дочку от станка, терпеливо исправила спутанное место, а затем показала девочке, как она может помочь чесать пряжу.

В другой раз я увидел, как подрались два братца. Их мать, расстроенная этим, подняла с земли петушиную голову и слегка ударила одного из них по ноге. Она только коснулась его, но мальчик разрыдался, потому что огорчил свою маму. Это было самое строгое наказание из тех, что я видел, которое применялось или в котором была нужда.

Но были вещи, которые мне не нравились. Коллективное жилище, хижина, в которой жили около восьмидесяти мотилонов, могла бы стать отличным местом для совместного ведения хозяйства, но каждая семья жила собственной жизнью. Если в какой-то из дней у одной семьи оказывалось слишком много еды, излишки они выбрасывали, не обращая внимания, голодает соседняя семья или нет. Между семьями не было тесных связей. Долгое время одна семья могла жить рядом с другой, не зная имен своих соседей. Население хижины постоянно менялось. Любая семья могла без предупреждения сняться с места и уйти. На другой день приходила другая семья, устраивалась на их месте, причем никто особенно не обращал на них внимания, не интересовался, надолго ли они пришли. Очень часто, прежде чем кто-нибудь интересовался, кто они такие, проходили недели.

Здесь никогда не плакали, никогда не показывали и признака печали и боли. Казалось, что такие чувства неведомы мотилонам. Улыбки и постоянный смех начали казаться бессмысленными.

- В конце концов, это все же нецивилизованные индейцы, и в их чувствах нелегко разобраться, - думал я.

Снова и снова я читал свою Библию от корки до корки, пока она не стала казаться мне слишком однообразной и почти что надоедливой. Я знал, какой стих идет за каким. Я помнил те мысли, которые возникали у меня при чтении тех или иных мест, молитвы, которые я возносил. Конечно, все это было свидетельством, что Бог слышал мои молитвы. После всего, что со мной случилось, я оказался здесь, среди индейцев мотилонов, которые пользовались дурной славой, и мирно живу с ними.

Но радость от этого постепенно прошла. Я приехал, чтобы обратить индейцев мотилонов ко Христу. Делаю ли я это? Нет, ведь я не знаю их языка, кроме нескольких бытовых выражений.

Я думал о выдающихся миссионерах, чьи биографии я читал. Но, казалось, их опыт ничем не мог мне помочь. Я смог преодолеть многие препятствия, но что поделаешь с этой постоянной ужасной скукой? Я вспоминал миссионеров, с которыми встречался в Миннеаполисе, и миссионеров на Ориноко, к которым я относился так критически. Через четыре года они должны приехать домой в отпуск и рассказать о новообращенных.

Эта глупая мысль угнетала меня. Я уже три года в Южной Америке. Где мои новообращенные? Конечно, к ним можно отнести моих друзей в университете, но о них я не мог думать как о новообращенных. Это были просто друзья, с которыми я мог делиться своими мыслями.

А здесь, спустя три года, у меня нет денег, нет миссии, которая бы купила мне билет домой. Фактически, единственное место в мире, где я не умру с голоду, это в джунглях, у мотилонов.

Я упал духом. Каждое утро я боялся даже мысли о еде. Пища стала хуже, чем у юко. Без соли и сахара она не могла быть особенно вкусной. Часто, когда из съедобного было только мясо обезьяны да черви, меня просто рвало. Не давали покоя блохи, а на коже от постоянной грязи появилась сыпь.

И почему этот язык так труден? Я полагал, что мне удалось добиться успехов за несколько первых дней, но теперь мне стало казаться, что он труднее, чем язык юко. Я не хотел жить три месяца абсолютно без общения, как было с юко. Я всегда искал кратчайшие пути для достижения целей, но здесь их не было.

Однажды утром, заранее содрогаясь от отвращения к бесконечному дню, который мне предстоит, я выбрался из гамака и вышел из хижины наружу. Выходя из помещения, я поскользнулся и чуть не упал: оказалось, что я наступил на кучку человеческих испражнений. Счистил их с туфли как можно лучше, добрался до пенька и сел. Было около одиннадцати часов. Солнце стояло почти в зените и было очень жарко и влажно. Около хижины не было даже деревьев, в тени которых можно было бы спрятаться. Мухи, сверкая крылышками на солнце, жужжали над другими кучками испражнений. Почему им нужно делать это прямо у входа? Неужели они не могут отойти куда-нибудь, где это никому не будет мешать?

Как раз в это время одна из женщин, подойдя к двери, выбросила кухонные отбросы: кожуру бананов, ананасов и все то, что осталось от съеденной рыбы и обезьян.

Конечно, по понятиям индейцев, она в достаточной мере соблюдает чистоту. Одна из женщин целую неделю не убирала отбросы. Они лежали на полу, пока на них не начали расти поганки.

Что за мерзкое место! Мне сдавило грудь. Чтобы не видеть ничего этого, я закрыл глаза.

Из хижины вышла пожилая женщина и, ухмыляясь беззубым ртом, направилась ко мне. Что-то бормоча, она дружески потерлась об меня. Пахло от нее отвратительно. Я посмотрел на ее густые спутанные черные волосы: по ним ползали вши. Груды дрябло свисали.

Я поднялся и пошел от нее прочь, чувствуя дурноту. Она пошла следом и положив руки мне на талию, обняла. Потом рассмеялась глупым идиотским смехом. Я посмотрел вниз на ее руки. Они были ужасно грязными. Я осторожно отстранился и отошел подальше в джунгли. Хихикая, она шла за мной.

Я даже не мог сказать ей, чтобы она отстала. Такая простая вещь, но я не мог этого сказать. Здесь не было ни одной живой души, которая бы понимала меня.

Как долго это может продлиться? Три месяца? Четыре? Смогу ли я полноценно общаться с ними через год?

Есть одна старая песня, в которой говорится: "Если ты не можешь нести крест, не можешь носить и венец". Я понял, что не хотел нести креста. Хотел получить венец со всеми его алмазами, совсем не неся креста. Еще раз взглянув на старуху, я уже не был уверен, что хочу иметь венец.

Заклучение братского союза

Я лежал в гамаке, наблюдая за тараканами, ползающими по потолку. Что я буду делать сегодня? Смогу ли я внести какой-нибудь вклад, вообще сделать что-нибудь для этих людей?

Какой-то мальчик принес мне пищу Я вылез из гамака и спустился вниз. Есть мне не хотелось.

Широко улыбаясь, мальчик смотрел на меня - хорошая у него улыбка! Я вспомнил, что видел его раньше. Действительно, это ему часто поручали отнести мне еду.

Я присел на корточки, чтобы поесть, а он стоял рядом. Жестом я пригласил его присесть около меня. Мальчик послушался. Этому смуглому мускулистому мальчику было около тринадцати лет, и у него еще не было набедренной повязки, которая является признаком взрослого мотилона.

Я предложил ему поесть со мной, но он отказался.

Я спросил:

- Как твое имя?

- Кобаидра, - ответил мальчик.

Это был почти весь мой словарный запас, а я пробыл у мотилонов около года. Пока я ел, мы сидели и смотрели друг на друга, и все это время он улыбался. Мне почти что захотелось обхватить его руками и крепко обнять.

В этот день мотилоны собрались на рыбную ловлю. Я никогда не ходил с ними, но в этот раз пришел Кобаидра, и когда мужчины и женщины собрались уходить, я взял его за руку и сказал:

- Дай мне, пожалуйста, банан.

Но Кобаидра меня не понял, и вместо этого протянул мне топор. Это меня озадачило. Я был уверен, что банан я называю правильно. Я спросил еще раз и Кобаидра снова протянул мне топор.

Внезапно, мне в голову пришла невероятная мысль. Зажав свой нос пальцами и повысив тон голоса, я снова попросил банан. На этот раз Кобаидра дал мне банан.

Язык мотилонов - тональный! Все книги по лингвистике утверждали, что тональных языков в Южной Америке нет, а теперь я пытаюсь выучить один из них, я, который без флейты не может издать верно ни одного тона. Смогу ли я когда-нибудь справиться с этим?

Но с Кобаидрой я мог разговаривать не смущаясь. Мы часами лежали в своих гамаках или сидели на корточках в доме. Я записывал все, что он говорил, и постепенно мой словарный запас увеличивался.

Отец Кобаидры был уважаемым членом племени. Он был единственным мотилоном со светлыми волосами. Он поощрял наше совместное времяпровождение, с одобрением относясь к нашей дружбе.

Однажды он подошел ко мне и пригласил следовать за ним. Мы вышли. Здесь, явно нервничая, нас ждал Кобаидра.

С ним было еще двое мужчин. Не говоря ни слова, они направились в джунгли, и я последовал за ними.

Что происходит? Мы шли около пятнадцати минут, затем остановились на небольшой поляне.

Отец Кобаидры торжественно достал набедренную повязку, и я с внезапной дрожью, пробежавшей по спине, понял, что это церемония превращения мальчика Кобаидры в мужчину. Я не имел абсолютно никакого представления, как это происходит. Все, что я знал -вчера мальчик из племени мотилонов - еще ребенок, а сегодня он уже носит такую набедренную повязку и считается мужчиной.

Произошла короткая церемония, затем Кобаидра одел набедренную повязку. Он улыбался, почти смеясь... и был очень горд.

Его отец повернулся к нам, троим свидетелям.

- Его имя Бобаришора.

Затем, обращаясь ко мне, он сказал:

- Теперь он мужчина, его больше не зовут Кобаидра. Теперь он - Бобаришора.

Пытаясь произнести это имя, я чувствовал, как заплетается мой язык.

Его отец снова медленно произнес:

- Бобаришора.

Я посмотрел на Бобаришору. Он улыбался. Я попробовал еще раз.

- Боббишоу.

Мне казалось, что это звучит так.

- Боббишоу.

Затем я сократил это обращение:

- Бобби, - сказал я и засмеялся. Это очень подходило к его приятной, веселой личности.

Остальные повторили это имя за мной. Оно им понравилось, и вскоре все племя называло Бобаришору Бобби, хотя его полным именем осталось Бобаришора.

Приглашение на церемонию посвящения Бобби было важным событием моей жизни, так как наблюдать этот ритуал позволялось только ближайшим родственникам и друзьям. Однако, я уже достаточно разобрался в обычаях мотилонов, чтобы понять, что кое-что в этом ритуале отсутствовало. Как правило, заключался союз с теми, кто был приглашен на такую церемонию. Здесь же этого сделано не было.

На таких союзах между семьями основана общественная система мотилонов. Если вы заключаете союз с кем-нибудь, то соглашаетесь разделять с ним все: пищу, жилище и семью. Даже больше того. Вы становитесь братьями.

До того я видел подобный ритуал. Часть церемонии заключается в том, что друзья обмениваются стрелами. Я хотел заключить с Бобби союз и чувствовал, что и он этого желает. Но я не умел делать стрелы, как полагается, а обмен ими был важной частью всего обряда.

Я попросил родного брата Бобби, чтобы он сделал несколько стрел для меня и подготовился к церемонии.

По мере приближения церемонии я нервничал все больше. Я очень хотел, чтобы Бобби был доволен всем, и боялся совершить какую-нибудь ошибку.

Но все прошло успешно. Я протянул свои стрелы Бобби, он взял их и сделал вид, что тщательно осматривает их.

- Это прекрасные стрелы, - торжественно произнес он. - Я принимаю тебя как брата.

Я взял его стрелы. Они были тяжелые, длинные, с красивыми узорами. Я видел, что Бобби, который делал стрелы всю свою жизнь, в эти вложил все свое мастерство.

Мы спели традиционную песню братства, и я расслабился.

- Мы братья, - пел я, глядя на Бобби, и на моем лице, как и на его, сияла широкая и гордая улыбка. - Мы - братья, и ничто на свете нас не разъединит.

Мы проводили вместе все больше и больше времени. Когда я выходил из дома, чтобы пройтись по тропам мотилонов, Бобби без слова следовал за мной. Это имело глубокий смысл, означало, что он считает меня своим руководителем, своим личным вождем. Мы часто вместе ходили на охоту.

Однажды в джунглях я наступил на шип, который был длиной больше десяти сантиметров. Когда я вынул ногу из теннисной туфли, кровь била струей. Бобби бегал вокруг, негромко вскрикивая, до тех пор, пока я не перестал стонать и остановил кровь. Мотилоны никогда не показывают, что им больно, тем не менее Бобби сочувствовал мне и хотел помочь.

Однажды, через несколько недель, когда мы шли по джунглям, Бобби, шагающий за мной, остановился, не сказав ни слова. В тот момент я даже не понял, что он не идет за мной, ведь он передвигался всегда бесшумно. Когда я осознал это, то обернулся к нему. Бобби смотрел на меня как-то неуверенно, его рот был приоткрыт, как будто он хотел мне что-то сказать.

- Бобби, в чем дело? - спросил я.

- Ни в чем, - пробормотал он. Я пожал плечами и повернулся к тропе. Не разговаривая, мы пошли дальше, но молчание тревожило меня, хотелось узнать, что случилось.

Тогда я услышал его голос позади меня:

- Брушко, меня называли "На небесах".

Я, озадаченный, обернулся. Бобби стоял с полуоткрытым ртом, совершенно неподвижно, как будто увидел привидение. Я понял, что сказанное чрезвычайно важно для него. Но я все еще не понимал.

- Это мое имя, - сказал он.

- А как же Бобаришора? Он покачал головой.

- Нет, мое истинное имя "На небесах". Это тайное имя. Затем он объяснил мне, что у каждого индейца племени мотилонов есть тайное имя, которое определяет его как личность. Только его отец, иногда некоторые другие знают его. Это тайна, потому что тот, кто знает это имя, имеет абсолютную власть над его обладателем.

- И ты сказал его мне? - изумленно спросил я. - Ты назвал мне свое тайное имя и дал мне власть над собой?

Он кивнул. Мы стояли, глядя друг на друга. Это был один из самых значительных моментов моей жизни.

Затем лицо Бобби снова расплылось в улыбке. Я протянул руки и взял его за плечи. Я плакал. Я проделал весь этот путь в Южную Америку, до Колумбии и в джунгли, нуждаясь в том, чего на самом деле не ожидал найти - настоящего друга. Я нуждался в человеке, который может быть братом. Кровным братом. Я нашел его. Мы отличались возрастом, языком, цветом кожи, верой, всем. Но у нас было одно общее: глубокая, братская любовь. Я не знал, к чему это приведет. Но сам Бог вдохнул ее в наши сердца.

Приняли за людоеда

После того, как Бобби и я стали братьями, грязь оставалась все там же, так же кусались блохи, насекомые по-прежнему разносили болезни, и я все еще страдал расстройством желудка. Но это казалось все менее и менее значительным.

Меня приняли. У меня была семья.

Мы с Бобби стали навещать другие хижины мотилонов. Ходить по тропам было здорово! Джунгли казались еще великолепнее, когда разговаривая и распевая песни мы шли по ним с Бобби.

Жилища племени мотилонов разбросаны по большой территории. Иногда, чтобы добраться от одной хижины до другой, требуется несколько дней.

Бобби был одним из самых сильных молодых воинов племени и шел по тропам гораздо быстрее меня. Когда он замечал, что я выбился из сил, то, не говоря ни слова, останавливался, и мы отдыхали.

Бобби был горд: ни от кого ничего не брал. Когда мы приходили в какое-нибудь из жилищ, иногда проходило несколько дней, прежде чем он соглашался принять пищу от его обитателей. Есть пищу было признаком слабости, а к слабости он был нетерпим.

- Бобби, почему ты не ешь? - спрашивал я его. И он всегда отвечал:

- Я не голоден.

Бобби настолько проникся решительностью быть сильнее любого другого, что среди других мотилонов он не всегда был популярен. Он был к себе беспощаден, но со мной всегда был добр и мягок.

Однажды, возвратившись из подобного путешествия, мы узнали, что отец Бобби умер. Мне сказал об этом сам Бобби, при этом оставаясь абсолютно бесстрастным. Я был огорчен и озадачен. Он был таким хорошим старым человеком. Он ввел меня в свою семью, поощрял мою дружбу с Бобби. А теперь он мертв. Умер ночью, и его тело еще лежит в гамаке.

Казалось, никому до того нет дела. Это были первые похороны у мотилонов, которые я видел, и я не мог поверить, насколько все они были бессердечными. Тело завернули в гамак и несколько мужчин отнесли его в джунгли. Там гамак подвесили высоко на деревьях. Вскоре туда отовсюду слетелись стервятники, чтобы пожрать его.

Никто не плакал, казалось, что ничего не произошло. Я записал в дневнике: "Эти люди тверды, как железо. Смерть для них не имеет особого значения. Ничто духовное их не волнует. Тот факт, что они никогда больше не увидят его на земле, видно насколько не волнует их. Как я могу донести до них учение Иисуса о любви, если они даже не пытаются любить друг друга?"

Где бы я ни был, я постоянно слышал имя "Абара-татура". Его всегда произносили с трепетом и уважением. На мотилонском языке у этого имени был особый ритм, который придавал ему почти магическое значение. В конце концов я спросил у Бобби, кто он.

Бобби наморщил лоб.

- Он великий воин и охотник, его уважают все мотилоны. Можно сказать, наверное, что он вождь всех вождей.

- Где он живет?

- В Корроронкайре. Это далеко отсюда, в горах.

- Бобби, почему бы нам не отправиться к нему? Я бы хотел встретиться с ним.

Бобби засмеялся и покачал головой:

- Ты хочешь быть убитым? Он ненавидит белых людей. Мысль об этом слегка остудила меня. Я уже почти забыл, что мотилоны убивают людей, что у меня могут быть враги.

Спустя некоторое время мы разговаривали с Арабадоикой и мне пришло в голову спросить его об Абарататуре.

- С чего бы ему хотеть убить меня? Он должен уже знать, что я не опасен. Конечно, он слышал о том, что я живу здесь.

- Он думает, что ты людоед с волшебной флейтой, - сказал Арабадоика. - Потому он убьет тебя, пока ты не убил его.

- Что? Что ты имеешь в виду? - не понял я. Арабадоика потянулся в гамаке.

- Говорят, что настанет время, когда белый человек придет к мотилонам с волшебной флейтой, на которой будет играть. Он заведет всех мотилонов в ловушку, где они будут съедены заживо.

Я знал, что у мотилонов много преданий, но слышал только некоторые из них. То, что рассказал Арабадоика, было новым для меня.

- И поэтому Абарататура ненавидит меня? Он думает, что я людоед?

- Но ты ведь играешь на флейте, не так ли? -засмеялся индеец. - Так или иначе, остальные не верят, что ты людоед. Но сначала мы тоже так думали. Вообще-то, Абарататура хотел убить тебя, когда ты исчез в тот первый раз, как пришел к нам. Через день после того, как ты ушел, он был здесь.

Я вспомнил ту ночь, когда больной выскользнул из хижины, недоумевая, зачем я это делаю. Теперь я видел, что это Бог заставил меня, чтобы спасти мою жизнь.

- Раз из-за тебя не случилось никакого несчастья, -продолжал Арабадоика, - большинство поверило, что ты не людоед. Вообще-то, некоторые думают, что ты -тот человек, который принесет банановый стебель Бога.

- А что это?

- Есть другое предание, что высокий человек с желтыми волосами придет со стеблем банана, и из стебля выйдет Бог.

- И ты думаешь, что это могу быть я?

Он пожал плечами.

- Ну, у тебя нет бананового стебля.

- Ну, хорошо, - сказал я. - А что же Абарататура? Мне бы хотелось познакомиться с ним. Арабадоика покачал головой.

- Нельзя туда идти. Он убьет тебя.

Но эта идея прочно обосновалась у меня в голове. Через пару недель несколько мужчин собрались к Абарататуре и я попросил их взять меня с собой. Они отказались, но я настаивал и наконец, явно нехотя, они согласились.

Это было долгое путешествие. Мы шли очень быстро, даже не останавливаясь для еды. Питались мы сырыми клубнями маниоки, ящерицами и жуками. Через восемь дней в груди у меня появилась колющая боль, и каждый раз, когда я пытался поест, меня рвало. Казалось, что мой рот забит ватой. Около каждого ручья я останавливался и пил до того, что мой желудок готов был разорваться, но во рту по-прежнему не было слюны.

Девятый день тянулся бесконечно. В конце концов, когда до привала оставалось еще несколько часов ходьбы, мне пришлось попросить остальных остановиться на отдых.

Я пытался есть то, что приносил мне Арабадоика, но пища не удерживалась в желудке. Я не мог понять, что это за болезнь может быть. Мысленно я перебирал все медицинские справочники, пытаясь определить это по симптомам.

Подошел Арабадоика и взял меня за плечи. Его кривая улыбка казалась растянутой и далекой, как во сне.

- Брушко, - сказал он, - какие красивые у тебя глаза! Как ты сумел сделать их такого красивого цвета?

Я не сразу понял, что он сказал. Лицо Арабадоики расплывалось у меня перед глазами.

- Какого цвета? - спросил я.

- Желтого, красивые, желтые глаза. А мы можем сделать, чтобы и у нас были такие же?

Желтые глаза: желтуха! Мне нужно было больше, чем отдых. Мне было необходимо медицинское лечение.

Но обратно до реки восемь дней и еще неделя, чтобы построить плот и добраться до цивилизации, вниз по реке. Я мог не выжить.

Стоит ли мне идти дальше? В Корроронкайре мне тоже никто не поможет. И там мне придется столкнуться с вероятностью быть убитым. Сил сопротивляться у меня уже не осталось.

Что бы я ни предпринял, надежды не было. Стволы деревьев в джунглях, казалось, качаются передо мной. Я был болен и теперь, чувствуя как сжимается сердце, думал, что скоро умру. Я помнил обет, данный Богу, когда был пленником юко. Тогда я обещал делать все, что Он от меня захочет. Чего Он хотел сейчас?

Я решил, что надо идти дальше. Моя жизнь была в руках Бога. Он может сделать с ней, что захочет.

Следующие несколько дней я был, как в тумане. Кожа стала темно-желтой. Каждый шаг был пыткой. Я чувствовал, как меня качает, и пытался сохранить равновесие. Один раз я упал в обморок и очнулся, лежа на спине, лица мотилонов склонились надо мной. Я встал и продолжал идти.

Через несколько часов я снова потерял сознание. Когда я пришел в себя, один из мужчин, знахарь, стоял надо мной и завывая, монотонно приговаривал что-то. Я испугался, но от слабости не мог даже пошевелиться. Его лицо подошло ближе. Оно казалось огромным и нечеловеческим. Знахарь взял нож и сделал надрез на моем лбу. Я чувствовал, как кровь стекает по лицу, но остановить его не мог.

Знахарь взял сосуд из тыквы, высыпал оттуда какой-то светлый порошок и втер его в рану, непрерывно бормоча заклинания. Я поднял руки над головой и попытался его удержать. Я сказал им, что снадобье мне не поможет, раз я не мотилон. Я умолял их заставить его прекратить. Знахарь продолжал стоять, наклонившись надо мной, и мои руки дрожали, пока я говорил.

Они посовещались. Знахарь не одобрял моего отношения к его методам лечения. Но все же они решили что раз я не хочу, чтобы меня лечили, оставить меня в покое.

Двое мужчин взяли меня под руки и потащили. Мои ноги волочились по земле. Временами я терял сознание. Тропа казалась бесконечной. День за днем мы шли вперед, мотилоны по очереди тащили меня. Я почти не осознавал происходящего. Иногда я садился на землю, тело мое распластывалось, как будто уже не принадлежало мне. Затем чьи-то руки подхватывали меня под мышки, поднимали и волочили снова. Это было болезненно. Я открывал рот, чтобы закричать, но из моего рта не вырывалось ни звука.

В конце второй недели мы пришли в Корроронкайру. За несколько километров от поселения нас встретила небольшая группа мужчин. У них был приказ убить меня. Вождь, узнав, что я иду сюда, пришел в ярость.

Я слышал весь разговор, но он, казалось, не имел ко мне никакого отношения. Я бесстрастно выслушивал каждое мнение. Мне было все равно, умру я или нет.

- Он болен, - сказал им Арабадоика. - Вы не можете убить больного человека. Кроме того, он хороший человек. Он не причинит вам зла.

Они посмотрели на меня. В том, что я болен, не было ни малейших сомнений.

- Ладно, - сказал один из них. - Давайте, отведем его к Абарататуре.

И опять меня взяли под руки и потащили по тропе на холм. На его вершине на открытом месте стояла мотилонская хижина, из нее вышел какой-то мужчина.

- Бросьте его, - сказал он. - Бросьте этого людоеда! Это был Абарататура. Арабадоика встал между мной и им:

- Ты не можешь убить его. Он умирает. Мотилоны никогда не убивают животных или людей, которые вскоре должны умереть естественной смертью. Они верят, что это наведет проклятье на их стрелы, они будут ломаться в полете, и все мотилоны умрут от голода. Это остановило Абарататуру.

- Что ты имеешь в виду, говоря, что он умирает? - спросил он. - Конечно, он умрет, когда я проткну его стрелой.

- И твои люди умрут от голода, - сказал Арабадоика. - Все их стрелы будут прокляты. Этот человек умирает.

Абарататура подошел ко мне. Он не мог не согласиться.

Он сплюнул на землю, с отвращением посмотрел на меня и приказал отнести в гамак. Он не разговаривал со мной. У него был величественный вид, его приказы исполнялись мгновенно.

В этом жилище я лежал две недели и целыми днями спал. Когда же просыпался, то молился о том, чтобы опять заснуть. Боль, казалось, въелась в мои кости.

- Я умираю, - думал я. Я не боялся этого. Это казалось просто любопытным.

- Я умираю. Интересно, на что это похоже. - Эта мысль непрерывно крутилась у меня в голове.

Однажды вечером я проснулся от внезапной суматохи. Дети бегали, женщины кричали.

- Появилась флейта! Людоед съест нас! - Слышал я чей-то крик. Люди стремились выбежать из хижины, наталкиваясь друг на друга, желая спрятаться. Абарататура поднял лук и подошел ко мне.

- Мы убьем людоеда до того, как флейта доберется до него, - сказал он.

Я услышал звук, от которого бежали. По несколько минут, прежде чем я понял, что это был шум винтов вертолета. Что он здесь делает?

Шум стал ближе и сильнее. Абарататура застыл испуганный этим звуком, но все еще намеревался убить меня. Потом он выбежал за дверь. Только Арабадоика остался в хижине. Глаза его расширились, видно было, что и он готов тоже бежать. Он думал, что я предал его.

- Пожалуйста, вынеси меня наружу, - попросил я. Мой голос был едва слышен.

Он не решался сделать это, но потом с большим трудом вытащил меня из гамака, вынес наружу и усадил перед жилищем. Потом убежал в джунгли.

Я увидел вертолет, но не мог поднять руку, чтобы позвать на помощь. Я надеялся только на то, что светлые волосы достаточно удивят пилота, чтобы он спустился и посмотрел поближе.

- Пожалуйста, Господи, заставь его приземлиться, - взмолился я.

Вертолет пролетел над головой, сделав круг, и сел на поляну, сбивая листья и взметая пыль. Оттуда вышел человек и подошел ко мне.

- Ульсон! - сказал он. - Ты ужасно выглядишь, худой как скелет.

Это был доктор Ганс Баумгартнер, которого я встретил вместе с доктором Христианом, годы назад путешествуя вверх по Ориноко.

Я едва смог улыбнуться. Доктор и пилот подняли меня в вертолет и отвезли в больницу в Тибу.

Через четыре дня пребывания в больнице у меня началось внутреннее кровоизлияние. Доктор сказал мне, что если бы я оставался в джунглях еще шесть часов без медицинской помощи, то умер бы.

Меня пришли навестить доктор Баумгартнер с пилотом.

- Ты не можешь себе представить, Ульсон, каково было наше удивление, когда мы тебя увидели. Вертолет принадлежит нефтяной компании. Мануэль - их пилот. В тот день, когда я был там, он стоял без дела, и мы

решили прокатиться. Мы хотели сделать круг над территорией мотилонов и посмотреть, нельзя ли сделать фотографии.

- Парень, - сказал доктор, качая головой, - ты себе вообрази только, мы собрались делать снимки свирепого индейского племени, все еще живущего в каменном веке, а перед жилищем индейцев сидит белокурый американец!

Он засмеялся. Мы все - тоже. Но я знал, что Кто-то подсказал им лететь именно этим путем.

Моим врачом в больнице был Альфредо Ландинез. Мы стали друзьями. Он интересовался мотилонами и даже написал работу о том, как извлекать из раны стрелы мотилонов. Эта работа была представлена в Гарвардской школе тропической медицины.

После нескольких недель пребывания в больнице я спросил доктора Ландинеза, когда смогу вернуться в джунгли.

- Тебя надо лечить еще шесть месяцев, - ответил он. - Твоя печень почти полностью разрушена. А потом нужен еще год, чтобы восстановиться.

- Что?! - переспросил я. - Полтора года, прежде чем я смогу вернуться в джунгли?

Он покачал головой.

- Ты не можешь вернуться в джунгли. Твоя печень повреждена навсегда.

Я посмотрел на руки. Они были цвета апельсина. Мне делали переливания крови, потому что внутреннее кровотечение продолжалось.

- Ты ошибся, - сказал я. - Я вернусь.

- Болтун, - криво улыбнулся он и похлопал меня по плечу. - Продолжай в том же духе.

Через три недели меня выписали из больницы. Доктор Ландинез не мог до конца поверить в то, что я выздоровел.

- Брюс, - сказал он, - не возвращайся в джунгли. Я уже собирался уходить.

- Почему? - спросил я его.

- Ты еще не совсем здоров. Ты можешь снова заболеть, и ты умрешь, потому что там не будет никого, кто бы мог тебе помочь.

Я покачал головой и улыбнулся.

- Говорю тебе, я не собираюсь умирать. Господь исцелит мое тело лучше, чем вы когда-либо сможете.

Он пожал плечами.

- У меня к тебе есть просьба, - сказал я. - Ты знаешь, что я немного разбираюсь в лекарствах. Мне нужны медикаменты для индейцев. О них вообще никто не заботится. Я знаю, что это незаконно, и у меня даже нет денег, чтобы заплатить за них. Но лекарства нужны мотилонам.

Хотя он рисковал своей работой и карьерой, выполняя мою просьбу, он дал мне немного лекарств, принадлежащих нефтяной компании.

Что проку в моей работе, если я не могу помочь людям, - сказал он. - В противном случае, может быть, они никому не понадобятся. Но не рискуй с ними. Раздавай их сам, и будем надеяться, что они будут на пользу.

Через неделю я уже шел в джунгли. У меня был компас, и я знал, куда я направляюсь: прямо к дому Абарататуры. На третий день у меня началось головокружение. Возобновились боли в груди. Моча стала темной. Ночью я забылся сном, чувствуя себя ужасно.

- Отче, - молился я, - Ты привел меня сюда, чтобы я работал с индейцами мотилонами. Теперь у меня есть лекарства, которые могут помочь им. Пожалуйста, Господи, исцели мое тело.

На следующее утро я проснулся, чувствуя себя гораздо лучше. Боль прошла, моча была чистой. Я встал и пошел дальше.

Когда я уже подходил к хижине, на тропе меня встретил Абарататура. Кто-то увидел, что я иду и доложил ему.

Знахарка

Я испугался. Попытается ли он убить меня?

Я пригляделся. У Абарататуры не было с собой никакого оружия.

- Мы думали, ты умер, - сказал он, - и стервятники пожрали твое тело. Но Бог спас тебя.

- Да, - сказал я, - это так.

Я остался в доме Абарататуры. Он понял, что я не собираюсь обманывать ни его, ни его народ. В результате все мотилоны приняли меня. Я дал знать о себе Бобби, и он пришел, чтобы быть со мной.

Мое короткое пребывание в лоне цивилизации убедило меня еще больше, чем когда-либо, что я принадлежу джунглям. Но я принес сюда одно из ее достижений, которое сделало жизнь более спокойной:

ошейник против блох. Их привезли в Колумбию как раз перед тем, как я попал в больницу. Я увидел такой ошейник на собаке и спросил о нем доктора Ландинеза.

- Это противоблошиный ошейник, - сказал он, - последнее изобретение. Если одеть его на собаку, у нее не будет блох целых шесть месяцев.

- Отлично, - сказал я. - Мне как раз такой и нужен. Ландинез был озадачен:

- Что, у вас там собаки в джунглях?

- Нет, - засмеялся я. - Собак там нет, но зато есть блохи!

Я снова засмеялся и не стал ему ничего объяснять. Теперь у меня на шее был такой ошейник, и кожа зудела гораздо меньше.

Мои мысли были заняты лекарствами, которые я принес мотилонам. Они постоянно умирали от болезней, и я знал, что эти лекарства смогут вылечить многих из них. Но у мотилонов была своя система лечения, поэтому они могли не поверить, что моя будет лучше. Несколько раз я предлагал свои лекарства больным, но они отказывались принимать их.

- Оставь это знахарке, - говорили они мне. - Она знает наши обычаи и приемы лечения.

Иногда они выздоравливали. Тогда они проходили мимо меня и улыбались, как будто хотели сказать: "Видишь, мы не такие глупцы, как ты думаешь."

Но когда началась эпидемия конъюнктивита, мне представился подходящий случай, так как острый конъюнктивит легко вылечивается антибиотиками. Заболели почти все мотилоны. Плохо себя чувствуя, они бродили вокруг и терли глаза. Знахарка бормотала заклинания изо дня в день, до двадцати часов в сутки. Она была предана своему племени.

Через неделю стало ясно, что ее заклинания не помогают. Я отправился поговорить с ней. Отдыхая, она лежала на циновке. Лицо знахарки осунулось от усталости.

- У меня есть снадобье под названием терамицин, - сказал я. - Оно излечит болезнь, если его положить людям в глаза.

- Я уже пробовала всякое снадобье, - ответила она. - Они не помогают.

- Но, это другое снадобье, оно поможет. Я видел это много раз.

Казалось, это ее немного заинтересовало.

- Откуда оно у тебя?

- Это одно из тех, что используют лекари моего народа. Ее интерес угас. Она пожала плечами.

- Вы белые. Ваши способы отличаются от наших. Она встала на ноги, повернувшись ко мне спиной и снова начала бормотать заклинания.

Я вышел из хижины и стал думать, как быть дальше. Сам по себе конъюнктивит не опасен, но инфекция может привести к серьезным последствиям. Нужно было вылечить людей, и у меня было лекарство.

Единственное, что я мог сделать - это попытаться убедить кого-нибудь попробовать действие этого лекарства на самом себе. Тогда у меня будет доказательство, что мой способ правильный, а методы знахарки - нет.

Но тогда мне придется вступить в конкуренцию со знахаркой и унижить ее и ее роль в племени, или она избавится от меня.

Я знал, что миссионеры обычно считают знахаря демонической силой и всячески борются с его влиянием. Но в данном случае дело обстояло иначе. Знахарка мотилонов не призывала демонов. Она пыталась помочь своему народу, молясь Богу так, как умела. Мне не хотелось разрушать то, что она делает. Я хотел помочь ей.

Мне пришла в голову одна идея. Я зашагал обратно к жилищу и остановился около мужчины с тяжелым случаем заболевания. Пальцами я протер его глаз и его гноем мазнул по своему глазу.

Через пять дней у меня был ярковыраженный конъюнктивит. Я пошел к знахарке и попросил у нее помощи. Она прочитала надо мной так же, как и над всеми остальными, заклинания.

Естественно, это мне помогло так же мало, как и всем остальным.

Затем я снова пришел к ней. Я сказал, что хочу, чтобы она попыталась положить мне в глаза терамицин в то время, когда она будет петь заклинания. Она заколебалась, но желание попробовать что-нибудь новое взяло верх. Она выдавила немного мази из тюбика, намазала ею мои глаза и пропела молитву, чтобы Бог исцелил меня.

Через три дня мои глаза очистились и я выздоровел. Все остальные все еще были больны. Знахарка продолжала петь заклинания и молитвы.

Я выждал некоторое время, прежде чем пойти к ней снова. Мне не хотелось унижать ее. Вечером я увидел, что она выходит из хижины, ее плечи ссутулились от усталости. Я пошел за ней в темноту и взял ее за руку. Она обернулась.

Я держал в руке тюбик терамицина.

- Почему ты не попробуешь это снадобье? - спросил я. - Ты вылечила мои глаза этим, может быть, оно поможет и твоему народу.

За три дня она вылечила всех. Это подняло ее авторитет в глазах мотилонов. Она гордилась тем, что помогла своему народу заклинаниями и новым снадобьем. Она стала моим хорошим другом, а также посредником для проведения других лечебных мероприятий.

Возможность использовать простые антибиотики с помощью знахарки было огромным шагом на пути к моей цели - помочь мотилонам. Но в грязи вокруг хижин было столько всяких микробов, и эта грязь настолько входила в обычаи мотилонов, что возможность новых заболеваний была просто неизбежной. И конечно же часть из них нельзя излечить теми лекарствами, которые у меня были.

- Какова причина всех этих болезней? - спросил я знахарку. - Кажется, им не будет конца.

Она была поражена моим "невежеством".

- Это злые духи показывают свою силу. Поэтому, мы поем и в нашем пении мы призываем Бога, чтобы он прогнал этих злых духов.

- А почему Он не всегда это делает? - спросил я. Ее лицо погрузстнело, она отвернулась.

- Мы обманули Бога, сказала она низким, печальным голосом.

Я стоял позади нее, удивленный, чувствуя, что за ее словами скрывается что-то, в чем я должен разобраться.

- А как вы обманули Бога?

- Пришел человек, который объявил себя пророком. Он сказал, что может увести нас за горизонт, в землю, где хорошая охота. Его звали Сакамайдоджи. Мы покинули Бога и пошли за ним.

- Когда это случилось? - мягко спросил я. Она замолчала, потом вытянула руку вперед.

- Много, много лет назад. Мы только слышали эту историю. Но мы знаем, что он обманул нас. Теперь мы далеко от Бога.

Позже я пришел к ней и сказал, что хочу показать ей злых духов, которые приводят к болезни и смерти. Взяв свой микроскоп, я положил под стекло кусочек грязи. Затем я попросил ее посмотреть в окуляр.

- Да, я вижу, как они там танцуют, - сказала она и принялась петь свои заклинания.

Потом я положил туда немного дезинфицирующего средства и сказал, чтобы она посмотрела еще раз. Она увидела, что средство убило микробов. Это ее потрясло. Она ведь уже видела, что они не умерли, когда она пела свои заклинания.

Через некоторое время она ввела дезинфицирующие средства в обычные церемонии мотилонов. Например, когда строили новую хижину, должна была проводиться церемония очищения. Все мотилоны, желающие жить в этом доме, собирались вместе, пели заклинания и били по стенам палками, чтобы изгнать злых духов.

По моему предложению знахарка научила их применять дезинфицирующие средства в этих церемониях и люди заметили, что их здоровье значительно улучшилось. Она научила также повивальных бабок использовать дезинфицирующие средства при родах, и детская смертность уменьшилась.

Эти меры распространились и на другие жилища, и я все больше испытывал чувство благодарности доктору Ландинезу за то, что он дал мне эти лекарства. Также улучшилась пища мотилонов с введением сельскохозяйственных культур. Мотилоны добывали себе еду только охотой и сбором диких растений. При помощи Абарататуры я смог показать им, как выращивать кукурузу и разводить скот.

Спустя несколько лет здесь было восемь медицинских пунктов (по одному в каждом жилище), в которых делали уколы, давали антибиотики и другие медикаменты. Их задачей было также следить за тем, чтобы в домах мотилонов не было микробов. Каждый коллектив разработал свою систему ведения сельского хозяйства и, наконец, были открыты школы.

Медицинские пункты, фермы и школы не были введены цивилизованными белыми людьми. Создавали их и работали в них первобытные индейцы мотилоны. Я был здесь, на территории мотилонов, единственным чужестранцем. Мотилоны делали инъекции, правильные лекарства выбирали тоже мотилоны.

Многие считают, что это пример самого быстрого развития первобытного племени в истории. Как это произошло? Как это стало возможным?

Причины здесь две. Первая проста: индейцев никто не заставлял отказываться от собственной культуры и стать похожими на белых людей. Все нововведения были основаны на уже знакомых вещах. Например, вакцинация была введена знахаркой как новая форма традиционного кровопускания, которое мотилоны применяли, когда кто-то был болен. Подобно кровопусканию, вакцинация вызывает боль, которая предотвращает еще большую боль, вызванную болезнью, и даже смерть. Эти объяснения знахарки, которую знали и которой доверяли, мотилоны быстро приняли, и вакцинация распространялась с такой скоростью, с какой доставлялись в жилища вакцина и иголки для инъекций. А так как знахарки видели микробов и поняли их опасность, то начали также выполняться санитарные процедуры.

Сельское хозяйство было не таким новым делом, как медицина, но если бы оно противопоставлялось обычаям и традициям племени, его бы не одобрили. Но так как Абарататура и другие вожди, которые, по обычаям мотилонов, отвечают за то, чтобы у всех людей была пища, поддерживали идею, ее приняли с готовностью и это не сопровождалось расколом общества, что часто случается при экономическом развитии. Никто не восставал против прежнего образа жизни, перемены исходили именно от старейшин.

Но я уже говорил, что было две причины успеха. Второй из них было присутствие Духа Святого. Без Него никакой истинный длительный прогресс не был бы возможен.

Однако создавалось впечатление, что, как и раньше, индейцам мотилонам нет никакого дела до других. Каждый заботился только о себе, своей семье и больше ни о ком. Особенно тяжело было мне это видеть в Бобби.

Я хотел быть уверенным в том, что все мотилоны получают лекарства, которые им нужны, и знают, как ухаживать за растениями, которые посадили. Бобби сопровождал меня в таких "инспекторских поездках". Мы отлично проводили время, ходя тропами, посещая те места, где уже были раньше. Мы вели глубокие беседы о жизни и о том, чего хотим для себя и друг для друга. Бобби надеялся стать главным воином мотилонов, как Абарататура. Мне хотелось помочь мотилонам идти по верному пути. Мы делились друг с другом своими мыслями, вместе охотились, вместе пели. Мы могли понимать друг друга без слов.

Но Бобби не разделял моего беспокойства о других мотилонах. Однажды случилось так, что в двух отдаленных друг от друга жилищах появилось серьезное заболевание. И туда нужно было немедленно доставить лекарства.

- Бобби, - сказал я, - ты пойдешь в Иквиакароору, а я на плоскогорье. Мы встретимся здесь.

Казалось, он обиделся.

- Я хочу идти с тобой, Брушко. Я нахмурился.

- Бобби, нельзя так. Просто нет времени, чтобы вместе сходить и туда, и туда. .

- Тогда давай сходим только в одно место.

В конце концов Бобби пошел один, потому что я приказал ему. По собственной доброй воле он не сделал бы этого. Я этого просто не понимал, и это огорчало меня.

Каждый индеец в этом отношении был как Бобби. Люди в одном жилище могли умереть, потому что в жилище поблизости никто не заботился о том, чтобы принести им лекарство. Могла умереть корова, потому что тот, кто ухаживал за ней, заболел и о ней не заботился, и никому другому это и в голову не пришло. Становилось все труднее и труднее для меня быть повсюду, где нужна была помощь. Бобби подключался, если я просил его, но только ради дружбы со мной.

Я устал. Я прожил с мотилонами уже четыре года. Некоторые из нововведений, привившиеся благодаря мне, приносили свои плоды. Но я должен был постоянно следить за тем, чтобы все привитое мною не угасло. Я начал сомневаться в нужности того, что делаю. Я спрашивал себя: какое мне дело до того, что несколько мотилонов заболеют? Чего стоят их жизни? Они могут вымереть до последнего человека и никто в мире этого не заметит.

- И все же, - как-то подумал я, сидя перед хижинкой, - ответ остался тем же, что и четыре года назад. Значение жизни мотилонов и моего труда не в том, что об этом думают люди. Я помнил, что сказал мне Господь: "Все могут отвергнуть тебя, но Я не отвергну тебя." Это касалось мотилонов. Бог не отвергнет их. Он любит их. Поэтому я и пришел в джунгли, чтобы дать им увидеть и ощутить любовь Божию.

Но я по-прежнему не знал, как это сделать. Я много знал о верованиях мотилонов. Все, что я могу сказать об Иисусе Христе, не имеет для этих индейцев смысла. Для них это тоже будет обычаями белого человека. Это никогда не будет образом жизни мотилонов. А если некоторые из них вверят свои жизни Иисусу? Не окончится ли это, как для индейцев Ориноко, разделением и разрушением их общества? Но они нуждаются в Иисусе. Как я могу привести их к Нему, Истинному, несмотря на мою культуру и индивидуальность?

Это должен сделать Иисус за меня. Нет другого пути. Все, что могу сказать им я, не будет веским, не будет иметь явной силы. Но Иисус может говорить с ними через меня и Он может указать мне подходящее для этого время.

Я склонил голову. Солнце палило мою шею.

- О, Иисус, эти люди нуждаются в Тебе. Откройся им, Господь, помоги мне не стоять на пути, говори с ними их языком, чтобы они увидели Тебя таковым, какой Ты есть. О, Иисус, стань мотилоном.

Иисус — мотилон

Мы шли по тропе три дня и уже приближались к Норе-кайре. Был поздний вечер. Бобби и два других мотилона шли передо мной, их темно-коричневые тела терялись из виду за толстыми лианами и кустами

джунглей. Было чудесное время суток, из-за наступающей темноты зелень джунглей казалась неяркой и бархатистой.

Мы двигались быстро. Через несколько километров будет жилье. Впереди нас я услышал громкие вопли, душераздирающие крики, которые как будто исходили из множества разных ртов. Я никогда не слышал ничего более ужасного. Я ускорил шаг и начал мысленно перебирать лекарства в сумке.

По мере нашего приближения крики становились все отчаянней и отчаянней. Я никогда не слышал, чтобы мотилоны так кричали. От самой сильной боли они даже не стонали. Бобби и другие мотилоны продолжали идти, как будто ничего не происходило.

- Стойте, - сказал я. Они оглянулись.

- Что это за крики? - спросил я. - Наверное, надо посмотреть, не можем ли мы помочь чем-нибудь.

Бобби опустил глаза. Один из мотилонов, знахарь, покачал головой.

- Мы ничем не сможем помочь.

- Но что там происходит?

Никто из трех мне не ответил, они смотрели на меня своими темными, спокойными глазами.

Крики эхом разносились по джунглям, я волновался.

- Ну, посмотрим, - сказал я им. - Может быть, вам нет до этого дела, но мне есть. Я хочу посмотреть, не можем ли мы чем-нибудь помочь. Они снова промолчали.

- Они огорчены, - подумал я, - там случилось что-то такое слишком печальное, что им трудно это перенести.

- Ну, вы можете не ходить со мной, - сказал я, - но я хочу увидеть, что там.

Они стояли неподвижно, я повернулся и сошел с тропы в джунгли, навстречу звукам. Пройдя несколько метров, я услышал шорохи позади меня. Индейцы последовали за мной.

Кричащие оказались ближе, чем я думал. Их было только двое. Одного я хорошо знал. Он был главой дома и лютым воином. Он убил рабочих нефтяной компании только для того, чтобы завладеть их касками, в которых так удобно готовить еду. Он носил ожерелье из пуговиц своих жертв и другое из зубов ягуара, которого убил стрелой. Теперь, стоя перед вырытой им ямой, больше двух метров глубиной, он кричал отчаянным надорванным голосом:

- О Бог, выйди из ямы!

Другой сидел на верхушке высокого дерева. Он засовывал себе в рот листья и крича, пытался жевать их:

- О Бог, приди из-за горизонта!

Это было самое странное зрелище из всех, которые я когда-либо видел. Оно могло бы вызвать смех, но что-то удержало меня от смеха.

Трое спутников подошли ко мне, огорченные и смущенные.

- Ты знал об этом? - спросил я у Бобби. Он кивнул.

- И в чем тут дело?

Он объяснил, что брат человека, кричащего в яму, умер далеко от своего дома. Его укусила ядовитая змея и он скончался прежде, чем его смогли принести домой. По их обычаю, это означало, что его разговорный язык, его дух, его жизнь никогда не уйдут к Богу за горизонт. Теперь этот человек пытается искать Бога, чтобы заставить его вернуть жизнь в тело его брата.

- А почему он думает, что найдет Бога, крича в эту яму?

Бобби пожал плечами.

- Что в яме, что в другом месте, - какая разница?

Безнадежность в его взгляде передалась его словам. Вот зачем Бог сохранил мне жизнь! Я был здесь, чтобы рассказать им, где они могут найти Его. Наверное, это была возможность, предоставленная мне Богом. Тело мое сжалось при мысли, что после пяти лет ожидания у меня появился шанс поделиться вестью о Христе. Однако, все выглядело слишком хорошо, чтобы поверить этому. В душе я молился.

Человек перестал кричать в яму и подошел к нам. Его волосы были всклокочены, тело покрыто грязью. Глаза казались провалами в пустоту.

- Бесполезно, - сказал он. - Мы обмануты.

- Сколько времени вы здесь? - мягко спросил я его.

- С тех пор, как сегодня взошло солнце.

- Почему вы говорите, что вы обмануты?

Он снова рассказал мне историю о ложном пророке, с которым пошли мотилоны, и чьи лживые обещания увели их от Бога.

- У нас больше нет Бога, - тихо сказал он.

Затем остальные попытались рассказать мне легенду мотилонов, которая объясняла, почему смерть его брата имеет такие ужасные последствия. Я совсем не понял ее. Предания мотилонов так же сложны, как и

любая другая теология. Но зато я осознал что-то новое: что они чувствовали себя погибшими. Я снова и снова спрашивал себя, что может дать им Христос. Их образ жизни - всегда в мире друг с другом - был совершеннее, чем у американцев. Но жизнь имеет также другие стороны.

Я вспомнил ночь, когда Иисус вошел в мою жизнь. Это было так много лет назад, просто маленькая точка во времени. И все же это был корень, из которого выросло все, что я имел. Тем самым Бог дал мир моей душе и цель и смысл жизни.

А здесь мотилоны ищут Бога. Но как я смогу объяснить им такие понятия, как милость, жертва, воплощение? Я могу рассказать им простую историю и они поймут. Но как донести до них духовную истину?

Началась оживленная дискуссия. Человек, который сидел на дереве, спустился и присоединился к нам. Он напомнил нам легенду о пророке, который должен прийти, неся стебли банана и Бог должен выйти из этих стеблей.

Я не мог ухватить идею, заложенную в этой легенде.

- Почему вы ждете, что Бог выйдет из стебля банана? - спросил я.

Все замолчали в замешательстве. Для них это было понятно, но они не знали, как объяснить мне. Бобби подошел к банану, который рос поблизости. Он отрубил стебель и бросил его перед нами.

- Вот из такого стебля и выйдет Бог, - сказал он. Это была часть стебля, отрубленная поперек. Она подкатилась к нашим ногам.

Один из мотилонов склонившись ударил ее своим мачете, расколов пополам. Внутри стебля были зачатки листьев, которые еще ждали своего часа, чтобы развиваться и выйти наружу. На отколовшейся половине стебля они начали отделяться друг от друга, и это было похоже на страницы открытой книги.

Внезапно у меня в мозгу промелькнуло слово: "Книга! Книга!"

Я схватил свой мешок и вынул Библию, открыл ее. Перелистывая Библию, я держал ее перед остальными. Я показал на листья банана, затем снова на Библию.

- Вот это, - сказал я, - он есть у меня! Это банановый стебель Бога.

Мотилон, который спустился с дерева, выхватил Библию у меня из рук. Он стал вырывать листы и запихивать себе в рот. Он думал, что если он съест их, то Бог будет внутри его.

Когда ничего не произошло, индейцы стали спрашивать меня. Как я могу объяснить им Слово Божие? Как я объясню им, что Бог в образе Христа был подобен им?

Внезапно я вспомнил одну из их легенд о человеке, ставшем муравьем. Он сидел на тропе после охоты и смотрел на муравьев, строящих себе дом. Он захотел им помочь построить хорошее жилье, как у мотилонов, и стал копать землю. Но так как человек был огромным и незнакомым для муравьев, то они испугались и убежали.

Потом он чудесным образом превратился в муравья. Думал как муравей, выглядел как муравей и говорил на муравьином языке. Он жил с муравьями, и они стали доверять ему.

Однажды он рассказал им, что он не муравей, а мотилон и пытался как-то помочь им построить дом, но только напугал их.

Муравьи спросили его на своем языке:

- Без шуток? Так это был ты? - и стали смеяться над ним, потому что он был не похож на то огромное и страшное существо, которое раньше рыло землю.

Но в этот миг он снова превратился в мотилона и стал строить из земли дом, похожий на его собственный. На этот раз муравьи узнали его и позволили ему делать свою работу, потому что знали, что он не причинит им вреда. Вот поэтому, говорит легенда, муравьиные холмики и похожи на дома мотилонов.

Эта история промелькнула у меня в голове, и я в первый раз понял, чему она может научить нас. Если ты большой и сильный, то должен стать маленьким и слабым, чтобы работать с такими же маленькими и слабыми. Это была точная параллель с тем, что Бог сделал в образе Иисуса.

Но я еще очень многого не знал о логике рассуждений мотилонов. Могу ли я быть уверен, что я смогу передать им правильно эти мысли?

Я не был уверен в этом. Однако, я чувствовал, что Бог дал мне именно это время, чтобы я заговорил. Поэтому, я взял слово "стать как муравей" и использовал его вместо понятия "воплощение".

- Бог воплотился в человеке, - сказал я.

Они открыли рты от удивления. Наступила глубокая, напряженная тишина. Мысль, что Бог стал человеком, ошеломила их.

- Где он ходил? - шепотом спросил знахарь.

У каждого мотилона есть своя тропа. Это является частью его личности. Если вам нужно найти кого-либо, достаточно пойти по его тропе. Бог тоже должен иметь свою тропу. Если хочешь найти Бога, иди по Его тропе. Кровь бешено стучала у меня в висках, сердце колотилось.

- Иисус Христос - это Бог, ставший человеком, - сказал я. - Он может показать вам тропу Божию. Выражение удивления, почти страха, отразилось на их лицах. Человек, который кричал в яму, посмотрел на меня.

- Покажи нам Христа, - сказал он хриплым шепотом. Я лихорадочно искал ответ.

- Ты убил Христа, - сказал я. - Ты уничтожил Бога. Его глаза расширились.

- Я убил Христа? Это я сделал? Как я это сделал? Как можно убить Бога?

Я хотел сказать им, что смерть Иисуса освободила их от бессмысленного существования, от смерти и сил зла.

- Как зло, смерть и обман получили власть над народом мотилонов? - спросил я.

- Через уши, - ответил Бобби, потому язык очень важен для мотилонов. Это сущность жизни. Если злые слова проникают через уши, это означает смерть.

- Вы помните, - спросил я, - как после охоты на кабанов вождь снимает шкуру со зверя и набрасывает ее себе на голову, чтобы закрыть уши и заставить злых духов уйти обратно в джунгли?

Внимательно слушая, они кивнули.

- Иисуса Христа убили, - продолжал я, - но так же, как вы надеваете шкуру на голову вождя, чтобы спрятать его уши, Иисус, когда умер, покрыл своей кровью ваш обман и прячет его от взора Бога.

Я стоял, глядя на них и отчаянно надеясь, что они поймут. Потом по их лицам я увидел, что они поняли.

Я рассказал им, что Иисуса похоронили. Волна горя захлестнула их. Человек, искавший язык своего брата, зарыдал. Я в первый раз видел плачущего мотилона. Мысль, что Бог умер, что они потеряли его, вызвала у индейца слезы и рыдание.

Я поднял свою Библию, раскрыл ее и сказал:

- Библия говорит, что Иисус ожил после смерти и жив сейчас.

Один из мотилонов вырвал Библию у меня из рук и приложил к уху.

- Но, я ничего не слышу, - сказал он. Я взял ее обратно.

- Язык, которым говорит Библия, не меняется, - сказал я. - Это похоже на мои листки бумаги, где я записал вашу речь. Они говорят те же слова изо дня в день. Библия говорит, что Иисус воскрес. Это Божий стебель банана.

Я показал им страницу и объяснил, что эти маленькие черные знаки имеют смысл.

- Ни один из тех, кто умер, не вернулся обратно за всю историю мотилонов, - сказали они.

- Знаю, - ответил я. - Но Иисус вернулся. Это доказательство, что Он действительно Сын Божий.

Они засыпали меня вопросами. Некоторые я не совсем понял. Но я был уверен, что Бог говорил через меня. В эту ночь я молился так:

- Господи, дай действенность Слову Твоему Пусть Оно коснется их сердец.

Я полагался на Божие обетование, что Его Слово не вернется к Нему напрасно.

Казалось все же, что ответа не было. Я продолжал ходить с Бобби по тропам, раздавая лекарства знахарям и показывая, как наиболее эффективно делать их работу. Но однажды вечером Бобби стал спрашивать меня. Мы сидели у костра, отблески которого дрожали на лице Бобби. Он был серьезен.

- Как я могу пойти по тропе Иисуса? - спросил он. - Ни один мотилон никогда не делал этого. Это что-то новое. Ни один мотилон не расскажет, как это сделать.

Я вспомнил, какие трудности приходилось мне преодолевать, когда я был мальчиком, как иногда казалось невозможным продолжать верить в Иисуса, когда моя семья и друзья так препятствовали этому. Теперь через это должен был пройти Бобби.

- Бобби, - сказал я. - Ты помнишь Праздник Стрел, когда я впервые увидел, как все мотилоны собрались вместе, чтобы петь свои песни?

Этот праздник был самой важной церемонией культуры мотилонов. Он кивнул. На мгновение пламя костра взметнулось вверх и я увидел его глаза, пристально глядящие на меня.

- Ты помнишь, как я боялся залезть в высокоподвешенный гамак, чтобы петь вместе со всеми, боялся, что веревка оборвется? И еще сказал тебе: "Я буду петь только в том случае, если у меня одна нога в гамаке, а другая на земле".

- Да, Брушко.

- А помнишь, что ты мне сказал тогда? Он засмеялся.

- Я сказал тебе, что обе ноги должны быть в нем полностью, вот что я сказал.

- Да, - повторил я, - ты должен быть в нем полностью. То же самое следовать за Иисусом, Бобби. Ни один человек тебе не сможет сказать, как пойти по Его тропе. Сможет только Сам Иисус. Чтобы узнать это, ты должен привязать свой гамак к Богу и быть полностью в Нем.

Бобби ничего не ответил. Пламя металось в его глазах. Потом он встал и ушел в темноту.

На следующий день он снова подошел ко мне.

- Брушко, - спросил он, - я хочу попробовать привязать свой гамак к Иисусу Христу. Но как это сделать? Я не могу ни видеть Его, ни дотронуться до Него.

- Но ты разговариваешь с духами, не так ли?

- О, теперь я понял, - сказал он.

На следующий день на его лице играла широкая улыбка.

- Брушко, - сказал он, - я привязал свой гамак к Иисусу. Теперь я говорю на новом языке.

Я не понял, что он имеет в виду.

- Ты выучил испанские слова, которые я говорил? Он рассмеялся чистым мелодичным смехом.

- Нет, Брушко, я говорю на новом языке.

Теперь я понял. Для мотилонов язык был жизнью. Если Бобби начал новую жизнь, у него должен быть другой язык. Его речь должна подходить для общения со Христом.

Мы положили друг другу руки на плечи. Я вспомнил, как я в первый раз познал Иисуса, и ту новую жизнь, которую я переживал тогда. Теперь мой брат Бобби на собственном опыте познал Его, тем же самым путем. Он начал странствовать с Иисусом.

- Иисус Христос воскрес из мертвых, - крикнул Бобби так, что его голос разнесся по джунглям. - Он ходил по нашим тропам! Я встретил Его!

С этого дня наша дружба укрепилась, благодаря нашей общей любви к Иисусу. Мы постоянно говорили о Нем, и Бобби задавал мне много вопросов. Но он никогда не спрашивал о цвете волос Иисуса или были ли у Него голубые глаза. Для Бобби ответы были очевидны: у Иисуса была темная кожа и Его глаза черные. Он носил набедренную повязку и охотился с луком и стрелами.

Иисус был мотилоном.

Ночь тигра

После утренней охоты я лежал в гамаке. Женщины готовили еду и горький дымок костров, смешанный с запахом поджаривающегося мяса обезьян, навевал дремоту. Вскоре наступит время обеда. Я был голоден.

В другом конце хижины началась какая-то суматоха и я привстал, опершись на локоть, чтобы посмотреть, что случилось. Небольшая кучка мужчин и женщин собралась вокруг Абакурианы, молодого стройного воина. Я расслышал несколько слов.

- Тигр... Я не мог шевельнуться, - рассказывал он возбужденно.

Двое мужчин, лежащих в гамаках рядом со мной, поднялись и подошли к нему.

- Эй, Чанти, - позвал я одного из них. - Что случилось?

Он подошел к моему гамаку. Похоже, он был чем-то взволнован.

- Ты не слышал? - хрипло спросил он. - Тигр говорил.

- Какой еще тигр? - в замешательстве спросил я. - Что говорил? О чем ты?

- Тигр говорил! Он говорил! Я покачал головой.

- Чанти, тигры не разговаривают. А если и разговаривают, то какая разница, что они скажут?

- О, когда тигр говорит, будет большая беда. Большая, большая беда! - сказал он, вращая глазами.

- Ладно, спасибо, - сказал я и отпустил его.

Все жилище гудело. Вся работа прекратилась. Те, кто не мог подойти ближе к Абакуриане, стояли около толпы и разговаривали друг с другом или, подойдя к дверям, быстро выглядывали наружу.

Я вылез из гамака. Около одной из дверей стоял вождь. Я отвел его в сторонку.

- Я хочу поговорить с тобой, - сказал я. - Что означают слова "тигр говорит"?

- Это значит, что все мы в большой опасности, - сказал он.

- Но в какой опасности? Что тигр мог сказать, какая опасность угрожает?

- Я иду в джунгли, чтобы поговорить с тигром. Он скажет мне это.

- Но, вождь, - сказал я, - ведь тигры не разговаривают. Это чепуха.

Он посмотрел на меня тяжелым взглядом.

- Слушай, - сказал он. - Ты ничего не знаешь о джунглях. Ты не знаешь, как охотиться, ты не знаешь, что есть. Ты не можешь идти по тропе. Почему ты думаешь, что знаешь что-нибудь о тиграх?

Я не знал, что ответить ему, только смотрел на него с удивлением и тревогой, а он холодно всматривался в джунгли. Затем, с видимым усилием, он расправил плечи и вышел из жилища. Я видел, как он пересек поляну и скрылся между деревьями. Я обернулся. Все в хижине смотрели туда, где он исчез.

Вождя не было до вечера. Все ждали его возвращения, никто не работал. Несколько мужчин пытались делать стрелы, но часто, прерываясь, невидящим взглядом смотрели в пространство. Почти никто не разговаривал. Люди беспокойно ходили по жилищу, их тревога передалась и мне. Я не мог сидеть спокойно.

Что происходит? Я никогда не видел ничего подобного. Казалось, что хижину придавила какая-то невидимая огромная рука.

Когда вождь вернулся, вокруг него сразу сгрудились люди. Он подождал, пока соберутся все. Его лицо было уставшим и осунувшимся, казалось, что он постарел на десять лет.

- Тигр сказал, что сегодня ночью духи выйдут из скал. Они нападут на наш дом и унесут наши жизни. Языки умолкнут. Придет смерть.

В наступившей глубокой тишине вождь дошел до своего гамака и лег в него. Индейцы разбрелись по своим углам.

- Что в конце концов происходит? - думал я. - Откуда пришел этот страх? Что означает то, что тигр говорит и что духи выйдут из скал?

Было очевидно, что происходит что-то ужасное. Обычно эти люди не были суеверными, и я никогда не видел, чтобы они раньше так боялись чего-либо. Индейцы изо дня в день сталкивались с ядовитыми змеями, опасными животными, и я никогда не видел и следов страха. Если они сейчас так боятся, то тут уж действительно кроется что-то ужасное. Но что именно? Как могут они с этим бороться?

Я нашел Бобби около дома. Он смотрел куда-то в пространство, и когда я подошел, лишь мельком взглянул на меня.

- Брушко, можно ли вырвать Иисуса у меня изо рта? - напряженно спросил он, и в его голосе мне послышался страх.

- Бобби, о чем это вы все? Что означает то, что тигр говорит? Что означает то, что духи выйдут из скал?

- Духи выйдут из скал, - сказал он. - Они попытаются убить. Иногда умирает только один, иногда многие. В Окабабуде два месяца назад умерло семеро.

- Как они умерли? - спросил я. - Что их убило?

- Их убили духи, Брушко. Они умерли в гамаках, потому что злые духи унесли их язык.

- Бобби, обязательно кто-нибудь должен умереть?

- Обязательно, - был ответ.

Воздух, казалось, сгустился. Что это означает? Почему я чувствую такое напряжение?

- Можно ли вырвать Иисуса у меня изо рта? - снова спросил Бобби, глядя в джунгли.

Я не знал, что ответить ему. Я никогда раньше не встречался с демоническими силами и сейчас тоже боялся.

- Сможет ли дьявол убить меня сейчас, когда я иду по тропе Иисуса? - продолжал спрашивать Бобби. - Брушко, что мне делать?

- Я не знаю, Бобби, Ты сам должен поговорить с Иисусом. Он единственный, Кто знает ответ на твои вопросы. Он будет говорить с тобой в твоём сердце.

Он постоял, раздумывая, потом пошел в джунгли. Я почувствовал раскаяние. Почему не дал ему совета? Какой же из меня тогда духовный отец?

Но я не мог ничего ему посоветовать.

Я долго ходил по джунглям. Я был не только испуган, но и смущен.

- Тигры не разговаривают, - сказал я Господу. - Что здесь происходит?

Когда я пошел обратно к дому, было уже почти темно. Как только я вышел на поляну, то услышал странные пронзительные вопли и заклинания. Хижина ходила ходуном, как будто бы сама была одержима дьяволом. Заклинания были беспорядочными. Они то усиливались, набирая мощь, то снова ослабевали. Воздух, казалось, был наэлектризован. Я уже опасался войти.

Внутри хижины очаги отбрасывали на стены жуткие багровые отсветы. Я увидел, что хижина действительно качается. Все мужчины раскачивались, лежа в высоко привязанных гамаках, и завывали, чтобы отпугнуть дьявола. Женщины сидели на земле, держа в руках большие камни и стучали ими друг о друга. Их глаза, как и у мужчин, были плотно закрыты.

Где Бобби? Здесь ли он? Внезапно я испугался за него. Он был единственным мотилоном, начавшим идти по пути Иисуса. Поддался ли он этому суеверному страху?

Я посмотрел на его гамак. Бобби был там и раскачивался. Я уже повернулся, чтобы уйти обратно в джунгли. Но что-то удержало меня. Ведь он мой брат.

Я схватился за один из шестов, подпиравших крышу, и стал взбираться вверх, к гамаку Бобби, висевшему в шести метрах от пола. Бамбук сгибался под моим весом и я не был уверен, выдержит ли он меня. Но в тот момент благополучие Бобби было для меня намного важнее.

Понемногу я карабкался вверх. Поднявшись достаточно высоко, я взглянул в лицо Бобби. Его глаза были открыты и на лице сияла широкая улыбка. То, что он пел, отличалось от причитаний других индейцев:

"Иисус в моих устах;

у меня новый язык.

Иисус в моих устах;
никто не отнимет Его у меня.
Я говорю словами Иисуса,
я шагаю тропой Иисуса.
Я принадлежу Иисусу;
Он наполнил мой живот,
я больше не голоден."

Когда я добрался до пальмового шеста, Бобби посмотрел на меня. С ним было все в порядке. Он познал Иисуса и делал то, что мне следовало бы предвидеть. Он изгонял злых духов пением об Иисусе.

Я запел вместе с ним. Всю ночь мы пели. Когда пришел рассвет, оказалось, что никто не умер. На их памяти это был первый случай, когда духи ушли и никого не взяли с собой.

Никто из индейцев ничего не сказал о песне Бобби, но я чувствовал, что другие мотилоны стали больше интересоваться Бобби и его отношением к Иисусу. Внешне этот интерес не проявлялся, это не характерно для мотилонов. Но это было очевидно.

Бобби стал меняться. За месяцы, проведенные с Иисусом, он стал менее гордым. Когда мы заходили в другие хижины, Бобби уже сразу же принимал предлагаемую пищу, вместо того, чтобы заставить себя отказаться от нее, чтобы продемонстрировать свою силу. Такое упорство не делало его слишком популярным среди других мужчин, хотя они и уважали Бобби за это.

Сейчас они стали замечать новое отношение Бобби и удивлялись, чем оно вызвано.

Мне хотелось, чтобы Бобби объяснил им, так как был уверен, что у него получится лучше, чем у меня. Я призывал Бобби поделиться с остальными своим знанием, и расстраивался, видя, что он не делает этого. Происходило ли это из-за того, что остальные мотилоны были ему безразличны? Я не был уверен в этом.

Я пытался втиснуть Бобби в свои рамки и не осознавал этого. Любая новая вещь не имеет настоящего значения для мотилонов, пока она не будет подкреплена официальной церемонией. В своем возбуждении от духовного перевоплощения Бобби я полагал, что достаточно это сделать так, как делается в Северной Америке. Я хотел, чтобы он собрал всех людей и рассказал им об Иисусе или чтобы он собрал своих друзей и объяснил бы им, что теперь значит для него Иисус. Но, слава Богу, он ждал времени, когда сможет сделать все по традициям мотилонов.

Разнеслась молва, что скоро начнется Праздник Стрел. В жилище царил радостное возбуждение. Это единственный праздник, когда мотилоны собираются все вместе.

На празднике заключаются союзы, обмениваются стрелами и устраивают состязания в пении. Мужчины забираются в гамаки и поют так долго, сколько могут выдержать. Содержание песен обычно составляют легенды, предания и последние новости. Часто они поют по двенадцать часов без отдыха, пищи и воды.

Подходило все больше и больше людей. Еды и шума было хоть отбавляй. Старые друзья приветствовали друг друга и обменивались новостями. Люди смотрели на Бобби как-то по-новому. Все уже знали о той ночи, когда духи ушли, никого не забрав с собой. На него смотрели с уважением и некоторым любопытством. Он был женат и поэтому мужчины принимали его как равного.

Старый вождь, которого звали Аджибакбайра, особенно заинтересовался Бобби. Замкнутый вид вождя производил впечатление величественности, но он был очень любопытен и в первый же день праздника вызвал Бобби на песенное состязание. Бобби был польщен и с готовностью принял предложение.

Они оба забрались в гамак, висевший в шести метрах от земли и начали раскачиваться. Бобби запел первым, а Аджибакбайра повторял его слова строчку за строчкой. Другие тоже вызывали друг друга на соревнование и уже пели.

Бобби пел о том, как мотилоны были обмануты и потеряли тропу Бога. Он пел, что раньше индейцы знали Бога, но стали жадными и пошли за фальшивым пророком. Затем он запел об Иисусе. Как только он начал эту песню, все остальные замолчали и стали прислушиваться.

- Иисус Христос воплотился в человека, - пел Бобби. - Он ходил по нашим тропам. Он - Бог, и все же мы можем познать Его.

В хижине наступила глубокая тишина, нарушаемая только пением Бобби и Аджибакбайры, повторявшим за ним. Люди ловили каждое слово.

Однако во мне бушевала духовная война. Я обнаружил, что я ненавижу эту песню. Она казалась такой языческой. Монотонное пение в странном минорном тоне походило на заклинания. Казалось, что эта песня унижала Евангельскую весть.

Но когда я посмотрел на индейцев вокруг себя и на вождя, качающегося в гамаке, то увидел, что они слушают так, как будто от этого зависит их жизнь. Этой песней Бобби доносил до них духовную истину.

Все же мне хотелось бы сделать это по своему, пока я не услышал, как Бобби поет об Иисусе, давшем ему новый язык.

- Разве ты не слышишь истины, которую он передает им? - казалось, спрашивал меня Бог.

- Но, Господи, - отвечал я, - почему же это мне так не нравится?

Я понял, это происходило потому, что я был грешен. Я мог любить образ жизни мотилонов, но что касается духовных вещей, то я думал, что мой способ единственно верный. Но мой способ может быть не был способом Божиим. Господь сказал:

- Я тоже люблю образ жизни мотилонов. Я Сам его создал. И я собираюсь рассказать им о Моем Сыне так, как считаю это нужным.

Я расслабился, позволив себе в конце концов получить истинную радость от песни Бобби. Она продолжалась восемь, десять часов. Внимание не ослабевало. В хижине стало темно. Зажгли очаги. Наконец, через четырнадцать часов они перестали петь и устало спустились на землю.

Аджибакбайра посмотрел на Бобби.

- Ты сообщил мне хорошую весть, - сказал он. - Я тоже хочу привязаться к Иисусу. Я хочу, чтобы его кровь покрыла и мой обман.

Этой ночью в индейцах произошла духовная революция. Ни один не отверг вести об Иисусе. Каждый хотел, чтобы Он взял его за горизонт. В хижине царило ликование. Временами люди успокаивались и собирались вместе небольшими группами, чтобы поговорить друг с другом. Временами эта радость выливалась в стихийное пение. Все затихло только поздно ночью.

Бог произнес Свое Слово. Он говорил на языке мотилонов и в рамках их культуры. Ему не нужно было даже использовать меня.

Ежедневные чудеса

Казалось чудом, что мотилоны на Празднике Стрел приняли Иисуса. Ликование много дней наполняло мое сердце.

Затем я услышал новости с других Праздников Стрел. Слова, которые пропел Бобби, там повторялись и были приняты с радостью. Это было больше того, на что я смел надеяться.

Как только люди стали отзываться на Слово Божие и стали послушны Богу, начали происходить вещи, которые я также назвал чудесами, вещи абсолютно сверхъестественные. Но, у мотилонов понятие о чудесах не совпадало с моим. Некоторые вещи, которые приводили меня в изумление, они принимали как само собой разумеющееся.

Например, медицина. После того, как мотилоны пошли по пути Иисуса, в этой области наступило огромное улучшение. Независимо от того, назначались ли инъекции, мази или таблетки, их применение сопровождалось призывом к Иисусу, чтобы Он исцелил их. Для мотилонов лечение с помощью лекарств было чудом Иисуса. Это было то, что Он делал для них. Их молитвы были частью процесса исцеления.

Иногда это приносило удивительные результаты. Однажды я пришел в одну из хижин, чтобы найти человека, которого неделю назад укусила ядовитая змея. Он уже почти выздоровел.

- Я думал, у вас нет змеиного противоядия, - сказал я. - Где вы его взяли?

- У нас его и не было, - ответил знахарь.

- Но как же тогда вы его вылечили?

- Все, что у нас было, это немного антибиотиков. Мы дали антибиотик и помолились Богу, чтобы Он исцелил его. И как ты видишь, Он сделал это.

Я был поражен. Антибиотики совершенно бесполезны при укусе змеи. Индейца исцелил Бог, а не лекарство. Но не так ли мотилоны говорят и обо всех других случаях исцеления? И есть ли разница в Божиих методах лечения? Используется нужное лекарство или нет, все исцеления во всяком случае производятся Богом.

Но я был рад, что для помощи мотилонам Бог избрал способы, которые давали ощутимые и действенные результаты, хотя бы только для того, чтобы показать мне, что Он действительно изменяет их сердца. Иначе мне было бы невозможно поверить в то, что мотилоны почти полностью приняли Евангельскую весть. Иногда я думал, действительно ли это настоящее обращение, или у мотилонов просто появилась еще одна легенда? И Бог дал мне увидеть значительные изменения в их жизни, чтобы я не сомневался больше в том, что Он работал в них и через них.

Как-то я возвратился из джунглей и узнал, что принесли Атабакдору с поврежденной спиной. Во время охоты на обезьян он упал с дерева. У нас не было оборудования, чтобы помочь ему на месте, так что мы понесли его по тропам. Мы шли три дня, затем поплыли на плоту вниз по реке в больницу в Тибу. Там ему сделали рентгенографию и врач сказал мне, что у него сломана шея. Он должен был лежать абсолютно неподвижно в

течение многих месяцев. Так как я был единственным, кто говорил и по-испански и на языке мотилонов, то был вынужден сказать ему это сам.

Атабакдора лежал в кровати на спине. Под него так подложили валики, что его спина изгибалась посередине. Ему было неудобно. Он жаловался, что сиделки не разрешают ему пошевелиться.

- Доктор только что сказал мне, что ты должен лежать неподвижно три месяца, - сказал я ему. - Если не будешь лежать спокойно, то никогда не выздоровеешь.

- Нет, Брушко, - сказал он. - Я не смогу. Я не смогу столько здесь лежать.

- Атабакдора, тебе придется. Если не будешь лежать, то не выздоровеешь.

Я заставил его пообещать мне, что он выполнит все указания врача, но ему это не понравилось. И я не знал, насколько хватит его обещания. Мы с Бобби обсуждали это, но так ничего и не решили. Атабакдора мог лежать неподвижно неделю, если бы очень постарался. Но три месяца? Невозможно!

- Послушай, Бобби, - сказал я. - Иногда люди, которые знали Иисуса, когда Он ходил по тропам, мазали больного маслом и молились, чтобы он исцелился. Я думаю, что мы можем попробовать сделать это с Атабакдорой.

- И это подействует, Брушко? - спросил Бобби. - Бог исцелит его таким образом?

- Я не знаю, Бобби. Я никогда не пробовал.

Я не очень надеялся, что это действительно поможет, но наверняка знал, что Атабакдора не сможет вылежать в постели три месяца и мысль, что он останется калекой на всю жизнь, была мне невыносима.

Мы взяли немного масла и пошли в палату. Атабакдора страдал. Обезболивание не могло оказать достаточно сильного действия, но все же он улыбнулся нам.

- Мы хотим помолиться за тебя, - сказал я.

Бобби окунул палец в масло, я последовал его примеру. На мгновение мы замешкались, Бобби ждал, что я начну первым.

- Я не знаю, где мазать маслом, - сказал я. - Куда-то на голову, но точно не знаю.

- Давай помажем ему лоб, - сказал Бобби.

Так мы и сделали, потом возложили руки на голову Атабакдоры и Бобби начал молиться.

- Боже, - сказал он. - У Атабакдоры болит спина. Ему нужно выздороветь, чтобы бегать по тропам, охотиться и ловить рыбу со своими братьями мотилонами. Ты можешь облегчить его страдание и исцелить его. Мы хотим, чтобы Ты сделал это, и мы просим Тебя сделать это во имя Иисуса.

Мы сказали еще несколько слов Атабакдоре и ушли.

У меня были дела в Кукуте, поэтому я оставил Атабакдору на попечение Бобби. Дела заняли три дня. Все это время я беспокоился об Атабакдоре. Когда я вернулся, то немедленно поспешил к Бобби. Он был рассержен.

- Атабакдора даже не пытается лежать спокойно, Брушко, - сказал он мне. - Он говорит, что ему неудобно лежать на спине и он не хочет лежать ровно.

Мы пошли в больницу навестить его. Кровать была пуста. Я встревожился. Может быть, он повредил себе, крутясь на кровати и теперь его повезли на операцию?

И тут в комнату вошел Атабакдора. Когда он нас увидел, его лицо приняло виноватое выражение, как у ребенка, застигнутого за кражей печенья. Быстро и без слов он залез в кровать и сделал вид, что лежит, как надо, спиной на валиках. Как только он замер, в палату ворвалась раскрасневшаяся сиделка, она была буквально вне себя. Указывая на Атабакдору и брызгая слюной, она выговорила мне за то, что я разрешаю ему вставать. Атабакдора лежал совершенно неподвижно, на его лице сияла блаженная улыбка. Когда в конце концов сиделка ушла, угрожая ему всеми муками ада, он ухмыльнулся.

Теперь была моя очередь.

- Атабакдора, ты не хочешь выздороветь? Если не будешь лежать спокойно, то никогда снова не сможешь охотиться.

Он надул губы.

- Брушко, - вмешался Бобби. - Если у него не болит спина, зачем ему лежать?

Об этом я и не подумал. Я нашел врача и попросил его еще раз сделать Атабакдоре рентген позвоночника. Он не хотел, но я сумел уговорить его.

- Ладно, - сказал он. - Если это тебя утешит, так уж и быть.

На следующий день врач подошел ко мне с озадаченным видом.

- Слушай, это тот же самый индеец, которого ты привел?

- Конечно, - сказал я. - Ты что думаешь, мы в шашки играем твоими пациентами?

- Но если это тот же человек, то с его спиной все в порядке. Это поразительно. Никакого следа, даже трещинки толщиной в волосок не осталось. Это похоже на чудо.

- Парень, - сказал он, - я хочу уточнить, что это было за лечение. Никогда не думал, что наши методы настолько эффективны.

Я засмеялся.

- А ты не думаешь, что тут было нечто иное, чем просто медицина?

- Что именно? - спросил он.

- Бог.

Он ушел, качая головой.

Меня охватила бурная радость. Я нашел Бобби и рассказал ему, что произошло.

- Бобби, ты понимаешь, что это чудо?

Бобби не разделял моего восторга. Для него это была обычная боль в спине, которую Бог исцелил. У многих людей болит спина, они лежат в своих гамаках целый день, потом встают и занимаются своими делами. А тут боль была просто немного сильнее, чем обычно.

- Но, Бобби, - сказал я, - рентген показал, что у него сломаны шейные позвонки.

- А что такое рентген?

- Я не могу объяснить это, Бобби. Но дело в том, что это Бог исцелил Атабакдору.

- Но, Брушко, что же в этом такого удивительного? Мы видели так много людей, исцеленных таким же образом, что удивляться уже не стоит.

В 1967 году, примерно через год после того, как первые мотилоны стали христианами, Арабадоика и небольшая группа мужчин пришли поговорить со мной. Они решили рассказать индейцам юко об Иисусе. У меня такое желание уже было раньше, и тогда я отправился в деревню юко, где в прошлый раз провел около года.

Прошло не более часа, как я пришел в деревню, и я понял, что-то изменилось. Вскоре я осознал, что именно. Одна из женщин, которой я пытался рассказать об Иисусе, когда я был там первый раз, увидела видение. В результате большинство людей в деревне приняли Иисуса. Они отказались от чича, напитка, которым до этого так часто напивались, и жизнь в поселении стала идти по другому. Вместо того, чтобы рассказывать юко об Иисусе, что я намеревался сделать, я сидел и слушал, как о Нем мне рассказывали сами юко.

Однако, когда я услышал, что мотилоны хотят рассказать юко об Иисусе, то удивился. Эти два племени были злейшими врагами в течение долгого времени. У юко была игра, которой они часто забавлялись: заплетали длинные десятисантиметровые шипы и подкладывали их на пути мотилонов, затем прятались в зарослях и ждали. Когда по тропе бежал мотилон, он наступал на шипы. Юко смеялись над его страданиями и убегали. А теперь мотилоны хотят рассказать юко об Иисусе. В то время они не знали, что бывают языки, не похожие на язык мотилонов. Думали, что юко говорят так же, как они. Но их языки были совершенно различными. Я был уверен, что они не смогут ничего рассказать юко об Иисусе.

Но я не пытался их удерживать. Я предложил, чтобы они пошли в долину, где племена не слышали об Иисусе. Через несколько дней мотилоны ушли. Я молил Бога, чтобы неспособность к общению с другими племенами не разрушила их надежды, чтобы Господь утешил их в разочаровании.

Их не было несколько недель. Когда они вернулись, я пошел навестить Арабадоику. Мне было интересно узнать, что там было.

- Ну, как все прошло? - спросил я.

Он мастерил стрелы, со знакомой кривой усмешкой поглядывая на меня.

- Отлично, сказал он. - Они еще ничего не знали об Иисусе.

- Они поняли?

- Да, мы очень много рассказали им об Иисусе.

- Вы говорили с ними?

- Конечно. - Арабадоика был слегка обеспокоен моим удивлением. - А как бы ты им это рассказал?

- О... так же. Но, откуда вы узнали, что они понимают вас?

Казалось, он был сбит с толку.

- Но, они сказали нам, что поняли. Они были очень рады услышать это, Брушко.

- Ты имеешь в виду, что открыл рот и заговорил юко и они поняли тебя и заговорили с тобой, и ты понял их?

- Да, конечно.

Язык юко не является диалектом языка мотилонов. Это абсолютно разные языки. Нельзя понимать один, зная другой. Но, тем не менее, я был уверен, что Арабадоика и другие меня не обманывают. Ложь неизвестна мотилонам. И у них не было причин меня обманывать. И значит, в долине юко теперь есть христиане, которых там раньше не было.

Я мог только констатировать факт, что Дух Святой заставил мотилонов говорить с юко и понимать их. Для меня это было чудом. Но для мотилонов чудом было все, что делал Бог.

Вместе с мотилонами я научился, независимо от обстоятельств, ждать от Бога всего, в чем мы нуждались. Однажды, когда мы боролись с эпидемией кори, у меня кончились лекарства. Для индейцев корь - одна из самых страшных болезней, а без антибиотиков я был беспомощен. Было уже десять случаев заболевания, и оно быстро распространялось.

Но я был уверен, что Господь каким-либо образом даст нам лекарства. Я никогда не сомневался в этом, хотя у меня не было ни счета в банке, ни кредита.

Я пошел в Тибу в уверенности, что там для меня должны быть деньги. Я перерыл всю почту на свое имя. Там не было ни цента.

Я все же надеялся, что Господь поможет мне справиться с этой проблемой. Он уже помогал мне в подобных обстоятельствах, и Его Дух придет мне на помощь и здесь.

Я пошел в Кукуту, открыл свой почтовый ящик и обнаружил перевод на пятьсот долларов.

Это не удивило меня. Я только сказал:

- Слава Богу, а вот и они!

Я получил наличные и приобрел необходимые лекарства. Счет за них был на пятьсот шестьдесят пять долларов.

- Здесь у меня только пятьсот долларов, но если вы сможете подождать, я потом заплачу остальное, - сказал я клерку. Он согласился, партия лекарств была большой, и он не хотел, чтобы от нее отказались.

Перед тем, как покинуть Кукуту, я снова проверил свой ящик на почте. Там оказался перевод на сто долларов. Я заплатил то, что был должен, и у меня еще остались деньги, чтобы купить еды и некоторые необходимые в джунглях вещи. Затем я вернулся в Тибу и оттуда пошел в джунгли. Лекарств было достаточно, чтобы остановить эпидемию и справиться с осложнениями.

Однако, самым большим чудом была перемена в жизни мотилонов. Они обрели в Иисусе Христе смысл жизни. В результате они покончили с разобщенностью, которая мешала им помогать друг другу. Теперь здесь царил дух настоящей заботы о других, истинного самопожертвования. Это сделало возможным экономическое развитие, так же как и развитие духовное. Без этого все планы рушились. С Ним все проблемы разрешались.

Я выступал в ООН, выступал перед правительством Соединенных Штатов. Я был личным другом последних четырех президентов Колумбии. Опыт с индейцами мотилонами научил меня, как надо обращаться с другими культурами; как содействовать распространению позитивных изменений, не разрушая социальной структуры. Я хотел поделиться своим опытом со всеми. Но наиболее важное, что я могу сказать тем, кто хочет помочь первобытным племенам: невозможно добиться ощутимых успехов, если эти племена не обретут смысл жизни через Иисуса Христа. Без Него любое развитие всегда будет неестественным и искаженным. Оно озлобит тех, кто пытается скрепить все воедино, а тех, кто не заботится об этом, погубят апатия и отчуждение.

Но с Иисусом могут быть реальные изменения. Не только духовные. И не только временные. Реальные изменения, очевидные для всех. Он - источник всех перемен. Он - Бог ежедневных чудес.

Как Давид и Ионафан

Джордж Камибокбайра встретил меня перед жильем и отвел в сторонку.

- Тебе лучше сейчас пойти прямо к Бобби, - сказал он. - Его дочь очень больна, и они отвезли ее в больницу в Тибу.

Я зашел в дом и увидел Бобби, сидящего на циновке и смотрящего вниз. Лицо его было печальным. Я положил руку ему на плечо. Он взглянул вверх и снова опустил голову.

- Я слышал, твоя дочь больна, - сказал я. Он кивнул.

- Мы отнесли ее в Тибу три дня назад.

- Почему ты вернулся сюда?

- Мне надо ухаживать за женой. Ты же знаешь, она ждет ребенка. И тут у меня есть дела, надо приносить еду и нести вещи на продажу. А какая польза от меня в Тибу?

- И все-таки, - сказал я, слегка улыбаясь, - непохоже, чтобы здесь от тебя было много пользы.

Он снова посмотрел на меня. Лицо Бобби выглядело усталым и постаревшим.

- Ты прав, - сказал он. - Я не могу не думать о ней. Он встал. Я взглянул на Атакадару его жену. Она стояла и озабоченно смотрела на Бобби. От беременности ее живот увеличился, но тонкое лицо и большие темные глаза говорили о ее красоте. Она любила Бобби. Несмотря на то, что ее дочь была больна и находилась вдали от нее, в больнице, она больше беспокоилась за Бобби. Я опять взглянул на Бобби.

- Давай вместе помолимся о твоей дочери, - сказал я. - Потом я пойду в Тибу и узнаю, не смогу ли чем-нибудь быть полезным. А ты останься здесь и заботься об Атакадаре.

Через четыре дня я стоял около кровати девочки. Казалось, из ее тельца выпустили весь воздух. Кожа обвисла на костях, ее глаза покрылись тонкой пленкой.

Врач стоял около меня.

- Чем она болеет? - спросил я.

Это был молодой парень, только что из медицинской школы.

- Мы не знаем, - ответил он. - Это может быть сочетанием нескольких болезней. Я не знаю, сможем ли мы что-нибудь сделать для нее.

Холод охватил меня всего, вплоть до кончиков пальцев.

- Вы имеете в виду, что она умрет?

Я шел из больницы и вспоминал, как Бобби подсаживал ее в мой гамак, я сажал ее на свой живот и пел ей песни, а она улыбалась и гугукала.

Я помнил, как Бобби женился на Атакадаре. Это было после того, как он познал Христа. Атакадара была самой красивой и умной девушкой в доме. Бобби через своего друга сообщил ей, что она ему нравится. Они краснели каждый раз, когда видели друг друга. Атакадара была безумно влюблена в Бобби. Он был красивым, стройным молодым воином, можно сказать первым парнем племени.

Однажды она привязала свой гамак около гамака Бобби, и они поженились. Ее отец был в гневе. Ему не нужен был зять. Он хотел, чтобы дочь оставалась в семье. Но она не послушалась.

Я смеялся, вспоминая о своих чувствах. Я боялся, что брак Бобби прервет нашу дружбу и мы никогда не будем так близки, как раньше. Но случилось как раз наоборот. Я и Атакадара стали братом и сестрой, и когда родилась их первая дочь, по обычаю мотилонов я стал ее вторым отцом. Мы стали семьей.

Бобби был неясным отцом и примерным мужем. Для мужчин мотилонов не в обычае всем делиться со своей женой, но Бобби и Атакадара с самого начала их брака были очень близки друг другу. Еще до Праздника Стрел Бобби рассказывал ей о Христе, и Атакадара приняла Его. Они были не просто мужем и женой, они были друзьями. Часто они забирались в один гамак и разговаривали часами. До поздней ночи можно было слышать их шепот.

Теперь же их маленькая дочка была при смерти. Но Бог должен исцелить ее! Она слишком много значила для Бобби и Атакадары.

На следующий день, когда врач сказал мне, что ночью она умерла, это был как удар по голове.

Я должен был сказать об этом Бобби. Когда он услышал это, его лицо побледнело. Не сказав ни слова, он ушел в джунгли и не возвращался до ночи. И даже когда вернулся, то ничего не сказал и не выразил никакого знака привязанности ни к Атакадаре, ни ко мне.

Через два дня Атакадара родила девочку, но Бобби едва удостоил ее взглядом. Каждый день он долго ходил по джунглям. Когда он возвращался, он не хотел говорить, где он был. Если я заговаривал с ним, то он обычно ничего не отвечал.

Это было его первым серьезным испытанием как христианина, и оно было тяжелым. Бобби ничем не проявлял своей любви ни к Атакадаре, ни к своему новорожденному ребенку. Мы молились за него, но две долгие недели им владело только тяжкое горе.

Затем он начал замечать свою новорожденную дочь. Я взял ее и положил ему на руки. Бобби держал ее и укачивал. Через неделю он носил ее повсюду и они с Атакадарой стали ближе друг ко другу, чем когда-либо. Все замечали их близость. Тесть Бобби, который по-прежнему сердился на них за этот брак, начал есть вместе с ними. Он понял, что ошибался. Позже он сам принял Христа, главным образом из-за того, что его дочь нашла в браке свое счастье.

Семья Бобби росла. Еще через год он обзавелся первым сыном и был очень счастлив. Но он не замкнулся на семье. Я думал, что все свое время он будет посвящать им, а не остальным мотилонам. Но случилось обратное: его любовь к семье, казалось, била через край и изливалась на всех - он более, чем когда-либо, беспокоился о других.

В один из походов к плоскогорью, мы встретили восьмилетнего мальчика по имени Одо. Вся его семья умерла во время эпидемии, у него не было никого, и он постепенно превращался в малолетнего преступника. Он ходил от хижины к хижине в поисках еды, но его нигде не признавали за своего.

Одо не был хорошим мальчиком. Он как должное принимал, что его кормят, заботятся о нем, и если кто-то помогал ему, не был благодарен. Одо часто причинял неприятности и попадал в беду.

Мы с Бобби заметили его, но так как мы только шли мимо того места, я не обратил на него особого внимания. А вот Бобби обратил. Он сказал мне, что возьмет Одо с собой, когда мы будем уходить.

- Зачем, Бобби? Он будет мешать нам.

- Ему нужен кто-нибудь, - сказал Бобби. - Может быть, если он пойдет с нами, он нам поможет, а мы сможем ему помочь.

Когда мы предложили Одо идти с нами, он с подозрением спросил:

- Почему вы хотите, чтобы я шел с вами? Бобби проигнорировал его подозрительность.

- Нам нужна помощь. Нам предстоит большая работа, и ее слишком много для нас двоих. Ты сообразительный, это сразу видно, поэтому мы думаем, что ты быстро во всем разберешься.

Одо осмотрел нас со всех сторон, пытаясь понять, что нам от него нужно. В конце концов он кивнул:

- Ладно.

Сначала было нелегко выносить его выходки. Терпение Бобби меня изумляло. Он, казалось, не сердился и не был огорчен. Через несколько недель я начал замечать перемену в поведении Одо. Он постоянно находился рядом с Бобби. Вместо того, чтобы мешать нам, он фактически стал помощником.

Когда мы вернулись домой, Одо пришел с нами и стал членом семьи Бобби. Раньше он всегда ходил грязным, сейчас начал мыться, хотя Бобби ни слова об этом ему не сказал. Через несколько месяцев люди начали обращать на него внимание, но не из-за его плохого поведения, а из-за недетской серьезности. Подражая Бобби, он стал заботиться о других.

Это время было самым спокойным и приятным периодом моей жизни. Мы с Бобби постоянно были вместе. У нас не было тайн друг от друга. Я видел, что он становится выдающимся молодым вождем своего племени. Я никогда не говорил ему, что он должен делать. Когда он приходил ко мне за советом, я отвечал, что он должен все решить для себя сам. Другие юноши, которые хотели познать Христа и беспокоились о других, начали работать вместе с нами. Развивалась система руководства. Радостно было видеть успехи в работе. Урожай созревал, больные выздоравливали и все больше мотилонов обращалось ко Христу.

Но лучше всего было время, проведенное с Бобби. Библия говорит о Давиде, что его любовь к Ионафану была сильнее любви к любой из женщин. Я никогда не мог понять этого. Но, идеальная братская любовь действительно существует. Моя любовь к Бобби росла, и я хотел как можно больше проводить время с ним и его семьей, вместе наслаждаться тем, что дал нам Бог.

Наверное, самое лучшее время было после ужина. Мы сидели вокруг очага или лежали в гамаках, Бобби и Атакадара - тесно прижавшись друг ко другу, мы с Одо рядом с ними, а дети Бобби переходили от одного к другому со смехом и радостью. Мы пели песни мотилонов и говорили о том, что случилось за день. Если еда была сытной, мы гладили себя по животам, и я мог подойти к Бобби и похлопать его по животу и смеялся. Мы шутили, рассказывали старые легенды мотилонов и всегда говорили об Иисусе и о том, что Он делал, когда ходил по тропам мотилонов в облике человека. Иногда я вынимал свою Библию и пересказывал отрывки из нее. Шло время, гасли очаги, воздух становился неподвижным и начинался ночной дождь. Постепенно, один за другим, мы засыпали.

Как-то Бобби спросил меня, не можем ли мы сделать Библию такой, чтобы мотилоны смогли сами понимать ее. Они хотели знать больше об Иисусе. До этого я проводил много времени, рассказывая индейцам о Нем и отвечая на их вопросы. Я понимал, что не смогу самостоятельно перевести Библию на их язык, потому что до сих пор не знал его в совершенстве, как не знал и всех легенд мотилонов. Но с помощью Бобби это было возможно, потому что в нашем общении, что касается понимания друг друга, не существовало никаких барьеров.

Мы начали переводить Евангелие от Марка. Учиться говорить на каком-либо языке - это одно, и совсем другое переводить на этот язык целую книгу, такую как Евангелие.

Во время поездок за пределами джунглей я приобрел книги по лингвистике и переводу и встретил одного молодого человека из Корскаса, который заинтересовался использованием компьютера для облегчения работы по переводу текстов. Так как я очень долгое время интересовался лингвистикой, то было очень интересно заняться всем этим делом.

Однако наиболее интересной частью работы был сам перевод, который я делал вместе с Бобби. Когда мы уже создали письменный язык мотилонов, то по-прежнему оставались проблемы, чтобы сделать фразы из Библии легко понятными. И в этом мне помог Бобби.

Как вы объясните первобытному племени такое понятие, как например, милость, если в их языке отсутствует такое слово? Иногда я пытался приспособить идеи христианства к культуре мотилонов. В этом плане успешным был перевод слова "вера", которое я сравнил с привязыванием гамака ко Христу, и слова "воплощение", которое я связал с легендой об одном мотилоне, ставшим муравьем. Если моя попытка была удачной, Бобби говорил мне об этом. Если же это было не так, то он поправлял меня:

- Нет, это неправильно, Брушко. Иисус не может быть таким, - и я начинал сначала.

Он объяснял мне те аспекты культуры мотилонов, которые я не понимал до конца. Так, например, имена мотилонов всегда имеют какое-то значение. У них нет таких имен, как Кент или Ким, которые только имена и

ничего более. И в Библии персонажи должны были получить имена, имеющие смысл. Авраам стал "Человеком, который познал Бога", Иоанн Креститель - "Предвестником" и "Обитателем джунглей", а Иисус "Единородным Сыном Божиим, который с нами". Если какому-либо персонажу нужно было дать имя, мы могли часами сидеть около очага и обсуждать, какое подойдет ему больше всего. Часто к нам присоединялись и другие мотилоны и пытались помочь нам.

Некоторые притчи не подходили к культуре мотилонов. Например, притча о человеке, построившем свой дом на скале, чтобы он был прочным. Когда Бобби услышал ее, то предложил убрать.

- Это неправильно, Брушко. Прочный дом должен строиться на песке. Иначе жерди не войдут достаточно глубоко, и дом упадет.

И мы изменили эту притчу. В конце концов, Иисус использовал ее, чтобы сделать ясными свои слова для слушателей. Разве не хотел бы Он, чтобы мотилоны тоже Его поняли?

Мы оба гордились, когда перевод был завершен. Однако наша работа только началась. Я был единственным, кто мог прочесть его. Бобби начал учить несколько детей.

Мы собирали их каждый вечер около хижины, в джунглях, где было прохладнее.

Но старики начали ворчать. Примерно через месяц после того, как мы начали обучение, Бобби сказал, что занятия нужно прекратить.

Я был поражен.

- Почему? Мы же только начали, - сказал я.

- Из-за старейшин. Они думают, что неправильно учить детей тому, чего не знают старшие. На секунду я разозлился.

- Мы должны прекратить учить их Слову Божию только из-за нескольких завистливых стариков? - резко спросил я.

Бобби ничего не ответил, только его лицо приняло грустное выражение.

Я готов был застрелить себя за то, что так сказал. Это было не мое Евангелие. Это было Евангелие мотилонов. Не стоило из-за нововведений разрушать их уклад общественной жизни.

Мы перестали обучать детей и спросили старших, хотят ли они сами начать учиться. Между ними разгорелось соревнование. Они не могли, как дети, схватывать новое на лету, но старались изо всех сил.

Примерно через месяц они были уже достаточно удовлетворены, чтобы разрешить детям учиться тоже. Вместо обычного конфликта поколений, что происходит повсеместно, старшие, мужчины и женщины, делились своим новым знанием со своими детьми. Это помогло еще большему сплочению племени, вместо того, чтобы разрушить его.

Вскоре часть мотилонов умели читать и писать. Они отбарабанивали Евангелие от Марка, как пулеметы, четкие слоги языка мотилонов слетали с их губ так быстро, как только они могли говорить. Но они не понимали того, о чем говорили.

И тогда один старый вождь предложил условие. Оно было принято и теперь соблюдается всегда, какие бы тексты ни заучивались. Каждый раз, когда кто-нибудь читает стих, другой задает ему вопрос по нему.

Например, какой-нибудь мотилон читает: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб..." Другой мотилон спрашивает:

- Кто возлюбил мир?

Если первый не может ответить, то читает еще раз, пытаясь понять. Когда он поймет, то спросит себя:

- А как это отражается на моей жизни?

Работа продвигалась. Но я снова не находил себе места. На сколько еще Господь оставит меня здесь?

Глория

В течение первых пяти-шести лет моего пребывания у мотилонов я был почти не связан с внешним миром. Однако, работая вместе с Бобби над переводом Евангелия от Марка, я купил транзистор и принес его в хижину мотилонов. Несколько вечеров подряд я лежал без сна, слушая передачи о вещах, которые здесь казались почти нереальными. Я помнил, как выглядит этот мир, но он казался очень далеким.

Однажды вечером я лежал в гамаке, около меня лежали луки и стрелы для охоты за завтрашним обедом, и слушал радиопередачу о первом человеке, ступившем на луну. Какая-то моя часть хотела вернуться в тот мир, где вместо пантер и диких кабанов - машины и самолеты. Но в то же самое время я был на удивление доволен собой, как будто бы у меня была какая-то тайна, которую не знал остальной мир, тайное место, в которое никому, кроме меня, не позволялось войти.

Когда я впервые вернулся в большой мир, немногие люди поверили, что я жил у мотилонов. Тем не менее некоторые газетчики узнали об этом и в следующий раз, когда я оказался в цивилизованном мире, меня разыскивали несколько репортеров и забросали вопросами о моей работе с мотилонами. Их репортажи

привлекли внимание общественности. Вскоре после этого мотилоны стали героями Колумбии. Несколько мужчин племени сопровождали меня в походах за продовольствием и один из них, Аксдукатсиара, был назван в Колумбии "человеком года". До этого в статьях о мотилонах всячески подчеркивался тот факт, что они убили рабочих нефтяной компании. Однако, постепенно газетчики начали осознавать, что мотилоны просто пытались защитить свою землю от людей, которые хотят украсть ее и разрушить уклад их жизни. Общественное мнение переменялось и, как это обычно бывает, гнев обрушился на всех людей, селящихся на этих землях. Различие не делалось между теми, кто интересовался только земледелием, и теми, кто действительно посягал на земли мотилонов.

Поселенцы платили тем же, называя меня мошенником. В это время я был в джунглях и когда я снова пришел, чтобы получить медикаменты, заголовки газет кричали о том, что я эксплуатирую индейцев, заставляя их добывать золото и алмазы. Я рассмеялся, представив себя, небрежно развалившимся в ротанговом кресле с высокой спинкой, одетым в белый костюм, панаму и потягивающим виски, в то время, как мотилоны прислуживали мне.

Я поговорил с доктором Ландинезом об этом.

- Что мне делать? - спросил я его.

- А ничего не делай, - ответил он. - Это совершенно естественно, что сейчас будет много разговоров. Мотилоны - необыкновенный народ, и никто не сможет доказать или опровергнуть что-либо сказанное о них. Делай, что делаешь, будь честен с индейцами, и пусть каждый думает, что хочет. Если ты будешь беспокоиться о том, что о тебе думают люди, у тебя не останется времени ни на что другое.

И я ушел обратно в джунгли. Мотилоны продолжали интересовать общественность, но так как возможности что-либо о них узнать не было, обвинения заглохли.

После этого, в 1970 году, правительственная комиссия на вертолете вылетела на территорию мотилонов, чтобы уладить пограничный конфликт между Колумбией и Венесуэлой. Они были удивлены, обнаружив в одной из хижин мотилонов медицинский пункт и школу, в которых работали сами мотилоны. Сообщения в газетах ни о чем подобном не упоминали. Члены комиссии попытались расспросить индейцев, которые там работали, кто является ответственным за эту работу. Это было трудной задачей, так как языка мотилонов они не знали. Естественно, мотилоны ответили:

- Брушко.

Это доказывало, что я мошенник. Истинным благодетелем мотилонов, писали газеты, был некто по имени Брушко.

Несколько месяцев спустя на вертолете прилетела другая комиссия. К счастью, там оказался мотилон, немного знающий испанский.

- Мы хотим видеть Зьясона, - сказал председатель комиссии.

- Мы не знаем Хльсона, - ответил мотилон на плохом испанском.

Председатель был удивлен:

- Хльсон здесь не живет?

- Нет, - сказал индеец, качая головой, - здесь живут мотилоны.

- Хльсон, такой высокий, светловолосый парень?

- А, Брушко!

С этого времени все отзывы о нас в прессе были благожелательными. Однако, благожелательными отзывами не вылечишь больных. Ими не накормишь голодных. Они не гарантировали, что никто не попытается выкинуть вас из вашего дома. Все, что они гарантировали - это враждебное отношение к нам многих поселенцев.

Примерно в то же время из мест заключения в Колумбии был совершен большой побег. Многие преступники скрылись в диких джунглях вблизи земель мотилонов, потому что там их было невозможно найти. Они начали заниматься земледелием, но в мотилонах видели они постоянную угрозу, как владению землей, так и своей свободе, так как мотилоны охотно сотрудничали с правительством Колумбии.

Вражда росла, хотя многие из этих преступников получали от мотилонов медицинскую помощь. Настоящие колонисты расходились во мнениях. С одной стороны, бандитов они не любили. Но с другой - их возмущало, что газеты их самих выставили как злодеев, оккупирующих эти земли. А ведь то, что они хотели обосноваться на землях мотилонов, было правдой. Очень часто их симпатии были на стороне преступников. Враждебность проявлялась все более открыто.

Также угрозой для мотилонов был контакт с внешним миром, послуживший причиной полного разрушения уклада жизни многих первобытных племен. И с этой угрозой им еще предстояло столкнуться. Я мог только молиться о том, что, когда настанет такое время, они будут тверды во Христе и смогут противостоять каждому, кто попытается изменить их традиции.

Для меня самого контакт с внешним миром дал по крайней мере одну драгоценность - Глорию. Ее брат, лейтенант колумбийской армии, заведовал военным аванпостом в Тибу. Этот рослый парень интересовался джунглями, хотя никогда там не был. Он собирался, когда получит отпуск, как можно дальше забраться в джунгли. Я несколько раз встречался с ним в Тибу и пытался его отговорить. Ему казалось, что джунгли - это что-то вроде прекрасного парка, куда можно поехать на пикник. Очень трудно было убедить его в обратном. Я встретил Глорию в 1965 году после одного особенно тяжелого похода в Тибу. Я спешил забрать лекарства для мотилонов, и даже не останавливался, чтобы добыть себе пищу. На всем пути мне не попало ничего съестного, и я просто продолжал идти дальше. Воды у меня тоже почти не было.

Это было ошибкой. Я стал слабеть. На третий вечер я был так истощен, что пришлось сделать привал рано. Я знал, что мне нужно поесть, но был не в состоянии даже встать, чтобы поискать что-нибудь. Я погрузился в тревожный сон.

Мне снились джунгли. Они были прекрасны, зелены и полны бабочек. Одна из них залетела мне в рот и прилипла там, потому что крылышки ее намокли. Я чувствовал, как она трепещет крылышками, пытаюсь вырваться, и наполовину проснулся. Меня шатало.

- У меня во рту бабочка. Как странно, - думал я. - Надо вытащить ее оттуда.

Я засунул пальцы в рот и действительно нащупал что-то. Стал вытягивать это и чем больше тянул, тем больше его выходило наружу.

Тут я окончательно проснулся. Я чувствовал, как в горле у меня что-то извивается. Когда я вытянул это полностью и увидел, что это, мне стало плохо.

Это был кишечный червь-паразит, длиной около 75 см. Он настолько проголодался, что стал выползать наружу через горло, ища пищу.

Из этого случая я сделал вывод, что в пути необходимо чем-нибудь питаться, хотя бы для того, чтобы паразиты остались довольны.

На следующий день я выбрал время для охоты, чтобы добыть пищу, и через несколько дней пришел в Тибу, чувствуя себя полностью измотанным. Здесь я и встретил Глорию. Она училась на юриста в Боготе и приехала на несколько дней навестить брата. Она была тоненькой и хорошенькой, носила джинсы и кожаную куртку, черные волосы были стянуты в конский хвост. Я не обратил на нее особого внимания, так как очень спешил обратно, чтобы принести лекарства.

Однако ее брат не оставил своей идеи погулять по джунглям. Приближался его пятидневный отпуск, и он хотел, чтобы я взял их - его и Глорию - с собой. Я обедал вместе с ними, и тут он обратился ко мне с этой просьбой. Я посмотрел на Глорию. Она склонилась над своей тарелкой.

- Я думаю, что вы не понимаете, - сказал я, - что джунгли - это не место для пикника.

Глория резко выпрямилась.

- Я понимаю, - сказала она. - А ты, может быть, думаешь, ты единственный, кто может жить там?

Я негодуяюще прошипел:

- Джунгли не место для женщин. Ты и двух дней там не выдержишься.

- А, ты испытай меня, - сказала она. Я разозлился.

- Хорошо. Вы будете идти столько, сколько сможете. Но у меня нет времени разыгрывать из себя няньку. Как только почувствуете, что больше не можете, вернетесь обратно. Самостоятельно.

На следующее утро, когда мы уже собрались выходить, я понял, что будет глупостью вести их в то жилище мотилонов, из которого я пришел, и мы отправились в хижину, ближайшую к Тибу. Мы плыли на лодке два дня. Когда я увидел, что они настроены решительно, мне стало стыдно, что я не объяснил им, какими коварными на самом деле могут быть джунгли.

Мы добрались до места, когда началась рыбная ловля. Запруды уже были построены, и мужчины острогами били рыбу, крича и брызгаясь. Глория захотела присоединиться к ним. Я готов был рассмеяться. Я дал ей острогу. Она зашла в реку по пояс и побрела вниз по течению, вглядываясь в воду с видом заправского рыболова. Через полчаса она вернулась, промокшая до нитки, но улыбалась. На конце ее копия извивалась огромная рыба. Мотилоны полюбили ее за это. Ни одна из женщин никогда не ловила с ними рыбу, не говоря уже о такой большой рыбе.

Той ночью мы сидели у очага в хижине, и рассказывали истории о мотилонах. Одна из женщин подошла к Глории, потрогала ее длинные волосы и похвалила их. Потом улыбнулась и спросила:

- Ты жена Брушко?

Я покраснел, а Втория захотела узнать, что сказала эта женщина. Я ответил, что она спросила, молодая ли она женщина. Это было единственное, что пришло мне в голову.

- Само собой ясно, что я молодая женщина, - ответила, смеясь, Глория. - Но что она на самом деле спросила?

Я снова покраснел и отказался ей говорить, но они оба надели на меня и терзали до тех пор, пока я не сказал:

- Она хочет знать, не моя ли ты жена.

Она посмотрела на брата и они оба улыбнулись.

- А-а, - сказала она.

Это была удивительная неделя. Глория помогала женщинам ткать и делать их работу. Она была очарована образом жизни мотилонов, и они полюбили ее.

Когда эта неделя подошла к концу, Глория вышла из дома, встала на открытом месте и широким жестом обвела окрестности.

- Что я могу сделать? - спросила она. - Что ты имеешь в виду?

- Я говорю, что я могу сделать, чем могу помочь?

- Ты можешь выучиться на доктора, - легкомысленно сказал я. - Вернуться сюда и помогать лечить их.

Я не видел ее после этого пять лет, и честно признаться, почти совершенно забыл о ней. Мы написали друг другу несколько писем, а потом, главным образом по моей вине, переписка прекратилась.

В 1970 году, в Боготе, я шел по одной из самых оживленных улиц, и кто-то толкнул меня в спину книгой. Я обернулся. Это была Глория. Она осталась той же девушкой, которую я помнил, но выглядела как-то старше, более зрелой.

- Где ты был? - спросила она с дразнящей улыбкой. - Разумеется, в джунглях, - ответил я.

- Почему ты мне не писал?

- У кого есть время писать письма? Я был занят.

- Никто не бывает настолько занят.

Мы пошли по улице. Я спросил, как идут ее занятия юриспруденцией. Она резко остановилась, чуть не плача.

- Что с тобой? - спросил я, думая, что, возможно, ее исключили с юридического факультета и она переживает это.

- Я сейчас учусь в медицинском, - сказала она. - Ты сказал мне тогда, что если я хочу помочь мотилонам, то мне надо заниматься медициной. Я ушла с юридического факультета.

Я с трудом вспомнил, что говорил ей что-то в этом роде. Этот совет был дан больше в шутку, чем всерьез. Но внезапно я осознал, что она действительно хочет помочь мотилонам.

С этого дня, когда бы я ни оказался в Боготе, я заходил навестить ее и ее мать. Отец умер несколько лет назад. Мы вместе ходили в венгерский ресторан, который нам обоим нравился, пили кофе и разговаривали по часу. Когда я не мог приехать в Боготу, то разговаривал с ней по радио - главным образом о мотилонах. Говорили мы и об Иисусе.

Глория была рада, что Евангельская весть дает надежду мотилонам, но не была уверена, как это относится к ней.

- Мои представления отличаются от представлений мотилонов, - сказала она как-то, сидя со мной в одном маленьком кафе. - Я не могу понять Иисуса, я не чувствую, что действительно знаю Его.

- Но разве ты не видишь, как Он чудесен? - спросил я ее. - Разве ты не видишь, как Он тебя любит?

Она яростно замотала головой.

- Я могу понять его страдания. Я страдала. Я видела, как умирали отец и брат и думаю, что мне знакомо ощущение смерти. Но Иисус - Он воскрес. Разве это не так? Он воскрес, а я не могу возвыситься над своими страданиями.

Она уронила голову на стол. Я положил руку ей на плечо.

- Ты сможешь, - сказал я. - Я не знаю, как именно. Это всегда происходит по-разному. Но ты сможешь воскреснуть. Все, кто хочет этого, смогут, потому что Господь сделает это для тебя и вместе с тобой.

Она, ничего не ответив, продолжала сидеть в той же позе.

Позже, мы пошли в один из соборов Боготы. Посреди мессы Глория, молившаяся вместе со мной, внезапно обняла меня и поцеловала. Она плакала.

- Как удивительно! Как Он прекрасен! - сказала она. Женщина, стоящая около нас, забеспокоилась:

- Что случилось? - спросила она. Я засмеялся.

- Ничего такого, - сказал я. - Мы просто славим Бога. Вскоре после этого мать Глории тоже познала Иисуса.

Разыгралась семейная сцена, обе плакали в объятиях друг друга, а я, несколько смущенный, смотрел на них. Глория собиралась сдавать выпускные экзамены. В Колумбии молодые доктора должны были год стажироваться в сельской местности. Министр здравоохранения Колумбии был моим знакомым, и я попросил его, чтобы Глорию послали на стажировку в Тибу, в маленькую больницу, построенную

специально для мотилонов, которые нуждались в более квалифицированном лечении, чем могли им дать местные медицинские пункты.

- Извини, Брюс, - сказал он. - Я не могу послать туда незамужнюю женщину одну. Это слишком дикое место. Секунду я молчал. Казалось, что воздух, машины на улице и весь мир вокруг меня застыли. Но только на секунду. Потом я понял, что нужно сделать, и мне было легко произнести это.

- Это не проблема. Мы собираемся пожениться.

Я думаю, что был более удивлен, услышав свои собственные слова, чем Глория, когда я позже спросил ее об этом.

Почти уничтожены

Я оставался в Тибу, обустривая дом, в котором мы с Глорией собирались жить, получая удовольствие от плотницкой и кровельной работы и наслаждаясь мыслями о том времени, когда мы будем жить здесь вместе с ней. Но вскоре я получил известие от мотилонов, что в одном из жилищ быстро распространяется болезнь, которую знахари не могут лечить. Я взял все лекарства, которые смог выпросить или одолжить, и на следующий день уже был в пути.

Через несколько дней я добрался до этого жилища. Никто не вышел на залитый солнцем двор, чтобы встретить меня. Из дома доносились стоны и плач. Нагнувшись, я вошел в хижину.

Везде лежали тела. Единственным признаком того, что эти люди еще живы, были стоны и завывания, похожие на песню сумасшедшего. В воздухе висело невыносимое зловоние, которое выворачивало наизнанку.

Я метался от одного к другому, узнавая друзей, но был неспособен помочь кому-либо, потому что в тот момент, когда я нагибался, чтобы помочь кому-либо, стоны другого заставляли меня бежать к нему. Люди, не в силах двигаться, лежали в собственной рвоте. Под гамаками были лужицы их испражнений. Некоторые выпали из своих гамаков и теперь валялись на полу в этих лужах. Я стал вытирать тех, кто был наиболее испачкан, и давать лекарства. Но не успевал я вытереть кого-либо, как его кишечник снова восставал, и моя работа пропадала впустую. Я пытался давать им лекарства, но они выплескивались мне в лицо. Моментально моя кожа и одежда стали липкими от рвотных масс.

Большинство индейцев лежали без пищи и воды более пяти дней, поэтому одной из ближайших опасностей, грозивших им, было обезвоживание. Их кожа висела складками. Они не могли пить, вода вызывала рвоту. Поэтому самым тяжелым нужно было сделать внутривенные вливания.

Первую ночь я не сомкнул глаз. Я страстно желал спать, но не мог лежать, пока людям грозила смерть. Я продолжал двигаться, ноги болели, угрожая отказать.

На следующий день пришел Бобби и еще несколько мотилонов. Среди них был мой старый друг Аджибакбайра, вождь, который на Празднике Стрел вызвал Бобби на песенное соревнование, и тогда мотилоны впервые услышали об Иисусе. Приветствуя их, я положил руки им на плечи. Было похоже, что я единственный живой человек среди мертвецов.

В этот день появились первые признаки улучшения. Лекарства и внутривенные вливания оказывали свое действие. Помощь же со стороны пришедших была неоценимой. Как только в хижине стало темнеть, я мучительно захотел спать. Когда мы разожгли огонь и стали работать при мерцающем свете очага, это желание стало нестерпимым. Единственным, что еще заставляло меня двигаться, была мысль, что скоро все будет сделано.

Но время тянулось бесконечно, каждая минута была мучением.

Снова и снова я назначал себе срок: "В десять часов я закончу." Но проходил этот срок, и по-прежнему оставалось еще много работы.

Мы закончили в два часа утра. Наступило временное затишье, я встал и стал искать Бобби. Он подошел ко мне.

- Давай немного поспим, - сказал он, и все мое существо согласилось: "Даа!"

- А в пять часов, я думаю, нам надо идти в Иквиакаруру.

Мой мозг никак не отреагировал на это.

- Иквиакаруру?

- Да, сказал он. - Там так же худо.

- Бобби, ты имеешь в виду, что это не единственное поселение?

- О, нет, во всех на равнине эта болезнь. Не во всех так ужасно, как здесь, но довольно плохо.

Я закрыл глаза и темнота, казалось, закружилась у меня под веками. Больше больных. Больше рвоты. Может быть, кто-то уже умер.

- О, Господи, избавь меня от этого.

Следующее, что я осознал, было то, что меня трясут. Я открыл глаза и обнаружил, что лежу в гамаке, а надо мной склонился Бобби. Я снова закрыл глаза.

- Надо вставать, Брушко, - сказал Бобби. - Мы должны идти в Иквиакароу.

С огромным усилием я вылез из гамака. Времени умыться у нас не было. Бобби уже объяснил нескольким мужчинам и женщинам, которые были уже в состоянии встать и двигаться, что им нужно сделать, чтобы помочь остальным, и мы ушли.

Эпидемия в самой тяжелой стадии продолжалась три недели. В течение этого времени в сутки у меня для сна никогда не было более двух-трех часов. Семьсот человек были вылечены от кори и последующих осложнений.

Казалось чудом, что умерла только одна мотилонка - маленькая девочка. Когда я в первый раз увидел ее, я был с Аджибакбайрой. От обезвоживания она усохла до размеров грудного ребенка. Он сжал складку ее кожицы и она осталась в таком состоянии, когда он убрал руку. Два дня спустя, несмотря на все наши усилия, она умерла.

В эту ночь я не мог спать. Я был в гневе. Мне было необходимо ходить, двигаться. Я один пошел в другое жилище. Наверное, я был как бы в полубессознательном состоянии, так как не чувствовал усталости. Мой гнев горел как топливо, заставляя идти мои подкашивающиеся ноги.

Взобравшись на холм, прямо перед собой я увидел два глаза, мерцающих желтым светом. Я подумал, что это лягушка, потому что у некоторых лягушек глаза такого цвета. Но потом понял, что глаза отстоят слишком далеко друг от друга. Наверное, это две лягушки.

Раздалось шипение, глаза переместились. Я увидел, как длинное лоснящееся тело едва заметно шевельнулось. Это была пантера, которую я видел первый раз в жизни.

Я остановился. Весь мой гнев обратился на холодные неподвижные глаза зверя. Я ненавидел его. Я нащупал у себя под ногами палку. Схватив ее, я закричал и бросился на пантеру. Она зарычала и припала к земле. Когда я был от нее в нескольких метрах, она повернулась и быстрым бесшумным скачком скрылась из глаз.

Я стоял, крича на нее. Потом я осознал, что произошло. Сердце забилось быстро, и внезапно я испугался, что она вернется.

- Благодарю Тебя, Господи, - выдохнул я в темноту.

На следующий день я покинул джунгли. Нам были нужны еще лекарства, эпидемия пошла на убыль, и мое присутствие стало необязательным. Вместе с Бобби работало много мотилонов, и можно было не беспокоиться.

Полторы недели я сражался, вместо пантер, с бумагами и кредитными обязательствами, и еще неизвестно, что было мне легче. Я пытался получить субсидии от правительства Колумбии и занять денег у каждого, с кем был знаком. Когда стало казаться, что все возможное сделано, я ушел обратно в джунгли.

Придя, я застал Аджибакбайру при смерти. Мы проработали бок о бок три недели, и я думал, что у него естественный иммунитет. Но он не только заболел, но его болезнь еще и осложнилась пневмонией.

Он не мог есть. Через два дня после моего прихода он потерял сознание. Его тело пожелтело и по застывшей на его груди рвоте ползали мухи. Лицо его было в маленьких синих точках сыпи. Для человека, который был настолько силен физически, что пел в течение четырнадцати часов на том Празднике Стрел, когда Дух Божий коснулся мотилонов, находиться в таком положении было ужасно.

Пока я смотрел на него, он заморгал и проснулся. Я склонился над ним. Его лицо казалось разрисованной маской, искаженной болью.

- Брушко, - сказал он, - мне больно. Болит все тело.

- Шшш, ты должен лежать молча, - сказал я. - Мы хотим, чтобы тебе стало лучше. Мы хотим, чтобы ты снова стал сильным.

Едва заметным движением он качнул головой.

- Нет, Брушко. Я больше не здоров и не силен. Я закрыл свои глаза.

Его глаза действительно закрылись и он снова забылся. Я оставался около него. Потом он снова открыл глаза.

- Брушко, я слышал голос, как у духов, которые разговаривают с тобой, прежде чем убить тебя.

Я кивнул.

- Но этот голос назвал меня моим тайным именем, моим настоящим именем. Ни один живущий не знает моего тайного имени, но этот дух назвал меня так. Я откликнулся и спросил: "Кто ты?" и он ответил: "Я - Иисус, который ходил с тобой по тропам".

Несколько мужчин собрались вокруг него, пришел и Атрара, отец умершей девочки.

- Я сказал Иисусу, что у меня все болит, от головы до кончиков пальцев. И Иисус сказал, что Он хочет, чтобы я пришел домой.

Его дыхание вырывалось с трудом.

- Помоги мне, брат! - прошептал он, глядя на меня. - Помоги мне!

Он отвел глаза в сторону.

- Но ты не можешь. Я уже в объятиях смерти. Я ухожу. Брушко, я ухожу. Я ничего не вижу. Вокруг только боль. Господь здесь, и Он хочет отвести меня на тропу, которую мы никогда не видели во время нашей охоты, на тропу, ведущую за горизонт к Его дому.

Потом он улыбнулся и на секунду его лицо стало таким же, каким я знал его.

- Не один, - сказал он. - Не один. Мне не надо будет идти туда одному. Со мной будет Друг, который хочет взять меня с собой. И Он знает мое имя, мое настоящее имя.

Его тело обмякло. Он сжимал мою руку и пальцы его постепенно слабели. Я положил его руку вдоль тела и вышел из хижины.

На поляне я остановился. Светило солнце. Невероятно. Зайдя в джунгли, где было прохладно и сумрачно, я нашел тропу и пошел по ней, не зная и не интересуясь, куда она ведет. Потом я стал петь. Это была песня, которую Аджибакбайра пел на тропе. Я начал петь почти неслышно, но вскоре уже кричал во всю силу своих легких и плакал.

- Боже, - пел я, - я люблю своего брата и очень хочу снова петь с ним.

Кто-то дотронулся до моего плеча. Я испуганно обернулся. Это был Атрапа.

- Не плачь, - сказал он. - И не грусти. Его язык ушел за горизонт. Он не потерялся в джунглях. Не пой здесь. Он ушел в другое место.

Водоворот

Я проснулся от слабого шелеста дождя. Дом был залит нежным светом раннего утра, и все еще спали. Должно быть, дождь шел всю ночь, потому что никто не ушел на охоту. Я повернулся в гамаке на другой бок и уснул.

Когда я снова проснулся через несколько часов, дождь еще шел.

- Странно, - подумал я. - Днем дождя в джунглях почти никогда не бывает.

Прошло несколько месяцев после эпидемии кори. Я с радостью ждал свадьбы с Бторией и почти все свое время проводил с Бобби. Занимался я и лингвистикой, обрабатывая материалы, собранные за десять лет пребывания у мотилонов. Лингвисты заинтересовались ими, и я надеялся опубликовать свои статьи о языке мотилонов.

Я решил заняться своими материалами. Пока идет дождь, не имело смысла пытаться делать что-либо другое.

Я спустился к медицинскому пункту, находящемуся примерно в трехстах метрах от дома. Дождь только моросил, но повсюду на земле были лужи. Я дошел до банановой рощи и убедился, что с молодой порослью все в порядке. Ни один из стеблей не был сломан ветром. Я поскользнулся и упал в грязь. Я рассмеялся. Не припомню, когда я видел столько воды.

В медицинском пункте я сел за стол, который мы сделали из ствола красного дерева. Этот стол и ящик для моих бумаг, плотно закрывающийся и не пропускающий ни воду, ни насекомых, были моими самыми ценными вещами.

Дождь весело барабанил по жестяной крыше домика, и я начал работать. Примерно через час мою работу прервали громкие голоса. Я подошел к двери и выглянул наружу. Два мотилона на противоположном берегу реки кричали, чтобы каноэ переправило их на эту сторону. Каноэ было залито водой, нужно было ее вычерпать. Река из-за дождя поднялась и требовалось время, чтобы добраться до другого берега и вернуться с этими людьми. Я решил пойти в хижину и послушать, о чем они расскажут. Я знал, что они живут неподалеку от Тибу и надеялся, что у них есть что-нибудь для меня.

Когда я вошел в хижину, все собрались вокруг них и смотрели, как они едят. Индейцы шли по тропе несколько дней, устали и были голодны. Они рассказывали, что с ними случилось за время их путешествия и смеялись над своими приключениями. Несомненно, дорога была тяжелой. Много деревьев было сломано и через реки было трудно перебраться. Я сел на корточки, чтобы послушать их. Через несколько минут пришел Бобби. Я махнул ему рукой и улыбнулся. Эти люди рассказывали об охоте, на которую они ходили и один из них поведал смешную историю о том, как он споткнулся и разбил палец на ноге. Когда мне надоело это слушать, я встал, чтобы уйти. Ничего, кроме пустой болтовни. Я вернулся обратно в медицинский пункт и продолжал писать.

Примерно час спустя я поднял глаза и увидел, что эти двое мужчин стоят у входа. Они подали мне небольшой пакет с пятью письмами.

- Откуда они? - спросил я. Они пожали плечами.

- Джордж Камиокбайра дал их, чтобы мы передали тебе.

Джордж отвечал в Тибу за доставку почты.

- Спасибо, - сказал я.

Там были телеграммы. Я вскрыл первую. "Ее похоронили", - было написано в ней.

Кого похоронили? Должно быть, мать Глории. Но нет, ее мать и послала эту телеграмму. Внизу стояла ее подпись.

Я лихорадочно вскрыл остальные. Глория попала в аварию. Ее машина слетела с края обрыва. "Приезжай немедленно", - говорилось в одной из телеграмм. - "Мы ждем тебя. Ты должен выехать сейчас же." Но она была отправлена две недели назад. В другой телеграмме было написано, что Глория умерла и ее похороны состоятся через три дня.

Я отбросил телеграммы и побежал в хижину. Бобби мастерил стрелы. Он посмотрел на меня все с той же милой улыбкой, как и раньше, когда он был ребенком.

- Бобби, - выдавил я, задыхаясь. - Она не приедет. Она сюда никогда не приедет

- Что?

- Она не приедет, Бобби. Глория не приедет. Она умерла. Она мертва.

Подождал один из мужчин и положил мне руку на плечо, не видя, что со мной происходит. Я сбросил ее. - Откуда ты знаешь, что она умерла? - спросил Бобби.

- Там было написано. Эти письма пришли сегодня из Тибу.

- Бобби, - сказал я. - Я должен идти в Боготу. Мы должны отправиться прямо сейчас.

- Конечно, конечно, - сказал он. - Когда спадет вода, мы пойдем.

Это был длинный день. Иногда горе становилось невыносимым. Иногда это казалось нереальным. Я не мог поверить, что это действительно случилось. Я снова и снова перечитывал телеграммы. Бобби говорил и пел для меня, рассказывая о Глории, вспоминая, что она была первой белой женщиной, когда-либо пришедшей на землю мотилонов, напоминая, как она поймала рыбу.

Мои мысли, как автомат, который не может остановиться, снова и снова возвращались к смерти Глории. Я не мог ни плакать, ни молиться, хотя пытался. Молиться о чем? Она мертва. Она была мертва уже недели.

Этой ночью я зажег свечу и лежал в гамаке прислушиваясь к шуму дождя. Он продолжался весь день и теперь лил, как из ведра. Внезапно я ощутил, что не могу здесь оставаться. Я должен идти в Боготу. Я должен увидеть хотя бы могилу Глории и поговорить с ее матерью. Если я не сделаю этого, то никогда не смогу поверить, что это не кошмарный сон, а действительность.

Всю ночь я беспокойно метался в гамаке, дожидаясь рассвета. В три часа утра я встал и потряс Бобби.

- Бобби, мне нужно идти сейчас. Я должен идти в Боготу. Уже рассветает, и мы можем отправляться.

Он сказал мне, чтобы я снова лег. Было еще темно и шел дождь. Теперь он превратился в настоящий ливень. Я молился, чтобы он перестал. Я слышал шум реки, катящей камни и валуны, затем шум стих и я понял, что река вышла из берегов. Когда рассвело, вода стояла выше своего высокого уровня на добрых три с половиной метра и только в двух метрах от хижины.

Но я должен был пойти вниз по реке. Это было сильнее меня.

- Бобби, - сказал я. - Пойдем!

- Брушко, мы не сможем. Мы утонем.

- Но ты опытный лоцман, Бобби. Я знаю, ты сможешь. Он покачал головой.

- Это невозможно. Вода слишком высоко.

Но я не просил его, я требовал. В конце концов, он печально согласился. Я запаковал лингвистические материалы в водонепроницаемый пакет и взял двух диких медвежат, которых хотел послать другу в Штаты. Около десяти часов утра мы вышли. Хотя уровень воды понизился на какой-то метр, вода стояла еще довольно высоко. Она была коричневого цвета, отвратительная, с водоворотами желтой пены вокруг камней. Бобби забеспокоился.

- Ты уверен, что так надо, Брушко? - спросил он. - Вода стоит еще слишком высоко, чтобы по ней плыть.

Я не ответил, продолжая укладывать вещи в каноэ. Наконец, мы - я, Бобби и еще двое мужчин - отправились. Несколько других мотилонов вышли из дома и стояли под дождем, прощаясь с нами.

- Когда увидишь мать Глории, скажи ей, что мой живот болит за нее, - проговорила Атакадара, жена Бобби. - Скажи ей, что когда мы услышали, что Глория умерла, мы не могли есть. Мы понимаем, что она чувствует.

Я бросил прощальный взгляд на хижину и залез в каноэ. Мы оттолкнули его, вода подхватила нас и понесла вниз.

Бороться с течением было невозможно, даже имея подвесной мотор. Все, что мы могли сделать - это держаться подальше от опасных мест. Лицо Бобби было напряженным. Он знал эту реку лучше, чем любой

другой, но и он не смог бы предвидеть столкновение с каким-нибудь бревном, ведь эта мутная вода неслась вдвое быстрее обычного.

Внезапно огромный ствол дерева показался у левого борта. Мы внимательно следили за тем, чтобы он не развернулся и не задел нас. Когда мы подошли к излучине, я заметил справа водоворот. Бревно может столкнуть нас туда, если мы замешкаемся.

- Бобби, посмотри вперед! - закричал я. Но Бобби склонился над мотором. Нейлоновый шнур, заводящий движок, оборвался и Бобби пытался связать его.

Потом со дна всплыло еще одно бревно. Оно ударило то большое бревно, что было слева от нас и так толкнуло его о нашу лодочку, что она оказалась перед водоворотом. Бобби попытался отключить мотор, чтобы замедлить ход каноэ, и отвести его от бревна. Но мы не успели. Мы видели водоворот прямо перед собой, он был вдвое больше обычного. Бобби попытался развернуть лодку и пойти против течения, но оно было слишком сильным. Каноэ оказалось в водовороте. Оно закружилось, затем подпрыгнуло вверх. Нас вышвырнуло. Я видел, как баки с бензином плывут по воде. В руке у меня был пакет с бумагами, а подмышками два медвежонка. Мне нужно было ухватиться за лодку, чтобы удержаться, и я отпустил медвежат. Они сразу же поплыли, и я одной рукой схватился за каноэ, другой рукой держа бумаги над головой.

Потом я увидел Бобби, плавающего в самом центре водоворота. Без всплеска его затянуло вниз, и он исчез. Я не смог разглядеть ничего, кроме воронки мутной воды. Потом каноэ ближе подплыло к водовороту и стало двигаться быстрее, кругами. Внезапно меня отбросило от лодки во власть водоворота. Я все еще держал пакет с бумагами. Вода закружила меня, подталкивая к центру воронки. Первый круг, второй. Избежать этого было невозможно.

И тут, после третьего круга, я увидел сук, торчащий из воды прямо надо мной, и удивился, что не заметил его раньше. Я протянул свободную руку и схватился за него. Сук выдержал. Потом я посмотрел вверх и увидел на его конце одного из мотилонов. Он вытащил меня из воды, схватил за руку, и я выполз на берег, в грязь, задыхаясь. Слава Богу!

Но где Бобби? И тут же я осознал, что наделал, настаивая на этом сумасшедшем путешествии. Бобби был мертв.

- Ты видел Бобби? - в панике спросил я.

- Нет, он исчез в водовороте.

Я сказал индейцам, что прыгну в реку и поплыву вниз, пока не найду Бобби. Но они ответили, что река засосет меня и я умру.

В этом месте реку преграждала скала и вниз по реке можно было пройти только вскарабкавшись на нее. Мы полезли вверх. Я обезумел от горя. Упал, расшиб палец.

- Я должен найти Бобби, - сказал я себе.

Я оставил пакет и продолжал карабкаться. Потом я снова упал и сильно порезал ногу. Когда я добрался до вершины, то в ногу мне вонзился шип. Он зашел в тело так глубоко, что боль вынудила меня остановиться.

- Весь ад восстал против меня, - подумал я. Но принуждал себя двигаться так быстро, как только мог, и все время смотрел на реку, обшаривая взглядом оба берега.

Далеко внизу у берега я увидел каноэ, похожее на толстую иглу. Потом увидел Бобби, который держался за него. О, Боже! Я сбегал со скалы, падая и спотыкаясь о камни. Добравшись до Бобби, я помог ему вытянуть каноэ и вылезти из воды. Я положил руку ему на плечо.

- Я думал, что ты умер, - сказал он.

- А, я думал, что ты умер, - сказал я.

Он был полностью обнажен: в водовороте вода сорвала с него всю одежду.

- Ну, вот, - сказал он, - я потерял всю одежду, в которой собирался прийти в цивилизованный мир, и деньги вместе с ней.

- Ну, и что, - сказал я. - Ты-то живой, слава Господу! Потом подошли двое других. Напряжение спало настолько, что я не мог говорить. Я только трогал их всех и улыбался. Потом мы вычерпали воду и поплыли дальше.

Остаток пути прошел без приключений. В нескольких километрах от Рио-де-Оро мы остановились. Бобби сделал себе набедренную повязку из большого листа, и мы пошли в город.

Когда я садился в самолет, летевший в Тибу, Бобби положил мне на плечо руку:

- Скажи матери Глории, что мы ничего не едим ради нее, мы все горюем, что Глория умерла, - сказал он. - Береги себя и возвращайся как можно скорее.

- Постараюсь, - пообещал я.

За горизонт

Сначала я приехал в Боготу и три дня провел с матерью Глории. Случай на реке частично помог мне посмотреть другими глазами на мое горе.

Вместо того, чтобы возвратиться в Тибу, я вылетел в Соединенные Штаты, чтобы обсудить возможность выпуска этой книги. Это заняло у меня три недели. Когда я вернулся в Южную Америку, Бобби встречал меня в Тибу. Я устал от цивилизации и был рад снова вернуться в джунгли.

Но цивилизация все еще держала меня в своих сетях. Преступники намеревались оттеснить мотилонов с их земель еще дальше в джунгли. Когда мы плыли вверх по реке, на нас с угрозами набросился Умберто Абрел. Я пытался выбросить его угрозы из головы, но они снова и снова мысленно звучали во мне.

"Клянусь крестом, я убью вас", сказал он тогда. Это были странные слова, жесткие и холодные.

Еще больше было письменных угроз, не только в мой адрес, но и в адрес Бобби. Одно письмо сообщало, что все мотилоны должны уйти, потому что они (бандиты) собираются силой захватить эти земли. Это была угроза насилия.

На следующий день в Иквиакароору приплыли на лодке компаньон Умберто Абрела, Грациано, и еще пятеро. Я встретил их на берегу реки.

- Кто эти люди? - спросил я.

- Они больны и нуждаются в лечении, - сказал он. - Один из них подхватил какую-то заразу. Другим тоже нужно то или иное, поэтому они и приехали.

- А, да! - добавил он. - Я еще привез тебе письмо. Он вручил его мне и пошел к медицинскому пункту вместе с остальными.

Я вынул нож и вскрыл конверт. Письмо было от Абрела. "Убирайтесь отсюда", было написано там. "Эта земля для колонизации, мы собираемся убить вас. Любой индеец, который попытается сопротивляться, будет уничтожен."

Рассерженный до предела, я поднялся на холм к медицинскому пункту и сунул письмо в лицо Грациано.

- Прочти, - потребовал я. Он покачал головой.

- Я не умею читать.

- Хорошо, тогда я прочитаю его для тебя. - Я вслух прочитал то, что там было написано.

- Вы считаете нас настолько глупыми? - спросил я. - Вы угрожаете нам смертью, а еще рассчитываете, чтобы мы с радостью лечили ваших людей. Получайте то, что вам надо и убирайтесь отсюда. И не вздумайте возвращаться.

Я бросил письмо на землю и втоптал его в грязь. В этот вечер ко мне пришли вожди мотилонов, чтобы обсудить эту проблему.

- Мы решили, что будем сражаться, если они применят силу, - сказали они мне. - Мы уже сейчас готовимся к этому. Мы хотим достать несколько ружей и использовать их вместе со стрелами для защиты жилья.

Они спросили, что я думаю об этом.

- Ничего я не думаю, - сказал я. - Я поддержу вас, как всегда, какое бы решение вы ни приняли.

Прошло два напряженных месяца. Угрозы продолжались, особенно в адрес тех мотилонов, которые построили небольшие хижины вдоль реки.

Мы с Бобби работали над переводом Послания к Филиппийцам. Это был один из самых наполненных, захватывающих периодов совместного перевода. Казалось, наши головы были заняты мыслями о смерти из-за неизбежного столкновения с колонистами. А Послание к Филиппийцам говорило нам как раз о смерти!

Когда мы работали над первой главой, то подошли к двадцатому стиху, где Павел говорит о своей надежде на то, что он не будет посрамлен, но Христос возвеличится в нем жизнью или смертью.

Мне нужно было найти точное слово для понятия "надежда". Мотилон надеется, что вечером ляжет спать, но это слово не имеет такой силы.

Центр всех чувств мотилона находится в его желудке. Иметь полный желудок - означает быть счастливым. Какой же самый надежный путь, чтобы иметь полный желудок? Возможно, пойти на охоту и убить большого тапира. Тапира можно есть, пока не наешься до отвала.

Я взял глагол, обозначающий "получить для себя тапира" и изобрел новое время глагола: я употребил этот глагол в будущем совершенном времени и придал ему превосходную степень.

Я показал это слово Бобби. Оно потрясло его.

- Нет, - сказал он. - Это слишком большое слово. Оно слишком сильное. Как можно надеяться на что-то такое слишком большое?

Мы оставили слово, но оно все же волновало Бобби. Через два или три дня он сказал:

- Брушко, давай вернемся к этому слову.

- Давай, - сказал я.

Он немного помолчал, раздумывая, потом сказал:

- Брушко, а Иисус Христос для тебя такая же надежда в твоей жизни? Да?

Это меня озадачило. Одно дело придумать правильное слово и совсем другое - ответить, так ли это в твоей собственной жизни. Я подумал о своем обращении, о кризисах, через которые я прошел, когда был у индейцев юко и у мотилонов. После долгого молчания я ответил:

- Да.

Потом я решительно кивнул.

- Да, Бобби. Всеми своими силами и всей душой я хочу надеяться на Иисуса Христа. Бобби посмотрел себе под ноги.

- Да, - сказал он. - Это именно то слово.

- Ты уверен? - спросил я. Он кивнул.

Продолжая перевод, мы подошли к месту, где Павел говорит, что желает сообразоваться с образом Иисуса Христа через собственные страдания или смерть. Бобби взял ту же грамматическую конструкцию - будущее завершённое время в превосходной степени - и применил его к глаголу, обозначающему соответствие со Христом.

- Я умру, сообразуясь смерти Христа, - сказал он. Я почувствовал тяжесть, как будто бы к весу моего тела добавился вес тела Бобби. Что я сделал? Да, я принес веру мотилонам, но готов ли я принести им этот вид сообразности - сообразность со смертью Христа? Неужели вместе с жизнью я принес им и смерть? Я стремился к молитве, Бобби еще больше, но от его молитв у меня по спине пробежал холодок.

- Иисус Христос, я хочу сообразоваться с образом твоим. Ты - моя надежда.

В атмосфере, пропитанной опасностью, эта молитва казалась дерзкой. Бобби, как бы говорил: "Мне все равно, буду ли я жить или умру. Я хочу быть, как Иисус." Он отдавал собственную жизнь.

В последующие три недели все было тихо. Мы ждали каких-либо вестей от бандитов, но от них больше не было ни слова. Возможно, это была просто игра, пустые угрозы, которые никто не собирался выполнять.

Бобби должен был спуститься по реке, чтобы продать бананы. Он взял еще двоих мотилонов с собой. Его ждали обратно к четырем часам следующего дня. Вода в реке была на нормальном уровне, каноэ - исправным и никаких причин для задержки не было. Но в четыре часа Бобби не приехал, не приехал он и в пять. Я начал беспокоиться. Мне вообще не нравилось, что он ушел. Мои мысли крутились вокруг того, что могло с ним случиться. Шесть часов. Солнце заходило. Только река слабо светилась в сумерках. В джунглях стали раздаваться характерные ночные звуки. Это было настолько обычно, что раньше я почти не замечал их, но теперь каждый звук казался предвестником беды.

В половине седьмого я, Абакуриана, Джордж Камиокбайра и Асрайда сели в каноэ и поплыли вниз по реке на поиски Бобби и его каноэ. Остальные ехать не хотели. Не очень-то просто плыть по реке ночью. Луны не было, и камни могли внезапно появиться перед нашим каноэ. После первых порогов каноэ было залито водой. Мы вычерпали ее и продолжали плыть. Проходя следующие пороги, мы чуть не сломали винт о камень, но ухитрились освободить его и поплыли дальше.

Когда мы огибали излучину реки, из темноты неожиданно вынырнуло другое каноэ. Мы чуть не наскочили на него. Я посветил фонариком и мы увидели в нем Аниано Битраго, одного из людей Умберто Абрела, и нескольких его приспешников. Я не окликнул их, продолжал держать фонарь так, чтобы он светил им в глаза и они не смогли нас узнать. Река тут же развела нас. Но что они делали ночью на реке?

Немного дальше мы наткнулись на другое каноэ, плывущее вверх по реке. Оно тоже было набито бандитами. Фонариком мы осветили берег в надежде увидеть Бобби или его каноэ, но тщетно.

Еще два каноэ, плывших вверх по реке, прошли мимо нас. В них были люди, которых я не знал. Мы подплыли к дому одного из поселенцев. У пристани стояло около десяти каноэ. Казалось, ночь была наполнена опасностью.

Джордж зашептал:

- Смотри! По-моему, там каноэ Бобби.

Он показывал на пристань. Я напряженно всматривался, но не мог определить, так ли это. Мы проплыли мимо. Это не могло быть каноэ Бобби, он никогда не останавливался в домах поселенцев. К тому же Сапхадана, небольшое жилище мотилонов, находилось в нескольких сотнях метров отсюда, вниз по течению.

Мы хотели было вернуться и посмотреть еще раз.

- Нет, - сказал я. - Лучше доплывем до Сапхаданы и спросим Айстоикану, видел ли он Бобби.

Каноэ причалило около жилища мотилонов. Оттуда не доносилось никаких звуков, света не было. Потом я услышал голос мотилона:

- Брушко?

- Да.

На берег бегом спустился Айстоикана. Я едва смог разглядеть его лицо.

- Брушко, они убили Бобаришору. Он мертв. Я не понимал, что он говорит.

- Это невозможно! - ответил я. - Он должен быть в Иквикароре. Он здесь проплывал?

Айстоикана схватил меня за руку.

- Брушко, слушай. Бобби мертв. Они убили его. Оглушенный, я упал на колени в песок.

- Где те двое, что были с ним?

- Я не знаю. Они были ужасно изранены. Они ушли. Я ухватил Айстоикану за колено, пытаюсь удержаться.

Казалось, ночь заполнена красно-синими пятнами, похожими на раны.

- Что произошло? - прошептал я.

- Бобби был с Сатайрой и Акасарой. Они шли вверх по реке мимо фермы Израэля. Израэль стоял на берегу и махал рукой, прося подплыть к нему. Бобби опаздывал. Он не хотел останавливаться, но, хорошо зная Израэля, подумал, что дело чрезвычайное.

- Израэль лечился здесь два или три раза за последние несколько месяцев, - хрипло сказал я. - У него была сломана рука, и я ее вправил. И он взял все лекарства, которые были ему нужны.

- Да, - сказал Айстоикана. - Поэтому Бобби думал, что он друг. Он подвел каноэ к берегу. Когда он склонился над мотором, чтобы выключить его, Сатайра взглянул вверх и увидел человека, стоящего с дробовиком за деревом. Сатайра закричал Бобби и Акасаре, чтобы они прыгали в реку. Бобби не услышал, потому что стоял слишком близко к мотору. Сатайра выпрыгнул на берег и схватился за ружье. Пока он пытался отнять его у этого человека, тот дотянулся до своего мачете. Сатайра отпустил ружье, чтобы защитить себя, и тот разрезал мачете ему руку от запястья до локтя. Сатайра упал в воду, и Акасара бросился из каноэ, чтобы спастись.

- Бобби попытался выбраться из лодки, но заряд из дробовика попал ему в нижнюю часть живота. Он упал в реку. Несколько дробинок угодили в ногу Акасары, но он и Сатайра сумели доплыть до другого берега. Они пытались найти Бобби, но все, что они видели - это покрасневшую воду. Потом они увидели его тело, плывущее по реке. На другом берегу стояло много колонистов, и у всех были ружья. Они поджидали Бобби. Акасара и Сатайра были напуганы и убежали. Они пришли сюда и рассказали нам об этом.

- О, нет, нет, о, нет, - шептал я.

Неподалеку раздался свист. Язык мотилонов - тональный, и они не всегда пользуются словами. Свист обозначал, что два каноэ плывут вниз по течению. Звука моторов слышно не было. Я понял, что те, кто в них находился, не хотели создавать лишнего шума. Это враги.

- Я пойду вниз по реке и приведу военных, - сказал я, внезапно разозлившись. - Джордж, ты пойдешь со мной.

Я залез в каноэ. Запуская мотор, я услышал негромкие резкие звуки на воде. Кто-то стрелял дробью ~ со слишком большого расстояния, чтобы причинить вред. Мотор завелся с третьей попытки, и мы быстро оставили людей с дробовиками позади.

Через несколько часов мы были в гарнизоне Рио-де-Оро. Я разбудил командира гарнизона. Он спустился вниз в пижаме. Я рассказал ему о заговоре с целью убийства Бобаришоры и о том, что, как мне рассказали, он умер.

Он выслушал меня, сонными глазами уставившись куда-то в пространство.

- Ладно, я проверю, - сказал он и открыл дверь, предлагая мне выйти.

- Мне не надо, чтобы вы проверяли это, - сказал я. - Мне нужно, чтобы вы оказали нам помощь. Нужно защитить мотилонов.

- Извините, ничего не могу сделать ночью, - сказал он.

Я пошел в полицию. Они тоже не хотели ничего предпринимать. Я не думаю, что это их не интересовало. Они просто боялись, что их самих атакуют, нападут на них.

Я был расстроен и зол. В четыре утра мы с Джорджем поплыли обратно. Рассвет только начинался. Жемчужно-серый свет на воде становился все более ярким, по мере того, как мы поднимались вверх по реке. Растительность была сочного зеленого цвета. Все выглядело так невинно. Это были деревья и река, которые я любил. Это был мой дом.

Бобби не мог умереть. Я отказывался поверить в это. Я вспоминал о том, что случилось несколько месяцев назад, когда наше каноэ попало в водоворот. Тогда я думал, что Бобби умер. Но он спасся. Может быть, каким-нибудь чудом он сейчас в джунглях, ждет помощи, скрывшись от бандитов.

Когда мы доплыли до Сафаданы, солнце светило вовсю. Казалось немыслимым, что тут могли стрелять. Но Айстоикана рассказал нам, что колонисты и бандиты плавали здесь всю ночь, стреляя в хижины мотилонов около реки и выкрикивая, что мотилоны должны уйти, что эта земля им больше не принадлежит.

- Ты искал Бобби? - спросил я.

- Искал, но не нашел ни следа.

- Надо посмотреть, - сказал я. - Может быть, он нуждается в нашей помощи. Может быть, он раненый лежит в джунглях.

Айстокана, несколько растерянно, смотрел себе под ноги. Разыскивая Бобби, мы целый день провели в джунглях. Остальные хотели было закончить поиски, но я не отпустил их. Я не спал полутора суток и был на пределе. Иногда мой голос срывался, и были слышны только голоса птиц, распевавших на деревьях. Бобби не отвечал.

В пять часов мы прекратили поиски, нужно было успеть в Сафадану до темноты. Мы не разговаривали - мы слишком устали и были выбиты из сил.

Когда мы добрались до места, где река Кано Томас впадает в Рио-де-Оро, я увидел какой-то предмет, плывущий по реке. Он был похож на бревно. Мы подплыли ближе, чтобы посмотреть, что это. Это был Бобби, лицом вниз.

Надежда исчезла. Я почувствовал опустошенность, как будто бы от меня осталась только оболочка. Я убедил себя, что и сейчас будет то же самое, как и тогда, когда мы чуть не утонули. Бобби должен быть жив. Мы вновь должны соединиться.

Река была неглубокой. Я выбрался из каноэ и перевернул Бобби. Его лицо, абсолютно белое, сморщилось от долгого пребывания в воде. Я закрыл ему глаза. Он умер мгновенно. Заряд из дробовика разнес нижнюю половину его тела.

- Боже, - закричал я. - Боже, почему?

Он был вождем своего народа, первым, принявшим Иисуса, первым, кто умел читать, строил школы, первым, кто пытался противостоять бандитам цивилизации.

Джордж протянул мне одеяло. Я обернул в него тело Бобби, и мы положили его в каноэ.

На следующий день мы привезли его тело в Иквиакаруру. Моя душа не находила покоя. Я плакал всю ночь, пока не выплакал все слезы. Мысли вертелись у меня в голове.

- Зачем эта смерть, Господи? - спрашивал я снова и снова. - Река была смертью. Джунгли были смертью. Смерть выползала из долин. Она всегда поражала тех, кого я любил... Глория... Бобби... И я вспоминал слова Умберто, от которых мороз пробежал по коже: "Клянусь крестом, я убью вас!"

Река обмелела, и приходилось тратить много времени, перебираясь через неглубокие места. В одном таком месте я услышал характерный звук пуль, вспарывающих воду. Стреляли из двух каноэ, у другого берега реки. Внезапно пуля вонзилась в борт нашего каноэ. Мы изо всех сил старались стащить каноэ с мели подальше от них, но бандиты нас догоняли.

Я почувствовал, как что-то горячее ударило меня в ногу. В меня попала пуля.

В конце концов, нам удалось столкнуть каноэ с мели. Как только мы вышли на глубокое место, другая пуля задела мне грудь. Это было то, что надо. Я жаждал ран, жаждал боли. Я жаждал смерти.

Но мои раны оказались неглубокими. Мы остановили кровь; дробинки можно вытащить позже.

После бесконечных часов медленного продвижения вверх по реке мы свернули в протоку, ведущую в Иквиакаруру. На берегу стояло несколько сотен вооруженных мотилонов. Они узнали нас, но стояли неподвижно, ожидая, пока мы сойдем на берег.

Известие о смерти Бобби уже разнеслось среди мотилонов, и люди пришли из всех окрестных жилищ. Они столпились вокруг каноэ.

Я увидел Атакадару, жену Бобби, стоящую над нами на холме. Она выжидательно смотрела на меня. Я посмотрел на нее и склонил голову, подтверждая, что Бобби умер. Она повернулась и побрела назад, одна из ее дочерей уцепилась за ее ногу. Самый маленький сын Бобби был у нее на руках.

Мы вынесли из хижины мой гамак и привязали его к высокому шесту. Вынув тело Бобби из каноэ, мы положили его в гамак и покрыли моим одеялом, поскольку он был моим братом. Потом мы перенесли гамак через реку и повесили его высоко над землей, на ветвях, чтобы стервятники могли есть его тело.

Возвращаясь, я увидел Атакадару, одиноко стоящую на краю поляны. Ее глаза были темны и пусты, как тогда, когда умерла ее дочь.

Она взглянула на меня, и я разрыдался. Она схватила меня за плечо.

- Нет, нет, - говорила она.

Я обнял ее, потом отпустил.

Весь день я сидел около хижины и смотрел, как стервятники слетаются к телу Бобби. Сначала высоко в небе появились темные точки. Планируя кругами своими огромными неподвижными крыльями, они подлетали все ближе и с коротким взмахом садились на деревья.

Я вспомнил, что когда-то этот обряд казался мне бессердечным и жестоким, что засунуть тело в ящик и положить его в яму лучше, чем подвесить высоко на деревьях и оставить его под небом. Теперь я знал, что это означает. Это значит, что Бобби свободен и уходит за горизонт.

Я хотел только одного - уйти с ним.

Мотилоны пытались разговаривать со мной, когда я сидел на корточках перед хижиной, хотели утешить меня. Но я был как камень.

Вечером я не мог больше этого выносить. Я пошел в джунгли, к деревьям, на которых был подвешен гамак Бобби. Там я хотел лечь под гамаком, в котором было тело Бобби, и сказать ему последнее прощай. Но когда я пошел, все индейцы последовали за мной. Их было около двухсот. Мы вместе перешли реку. Под гамаком было темно, луны не было.

- Давайте возьмемся за руки, сделаем круг без начала и конца, и будем говорить с Богом, - сказал я.

Это не было в обычаях мотилонов, но мне казалось, что сейчас это будет правильно.

Одо, приемный сын Бобби, первым начал молитву. Ему было только четырнадцать, но Бог вложил в его уста самую красивую, пророческую молитву из всех, что я когда-либо слышал.

- О, Господь, - громко говорил он, глядя на силуэт гамака Бобби. - Господь, здесь темно, совершенно темно, я ничего не вижу. Мы заблудились.

Он замолчал на секунду, затем более спокойным голосом продолжил:

- Господь, вот дерево, высокое дерево, его корни очень глубоко уходят в землю. Это мы, Господи, это мотилонский народ.

- Мы жили на этой земле всю нашу жизнь, поколение за поколением, и наши корни очень глубоки, а кроны деревьев высоки.

- Мы пытались идти за Богом, но мы потеряли Его, пока пытались идти за Ним. Мы пытались идти своими тропами, но они никогда не вели туда, куда мы хотели прийти; они только кончались у другого жилья, или у реки. Они никогда не уводили нас за горизонт, где мы можем найти Тебя.

- Потом Бобаришора нашел твою тропу в Иисусе Христе и пошел по ней, и показал нам, как по ней идти. Мы были рады.

- Но, Господь! Куда эта тропа привела его? Почему она привела к этому месту? Господь, этого не может быть. Одо остановился в абсолютной тишине.

- Это дерево прекрасно, - сказал он. - Оно прекрасно. Оно покрыто огромными, чудесными цветами, раскрывающимися и сверкающими на солнце. Каждый из нас - такой цветок.

- Но один цветок больше и красивее всех остальных. Он дал самый лучший плод. Это Бобаришора. Он дал нам плоды земледелия, и наши желудки стали полны. Мы умирали от болезней, и он дал нам исцеление от Иисуса Христа через лекарства. Он показал нам тропу, по которой можно идти вместе с Иисусом Христом, и теперь у нас есть для чего жить, смысл жизни. Мы все рады этой новой жизни.

- Но, Господь, здесь так темно. Дунул ветер, и плод, самый лучший плод, завял и высох, и упал на землю. Его семена втоптаны в темную, темную землю. Он умер... Бобаришора умер и покинул нас.

- Господь, не позволяй семенам пропасть. Преврати нас в благодатную почву, чтобы это семя могло прорасти в нас. Преврати его смерть в огромное дерево, растущее в нашей душе, чтобы мы могли жить так же, как он, помогать друг другу и учиться любить. Пусть это вырастет в нас, сделай это ради его смерти. Мы просим об этом, потому что мы все в этот вечер в круге держимся за руки, мы единое целое и вновь рождены в Иисусе Христе, Сыне Твоем Единородном.

Круг разомкнулся и медленно распался. Я видел то, чего никогда не замечал за мотилонами до этого: люди прятали глаза, всхлипывая.

Окдабидайна подошел ко мне, пытаясь улыбнуться.

- Посмотри на нас. У всех нас насморк! - сказал он.

- Нет, возразил я. - Это тот же насморк, что и у меня. Это не насморк.

Потом Окдабидайна, один из главных вождей, схватился за голову и упал на землю.

- О, Брушко, - сказал он, глядя на меня. - Я не мужчина. Я ребенок, грудной ребенок. Только дети плачут.

Его муки настолько потрясли мотилонов, что они убежали в джунгли, пытаясь скрыть друг от друга свои слезы.

- Брушко, - сказал Окдабидайна. - Иисус Христос умер за все племена в мире. Бобби - почти как Он. Он умер за мотилонов.

Три недели я оправлялся от своих ран. Я хотел уйти из джунглей, чтобы не вдыхать запах смерти. Я хотел сообщить властям о ситуации с бандитами. Но уйти я не мог. На реке были засады. Каждого, кто пытался пробраться, могли убить. Охотники обнаружили, что и на тропах, ведущих из джунглей, тоже были засады -

люди с дробовиками. Один из индейцев все же дошел до Тибу с несколькими письмами. Он шел целую неделю, только по ночам, избегая троп.

Выйти из джунглей можно было только по горам -пути, занимающий около ста сорока часов ходьбы.

Моя нога зажила, и я отправился в путь. Пройдя половину пути, я услышал шум вертолета. Президент Колумбии послал его за мной. Вскоре я выбрался из джунглей.

Я провел беспокойную неделю в Боготе. Что все это значит? Для мотилонов Бобби может вырасти в цветущее дерево. Но какой смысл для меня имеет убийство брата? Однажды вечером, разговаривая с одним из министров колумбийского правительства, я получил ответ. Он лично знал Бобаришору и очень интересовался народом мотилонов. Я только что описал ему смерть Бобби, и в его глазах стояли слезы.

- Но, Брюс, - сказал он. - Ты говоришь об этом так, словно хочешь, чтобы Иисус вмешался и положил конец всем бедам. Разве ты не видишь, что все как раз наоборот. Если бы у них не было Иисуса, то борьбы бы не было; Бобби никогда бы не умер так, как умер.

- Нет, Брюс. Смерть Бобби была не вопреки Иисусу. Он умер ради Иисуса.

Министр положил руку мне на плечо.

- В каком положении был бы сейчас мотилонский народ, если бы Бобби не был тем человеком, которого негодяям нужно было обязательно убить? Что бы ты мог сделать, если бы Бобби не был таким?

- Ничего, - сказал я. - Ничего не мог бы сделать.

- Да, жизнь должна быть такой, - думал я. - Должны быть борьба и плач, даже смерть.

Внезапно я увидел своих родителей и все страдания, через которые мы прошли...

Я видел юко, лица поселенцев...

Я видел лица мотилонов, для которых необходимо было перевести оставшуюся часть Нового Завета...

Нужно сделать еще так много... много того, что призвал меня совершить Христос. Наверное, будет еще боль и одиночество тоже будет. Может быть, даже смерть.

Почему это так трудно? Почему?

Потом я увидел Иисуса. Он всходил на холм с тяжелой ношей. Его лицо было искажено горем; Его спина была согнута.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел на министра.

- Я думаю, что знаю, - сказал я. - Это крест.

Я поднял руку и перекрестил большой палец с указательным.

- Ради этого креста.

Эпилог

Через пятнадцать лет после начала своей миссионерской деятельности Ульсон кратко подводит итоги труда, который помог превратить мотилонов - кочевников каменного века - в народ, занимающийся земледелием и исповедующий христианство.

С 1961 года я жил среди мотилонов и юко в Колумбии, в Южной Америке. Первые полтора года я провел, налаживая контакт с мотилонами. Следующие два года я жил среди туземцев, изучая в общем их язык, обычаи и культуру.

На пятый год я начал вводить программу, ориентированную на потребности мотилонов в соответствии с системой их приоритетов, научно обоснованную программу, составленную с учетом их общественной системы. Она включала в себя: (1) борьбу с эпидемиями и заболеваниями посредством организации медицинских пунктов, введения медицинского лечения через местных знахарей и их помощников; (2) организацию производства основных продуктов питания и выращивание сельскохозяйственных культур (эта стадия включает в себя разведение крупного рогатого скота и животноводство); (3) при перепроизводстве сельскохозяйственной продукции организация системы продажи продуктов индейцами, живущими вблизи от цивилизации; (4) образование и открытие двуязычных школ.

На сегодняшний день существует 10 медицинских пунктов со всеми основными лекарствами. В них работает хорошо подготовленный медицинский персонал из индейцев мотилонов, за прошлый год ими было вылечено более 3 000 поселенцев - бывших врагов!

Работает 8 двуязычных школ с мотилонами в качестве учителей. У нас имеется более 12 текстов, подготовленных мной на мотилонском языке и на испанском.

Школы отвечают высшим стандартам Министерства образования, обучение в них пятилетнее. Семь выпускников этих школ получают стипендии для дальнейшего обучения в американской школе в Букарманге. Из этих семи трое будут обучаться в университетах, а остальные четверо пройдут курс обучения в Национальном Институте сельского хозяйства и животноводства в Колумбии. В этом году два

мотилона начнут занятие на подготовительном отделении факультета медицины в Национальном Университете Боготы в Колумбии.

Имеется 11 сельскохозяйственных центров. Мотилоны, полукочевое племя, хорошо изучили основы сельского хозяйства, вплоть до животноводства. Сейчас на пастбищах в густых тропических джунглях около Золотой Реки насчитывается около 1 000 голов крупного рогатого скота, разделенных на 15 стад. Мотилоны называют скот "ходячие холмы". Они раньше никогда не видели животных такого размера! Когда Арабадойо впервые увидел человека верхом на муле, он спросил у меня: "Через какой рот он ест?" - думая, что человек и его мул - одно целое!

Занимаясь всеми четырьмя упомянутыми аспектами, я продолжал переписку с правительством Колумбии и каждый месяц публиковал научно-популярные статьи в местных изданиях. Это помогло поднять интерес к этническим меньшинствам в Колумбии. В статьях я делился своими впечатлениями о жизни мотилонов и юко. Более десяти лет я работаю в резервации мотилонов, созданной с целью защиты их земли от вторжения поселенцев. Этот указ был подписан президентом Колумбии, доктором Мисаэлем Пастраной 24-го марта 1974 года. С целью привлечь внимание народа Колумбии к этническим меньшинствам он обратился к нам с просьбой составить факультативный курс для Северного Сантандера по языку мотилонов и бари, включающий в себя лекции по обычаям и культуре племен. Президент университета объявил об открытии такого курса в ноябре 1974 года, и в тот же день поступило 36 заявлений.

В честь "диких" мотилонов в Кукуте, в столице Северного Сантандера, нашей области, есть футбольная команда "Мотилоны". Существует служба скорого такси "Мотилоны", кофе "Мотилоны", курсы гольфа "Мотилоны", "Бульвар Мотилонов", "Баррио Мотилонов" (район города) и так далее. Все это говорит о гордости жителей Кукуты своим этническим меньшинством.

Кроме 10 медицинских пунктов, у нас есть две небольшие поликлиники. Мы также закупили оборудование у правительства США, "Портативный госпиталь", который был во Вьетнаме. В Тибу у нас есть туберкулезный санаторий, названный на языке мотилонов "Буййокбарингкайра", вмещающий до 53 пациентов. Туберкулез теперь полностью контролируется благодаря практике изоляции больных и вакцинаций на местах с помощью "преобразованных" знахарей.

Пятый конгресс международного развития сельских районов, проходивший в Кукуте, отметил народ мотилонов за высокое качество их программы развития и беспрецедентные достижения! Я опубликовал эту программу "Уна Раза Бравия" (непобедимый народ), которая теперь является ведущей правительственной программой развития первобытных племен.

Я рад тому, что мы, христиане, внесли положительный вклад в дело развития этнических меньшинств Колумбии и достигли взаимопонимания в этом вопросе с правительством, в котором я официально являюсь "техническим советником" (впрочем, без жалования).

Я очень благодарен за недавно созданный медицинский центр на берегах Золотой Реки в Иквиакароре. За последний год мы вывезли из Кукуты 2 300 мешков цемента на грузовиках, каноэ и мулах, а кое-где и на своих спинах, сюда, в место, ставшее в этих джунглях центром для множества программ развития, над которыми мы работаем вместе с мотилонами. Все реки, протекающие по территории мотилонов, сходятся около Иквиакароры, образуя Нижнюю Золотую Реку и Великую реку Кататумбо, впадающую в озеро Маракайбо (Венесуэла). По записям, хранящимся в архивах Иквиакароры, с 1968 года по декабрь 1975 года, в медицинских пунктах был вылечен 7441 пациент.

Я всегда рад, когда студенты из Букараманги возвращаются на каникулы, потому что это лучшее время для проверки перевода Нового Завета мотилонов и объяснения сложных грамматических конструкций.

Меня охватывает трепет, когда я слушаю, как молодежь сравнивает свою веру в Иисуса Христа с нашим традиционным христианством. Как-то один парень спросил у Одо, который дважды побывал в США: "Так в чем же разница между их Иисусом Христом и нашим?"

Ответ Одо был очень прост и ошеломляющ: "Иисус Христос все время живет в нас, а не в раскрашенных зданиях."